
Россия, Русь! Храни себя, храни!

9
2019

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ШИНКАРЁВ. Размышления после Дня Победы	3
Эмма МЕНЬШИКОВА. В Бессмертном полку	9
Макс ЕЛЁВ. С кем мы воевали в Великой Отечественной войне	57
Сергей ГЛАЗЬЕВ. Оккупация	64
Валентин КАТАСОНОВ. Закат экономики индустриализации	106
Алексей ШВЕЧИКОВ. Вперёд — к социализму	136

ПРОЗА

Юрий ПАХОМОВ. Рассказы	14
Алексий ЛИСНЯК. Короткие рассказы	70
Николай ОЛЬКОВ. Два рассказа	113
Владимир КАЗМИН. Укол «Рапиры». Рассказ	156
Николай БОРИСОВ. Выстрел . Рассказ	170

ПОЭЗИЯ

Сергей ЧУХИН. Время разлуки . Стихи	46
Юрий ФАТНЕВ. Розовеют здесь флоксы... Стихи	96

Татьяна ШОРОХОВА. Путь без конца. Стихи	101
Зоя КОЛЕСНИКОВА. Провинциальная луна. Стихи	126
Хизри АСАДУЛАЕВ. Река времён. Стихи	130
Стихи участников Всероссийского совещания молодых авторов	185

СИМВОЛ ВЕРЫ

Николай БУЛГАКОВ. «Душа слышит свет...»	193
--	-----

ДОСЬЕ «МГ»

Владимир БОЛЬШАКОВ. Осторожно: пятая колонна	212
--	-----

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Всеволод ТРОИЦКИЙ. Честь слова и слово чести	224
---	-----

ЛАРЕЦ

Василий ШУКШИН. Упорный. Рассказ	234
---	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Никита ПОЗДЯКОВ. Либеральные мантры	248
Владимир КРУПИН. Насилие над детьми	255
Игорь РОМАНОВ. Мигранты и Россия	259

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Ёлка НЯГОЛОВА. Дать шанс нашим душам	262
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Заколдованное место	269
Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	276

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ ДНЯ ПОБЕДЫ

Нынешнее празднование 9 Мая еще раз подтвердило, что День Победы прочно занял свое место в качестве главного Праздника страны. С каждым годом набирающее силу движение «Бессмертный полк» показывает, что наш народ на интуитивном уровне ощущает Победу в Великой Отечественной войне как грандиозное событие мировой истории. Люди выходят на марш Полка независимо от политических взглядов и отношений к властям, с чувством гордости за то, что их отцы и деды были причастны к этому великому делу. В то же время политическая элита по конъюнктурным соображениям никак не решается в полной мере оценить заслугу Советского Союза в разгроме фашизма. К сожалению, в нашей стране сложилась какая-то странная ситуация: интересные и глубокие исследования (а таких о Великой Отечественной войне сделано огромное количество) не получают широкой общественной трибуны и поддержки руководства страны.

В советское время ради поддержания т.н. «единства коммунистического движения» преувеличивалась роль антифашистского сопротивления в Европе и замалчивался факт сотрудничества с

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

гитлеровской Германией большинства наших союзников по социалистическому лагерю. К тому же один из руководителей СССР Н.С. Хрущев ради своих политических амбиций запустил ряд фальшивок, на которые и сегодня опираются российские либералы. В период развала Советского Союза (теперь уже в антикоммунистических целях) дали дорогу тем, кто делал акцент на самобичевание, выпячивание ошибок советского руководства, требование покаяния и т.д. наших политиков в то время волновали не факты пособничества, например, Венгрии и Чехословакии германской армии в войне против СССР, а желания загладить «вину» перед этими странами за события 1956 и 1968 годов. Кстати, подобные настроения живы и до сих пор. Любопытно, что пример США, которым мы так хотели подражать в то время, наших либералов не заинтересовал. Американцам никогда и в голову не приходило каяться за самое страшное военное преступление (атомную бомбардировку японских городов). И тем не менее для Японии Соединенные Штаты являются главным стратегическим партнером. Благодаря же умелой пропаганде, сейчас более 50% японцев убеждены, что атомную бомбу на них сбросил Советский Союз. Вполне возможно, что через какое-то время от нас потребуют покаяния и за Хиросиму.

В двухтысячные годы отношение к Победе начало резко меняться, поскольку она стала духовной основой в деле возрождения российского государства. Тем не менее в руководящих кругах в отношении этого исторического события по-прежнему присутствуют осторожность, недосказанность, явное нежелание давать конструктивные оценки советскому руководству того периода. При таком подходе вряд ли можно достойно ответить на информационные нападки на нашу Победу, которые можно ожидать в связи с исполняющимся в сентябре этого года 80-летием начала Второй мировой войны. Однако создается впечатление, что в Кремле больше всего озабочены намерением Польши не приглашать российскую делегацию на мероприятия по случаю указанного юбилея. Хотя по большому счету ехать туда не стоило даже если бы приглашение поступило. Во-первых, участвовать в их сомнительных торжествах, в то время как они игнорируют наш праздник Победы, — значит не уважать себя. Во-вторых, упомянутый юбилей, безусловно, является частью информационной кампании против нашего государства и будет использован для доказательства вины Советского Союза в развязывании Второй мировой войны. Наконец, там в основном соберутся представители как раз тех стран, на которых лежит ответственность за начало этой страшной войны. И нам в этой компании быть неприлично.

Достоинством ответом в связи с юбилеем стала бы подготовка материалов о действительных виновниках той мировой трагедии независимо от того, на какой стороне они воевали. При этом они должны стать достоянием не только узкого круга специалистов, но и широкой публики. Пора наконец четко обозначить, что в странах Запада, включая Англию и США, преобладали силы, нуждающиеся в Гитлере, которые явно или тайно оказывали ему поддержку. И независимо от их расчетов в отношении фашистского государства (одним фашизм был близок идейно, другие связывали свой бизнес с разжиганием войны, третьи намеревались использовать вождя немецких национал-социалистов втемную для решения своих политических задач) все они желали столкновения СССР и Германии. Таким образом, в 30-е годы прошлого столетия Советский Союз оказался один на один со всемирным злом. А факт вступления впоследствии Англии и США вместе с Москвой в одну антигитлеровскую коалицию продиктован не их желанием вступить в борьбу с фашизмом, а является результатом внешнеполитической деятельности советского руководства.

Не стоит гадать, знал ли Сталин точную дату нападения Германии, главное: что он мог сделать. Прежде всего, необходимо принимать во внимания, что у Советского Союза на тот момент было, по крайней мере, четыре серьезных противника (Англия, Германия, США, Япония). Все указанные государства с нетерпением ждали какого-либо неосторожного шага с советской стороны, чтобы найти повод для выступления против нашей страны. В такой ситуации знание даже самой точной даты начала войны ничего бы не изменило. Все шаги противодействия в этом плане Москве приходилось тщательно взвешивать, чтобы не получить обвинения в агрессии. В противном случае США и Англия оказались бы на другой стороне. И как бы ни был страшен день 22 июня 1941 года, Сталин выдержал тяжелую, но такую важную паузу. Сообщение о нападении Германии было обнародовано только после получения от немецкого посольства документа об объявлении войны. Теперь СССР был прав даже в юридическом отношении.

Вне всякого сомнения, в этот «юбилейный» год будет активно «полоскаться» пакт Молотова—Риббентропа. Отношение у нас к этому документу неоднозначное. Хотя, если его оценивать с точки зрения национальных интересов Советского Союза, это была серьезная внешнеполитическая победа. Гитлер в любом случае напал бы на Польшу (с пактом или без пакта), но отсутствие договора тайло опасность более раннего военного столкновения между Германией и

СССР. Советская дипломатия через этот договор сумела утвердить свое влияние именно на территориях возможных столкновений. Что касается соглашения о торговом сотрудничестве, то оно было буквально навязано немецкой стороне в качестве приложения к пакту, поскольку было крайне выгодно Советскому Союзу. Критикам, ставившим в вину «сталинскому режиму» эшелоны с сырьем, которые шли в сторону Германии даже в ночь на 22 июня 1941 года, следует напомнить, что в это время в обратном направлении грузовые поезда везли современное оборудование.

Особо хотелось бы обратить внимание на заявления о тождестве Сталина и Гитлера, которые постоянно звучат на Западе и нередко встречаются и у нас. Вообще, если углубиться в подлинную суть этого вопроса, то кощунственным являются не только утверждения такого рода, но и отсутствие на них жесткой реакции. Думается, что в этой связи полезным будет разговор о будущем, которое готовила фашистская Германия для всего мира, в том числе для СССР. Тем более что в этом отношении имеются факты, практически неизвестные в нашей стране.

Обычно, при обсуждении указанной темы упоминаются планы Гитлера по превращению Советского Союза в сырьевой придаток рейха, а местных жителей — в бесправных рабов. При всей жуткости этих намерений реальность могла превзойти даже самые страшные предсказания (об идиотских иллюзиях либералов, что за счет компромисса с фашистами можно было бы уменьшить количество жертв, даже говорить не стоит). Нацисты дали толчок такому опасному процессу, выпустили такие темные силы, контролировать которые полностью они вряд ли бы смогли. Эти выводы базируются не на теоретических умозаключениях, а на реальных фактах, прежде всего на кратковременной, но страшной истории т.н. «Независимого государства Хорватия» (НГХ), к сожалению, мало известной в нашей стране. В данном случае важно понимать, что это было новое государство, созданное с благословения Гитлера исключительно на основе фашистской идеологии. По существу, это был прообраз государственных образований, которые предполагалось устроить на захваченных гитлеровцами территориях. Целью такого государства являлось уничтожение людей, неудобных фашистскому режиму: политических противников и людей просто иначе мыслящих, граждан другой национальности, другого мировоззрения или вероисповедования, а также тех, кто, по мнению властей, был не нужен их государству. Но в первую очередь и в наибольшем количестве ликвидации подлежали лица сербской национальности, чем и обусловлена до

сих пор завеса секретности вокруг НГХ, как и вокруг созданного на его территории лагеря смерти «Ясеновац». Лидеры коммунистов Югославии опасались, что правда о геноциде в отношении сербов станет серьезным препятствием на пути создания нового социалистического многонационального государства на основе «братства народов». В результате, каких-либо судебных процессов по поводу преступлений в НГХ не проводилось, а большинство преступников избежало наказания.

«Ясеновац» по количеству уничтоженных заключенных (около миллиона) входит в число самых страшных нацистских лагерей, а жестокости этой ликвидации превосходят все остальные. Этот лагерь был полностью, впрочем, как и всё «Независимое государство Хорватия», во власти усташей — хорватских фашистов, которых характеризовать с точки зрения нормальных людей просто невозможно. Уже сама практика приема у усташскую организацию предполагала, что обратной дороги у кандидата нет. Желающий присоединиться к усташам должен был войти в сербскую деревню и убить мирных жителей столько, сколько прикажут. Не важно, будут это женщины, дети или старики, ликвидировать надо было всех, но только без применения огнестрельного оружия. Кто отказывался убивать, сам жил недолго. Были случаи, когда новичок после участия в экзекуциях сходил с ума, зато из остальных выходили законченные головорезы. Таким образом фашистское государство не оставляло особого выбора: либо быть палачом, либо жертвой.

Застрелить человека считалось позором среди усташей, поэтому излюбленным оружием у них был нож, причем особо изготовленный. Такой нож, получивший название «Сербосек», надевался как перчатка, что позволяло руке долго не уставать. В «Ясеноваце» во время «состязаний» владельцев «сербосеков» (они проводились на живых людях) показывались результаты, которые человеческий мозг принять не в состоянии. Так, «ясеновацким чемпионом» стал ублюдок, зарезавший в течении дня более 1300 человек.

Вообще усташ должен был быть готовым убивать любыми средствами. Штыком, топором, молотком, палкой, забить ногами. Особым шиком считалось удушить голыми руками женщину после изнасилования или ребенка. В «Ясеноваце» было популярно уничтожение с помощью огромного деревянного молотка, которым раскраивали черепа, сжигание живьем, когда узники везли к печи вагонетки с детьми, а огонь пожирал тех и других, вынуждение человека путем лишения его пищи и воды есть трупы своих сокамерников. Здесь же работал мыловаренный завод, сырьем для которого

использовались человеческие тела. Кроме убийств, всевозможными и невозможными средствами здесь практиковались ежедневные издевательства с тем, чтобы люди постоянно испытывали предсмертные мучения. В целом, усташы действовали аналогично по всему «Независимому государству Хорватия» с тем, чтобы распространить атмосферу террора и страха на всю территорию страны. По свидетельству очевидца, НГХ превращалось в сумасшедший дом с безнадежно больными садистами-палачами и доведенными до психических расстройств их жертвами. Не спасал ситуацию и тот факт, что усташы были благочестивыми католиками и регулярно каялись в своих преступлениях. Священники спокойно отпускали им грехи, тем самым поощряя на новые злодеяния. Более того, сами священнослужители порой выступали в роли палачей, причем отличавшихся особой жестокостью. Так, один из них считался самым страшным человеком в лагере «Ясеновац» и заслужил прозвище «Сатана». Своими зверствами он прославился еще до лагеря, когда в школе вблизи Баян-Луки, приказав отделить православных детей от католических, лично на глазах остальных школьников перерезал учеников-сербов.

Особо стоит подчеркнуть, что речь идет о преступлениях не хорватов, а государства, созданного на основе фашистской идеологии. Такие гособразования, в случае победы гитлеровской Германии, могли быть созданы по всему миру, в том числе на территории нашей страны. Перед тем, как начинать эксплуатацию других стран, гитлеровцам необходимо было зачистить территорию руками местных подонков. Это предполагало уничтожение большей части населения и доведения остальных до состояния бессловесной рабочей скотины. (Нечто подобное происходило и на территории оккупированной Украины.)

Только за то, что под руководством Сталина Советский Союз сорвал эти замыслы, он, великий руководитель СССР, должен иметь особую благодарность всего мира. Кроме этого, ему удалось спасти планету, предотвратив угрозу ядерной войны. Наконец, с образованием социалистического содружества был создан противовес империалистическим устремлениям Запада. Пора в конце концов понять, что Сталин меньше всего думал о торжестве марксизма на земле, но через союз социалистических стран заложил основы новой системы коллективной безопасности, которая позволила на долгие годы избежать новой мировой войны. И очень жаль, что для этого государственного деятеля у руководства нынешней России не нашлось ни одного доброго слова в Праздник Победы.

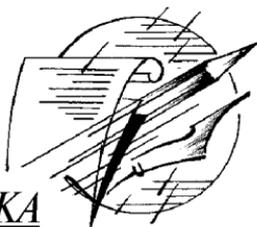
В БЕССМЕРТНОМ ПОЛКУ

Современная идея прошеествовать по улицам своего города с портретами родных-фронтовиков принадлежит тюменскому пенсионеру Геннадию Иванову. Во всяком случае, он на этом настаивает. Вроде бы во сне ее увидел. Было это в 2007 году. А через несколько лет томские журналисты подхватили инициативу, развили ее, придали ей размах. И их стали называть авторами идеи и организаторами шествия.

А вот в Липецкой области настоящим создателем Бессмертного полка считают бывшего преподавателя совхоза-техникума из хлевенского села Конь-Колодезь Виктора Гламазду. Школьники и учащиеся техникума впервые вышли там на парад с портретами своих погибших односельчан в 1985 году. И с тех пор уже другие поколения продолжают начатое Гламаздой дело памяти.

Живая Аллея

Справедливости ради можно вспомнить и более давние события подобного рода, из которых, наверное, и «выросли» сегодняшние бессмертные полки. К

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

примеру, еще в 1965 году в Новосибирске прошел марш учащихся с фотографиями ветеранов. А в 1981 году в Ростовской области состоялось шествие матерей с портретами погибших сыновей. Но это были разовые, как сейчас говорят, акции.

А ежегодный «именной» парад проводился лишь в Конь-Колодезе. В канун празднования 40-летия Победы многие в селе еще числились без вести пропавшими, покоились в безымянных, братских могилах, разбросанных по всей Европе. И вот, наконец, их лица и имена предстали перед народом, который и за сорок лет после войны — в отличие от тех, кого якобы столько же лет водил Моисей по пустыне и кто якобы стал «другим народом», — не избыл свою боль, любовь и память о поколении, рожденном, как оказалось, для короткой жизни, но для большой судьбы.

О них помнили в семьях, поминали в церквях. Но вот память вышла на улицы и площади, воззвала к всеобщему, всенародному почитанию погибших. Тогда-то в Конь-Колодезе и придумали живую Аллею памяти, как тогда называли организаторы шествия свой Бессмертный полк.

В семнадцать мальчишеских лет

Комок подкатывает к горлу, когда школьники пачками (!) вносят портреты в учительскую, аккуратно складывая их на столах. Да и смотреть в эти лица, в эти четкие подписи с датами коротких жизней, завершившихся в основном в 1942—1943 годах, без слёз невозможно.

Невольно думаешь: сколько же наших людей положило фашистское зверьё за мифическое свое избранничество, стремление к мировому господству! Только в Конь-Колодезе не вернулись с фронта 156 человек. А сколько их в ближайшие же после войны годы умерло от ран, от перенесенных на фронте лишений!

Все преподаватели Конь-Колодезской школы, где хранятся портреты, потеряли на войне кого-то из своей родни: дядьёв, тёток, дедушкиных-бабушкиных братьев и сестер. Но вернулись живыми сами отцы и деды-прадеды. Раненые, контуженные, но вернулись. От них и пошли наследники: дочери, сыновья, внуки и правнуки. От погибших никто не родился...

Да, были среди павших и степенные конь-колодезские мужики лет сорока-сорока пяти и даже сорока семи: А.С. Пронин, П.Г. и Ф.А. Ломакины, М.Ф. Телков, М.И. Булатов, обеспечившие себе продолжение в детях, а затем и внуках-правнуках.

Но в основном — то полегли юные парнишки — нецелованные, не успевшие вкусить жизни и любви! И глядеть в их глаза тяжело, и отвести взгляд стыдно: что сделали мы с добытым ими в смертельном бою миром...

Особенно больно за тех, кто погиб в двадцать, восемнадцать, а то и вовсе в «семнадцать мальчишеских лет», глядящих с портрета наивными добрыми глазами, — И.В. Титова, И.В. Кочеткова и других неискушенных чистых ребят.

«Да у нас семья была бы в пять раз больше, — воскликнула одна из учительниц, — если бы дедушкины и бабушкины братья не погибли на фронте!»

После многих остался лишь портрет, который понесут молодые юнармейцы школы на очередном параде. А кого-то даже на снимке не осталось...

Священные реликвии

Это было как озарение тогда, в 1985-м: пройти по избам фронтовых вдов, солдатских матерей и сестер, военных сирот и собрать фотокарточки погибших бойцов, чтобы сделать достойные портреты и оставить их на память будущим поколениям.

Виктор Гламазда рассказывает, что идей было много. По радио он услышал, как в одном белорусском селе в честь каждого погибшего земляка посадили березку, а 9 Мая прикрепили к ней портрет. Но ведь спустя время березка перестанет быть именной, подумал он тогда. И люди, заслонившие собой страну, давшие возможность родиться и жить новым людям в ней, канут в Лету.

Портреты надо собирать и хранить, показывать каждый год, решил он тогда. И был прав. Ведь сегодня нет уже ни тех изб, ни их обитателей. А портреты бережно передаются из рук в руки, став священной для конь-колодезцев реликвией.

Организаторы и участники первого шествия — пионервожатые, учителя, бывшие школьники — уверены: если бы не подвижнический подвиг Виктора Гламазды, многие фотокарточки фронтовиков, да и сами сведения о них были бы утеряны.

Он очень скромный человек, за все годы существования Бессмертного полка нигде свои заслуги не выпячивал. Равно как и его супруга, учительница русского языка и литературы Маргарита Андреевна, верная спутница и помощница. И если бы не письмо нынешних учителей в редакцию, мы так и не знали бы, что на нашей липецкой земле уже 35 лет есть свой Бессмертный полк.

Да, суть не в том, кто и где придумал его первым. Но если бы не оказалось в селе такого энтузиаста и патриота, сегодня в Конь-Колодезе многих героев и не вспоминали бы. А вместо родных лиц в строю зияли бы пустые места...

Ближе к сердцу

Почему шествие назвали живой Аллеей памяти? Потому что его участники, пройдя с портретами по центральной улице Ленина до памятника воинам-землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, останавливались с двух сторон дорожки, ведущей к нему, — и по этому проходу люди шли с цветами: к памятнику или к самим портретам, воздавая должное погибшим героям.

Поначалу даже хотели нести портреты на шестах, как делается это сегодня. Однако изготовление портретов в ателье Липецка было тогда недешево, деньгами помогал тогдашний директор совхоза-техникума Валентин Кузовлев, жена которого, преподаватель техникума Людмила Васильевна, тоже была среди «учредителей» шествия. Да и сами супруги Гламазда из семейного бюджета средств на благое дело не жалели. Но и лишних не имели. Поэтому решили нести портреты в руках. К тому же ближе к сердцу...

Слёз никто не стыдился

Первый парад в 1985-м буквально всколыхнул народную память. Люди прибывали своим ходом — на автобусах, семьями и в одиночку. Живы были еще матери и вдовы, сестры и невесты погибших воинов. А когда ребята с портретами остановились, все бросились к своим родным, соседям, знакомым, кланялись им, обращались к портретам, как к живым, разговаривали с ними.

Старушки падали ниц и голосили, молодые плакали молча. И даже суровые мужчины, прошедшие Афган, не могли сдержать слёз — и не стыдились их...

Стояла страшная жара, вспоминают очевидцы, но фамилии павших зачитывали в строгой тишине. Никто из детей, студентов не посетовал, не пожаловался на трудности. Так было все последующие годы. Ведь это же не чужие люди на фото, а родные. И каждое новое поколение с интересом всматривается в их лица, обнаруживая свое сходство с кем-то из фамильного рода...

Со временем, рассказывает Виктор Яковлевич, численность Бессмертного полка в селе выросла: с портретами ста-

---

ли наезжать родственники фронтовиков — уроженцев этих мест, изначально не попавших «в строй», разъехавшихся в другие края еще до войны. А сейчас идет работа по «зачислению» в полк всех воевавших земляков. Сколько лет прошло, вздохнул Виктор Яковлевич, а сердце у людей болит. Это, наверное, от памяти: у беспмятных прошлого нет. Но нет и будущего...

Послесловие. По-разному относятся в обществе к движению «Бессмертный полк». Но охватывает оно уже более 80 государств и территорий. На каком-то этапе появились желающие обуздать этот многолюдный поток, который поначалу пытались объявить проплаченной акцией. Потом стали убеждать, что Бессмертный полк — это движение по сохранению личной памяти и только. Оказалось, личная, семейная память о войне обладает большой объединительной силой и никогда не умирает...

РАСКАЗЫ

БАНЬКА ПО-ЧЁРНОМУ

1

Несколько месяцев, проведенных в следственном изоляторе, сделали из Дениса Серегина другого человека. И хотя на суде его оправдали, внутренне он надломился, утратил интерес к жизни, погас. Больше всего Серегина угнетала мысль, что предала его и подставила жена. Денис давно крутился в бизнесе, понимал, что чаще всего так и бывает, но представить себе не мог, что подобное может случиться с ним, предпринимателем опытным, осторожным и жестким.

Жена с любовником успели скрыться за границей, теперь за сладкой парочкой охотился Интерпол, и судьба их была предрешена: арест, депортация, длительный срок. Всё это ничуть не трогало Серегина, он точно одеревенел, ему, коренному москвичу, вдруг опротивела столица, он возненавидел свою квартиру в элитном доме на Хамовническом Валу, где каждая деталь напоминала о Марине и постельное белье еще хранило запах ее духов.

Засевшая внутри тоска напоминала зубную боль, нескончаемую и нудную. Его мучили сны, в которых постоянно присутствовала Марина. Скорее, даже не сны, а яркие, с реалистическими подробностями видения из того времени, когда жена любила его, — так, по крайней мере, ему казалось. Неред-

ПРОЗА

ко Денис просыпался с мокрым от слёз лицом и весь день был угрюм и раздражителен.

Еще в следственном изоляторе Серегин много раз прокручивал сложившуюся ситуацию, но так и не понял, как он мог лохануться, не почувствовать опасности. Да, он любил Марину, а любовь, как известно, слепа.

Денис даже внешне изменился, поблек, постарел, ходил шаркающей походкой, утратил интерес к работе. Ему казалось, что сотрудники компании шепчутся за его спиной, он был убежден, что они знали о готовящейся подставе, но молчали, а значит, участвовали в предательстве. И всё чаще ему в голову приходила мысль продать компанию, уйти из бизнеса, уехать куда-нибудь. И чем дальше, тем лучше.

Как-то вечером позвонил Трапезников:

— Ты что притих? В себя приходишь?

— В себя, Игорек, я уже никогда не приду.

— Так всё плохо?

— Хуже некуда. Подумываю бросить всё, продать бизнес и уехать. Я ведь звонить тебе собирался, посоветоваться нужно.

— Ты где сейчас?

— Дома. Если так можно сказать.

— Буду минут через сорок. Выпивка есть?

— Что угодно. А вот с едой...

— Захвачу.

Трапезникова Денис знал с давней поры, когда они, оба провинциалы, студентами по ночам вкалывали в автосервисе. Мыли машины, ковырялись в двигателях. Одно время вместе снимали комнату, куда в первый раз пришла Марина, да и стала похаживать, а Игорёк в это время болтался по ветреной весенней Москве. Всё переменилось, когда родители Марины попали на Кутузовском в ДТП, их «Хонду» так расплющило, что тела пришлось извлекать с использованием спецтехники. Марина стала богатой невестой — отсюда и бизнес. Игорёк, дипломник юрфака, тогда очень помог ей. Был он в ту пору тощ, вихраст и говорил, по-поморски растягивая слова. А потом случилось чудо: паренек из деревни, затерянной на побережье Белого моря, вдруг попёр, о нем заговорили, как о звезде адвокатуры, он удачно женился и владел нынче крупной адвокатской конторой с офисом на Сретенке. Был так же худ, только стригся теперь в модном салоне, да и костюмчик носил купленный не иначе как в Лондоне, в дорогом магазине.

Друзья устроились на кухне за современным, но удобным столиком. Стойка бара отливала начищенной корабельной медью, а люстра, тоже под медь, напоминала инопланетный космический аппарат. Третье кольцо пролегало рядом, но дорожные стеклопакеты не пропускали звуков.

— Водилу я отпустил, так что можем оторваться по полной. Потом вызову такси.

— Ты без охраны?

— Охрана — чепуха. От хулиганов. Серьезные люди, если захотят, всё рано завалят. К тому же у меня есть клиенты в большом авторитете. Вряд ли кто-нибудь захочет с ними ссориться.

— Маргарита твои заходы терпит?

— Маргарита — женщина. У нас, поморов, женщин уважают, любят, но они знают, кто в доме хозяин. Главное — не давать повода, а я не даю. Ладно, разливай и излагай, только правду, как на сеансе у психоаналитика.

Игорь мог спокойно одолеть бутылку водки, но теперь пил только три рюмки, не больше. Слушал внимательно, подперев кулаком подбородок. По мере того, как Денис выговаривался, на душе у него становилось спокойней, но чувство безысходности сохранилось, ушло куда-то внутрь. Сигаретный дым вытягивали вентилятором, за окном потемнело, мириады огоньков неслись в желтом пространстве Третьей кольцевой дороги.

— Продать раскрученный бизнес, прости меня, глупость. Без этой работы ты не сможешь жить, окончательно соскользнешь в депрессию, — сказал Трапезников. — А вот взять академический отпуск, скажем, месяца на три, разумно. Надежного заместителя я тебе подберу, не обдерет и на жизнь твою покушаться не будет. Гарантирую. А коли не прокатит, тогда продашь дело. Хочешь уехать, могу местечко посоветовать. Тебе сейчас не Мадагаскар нужен, не Южная Америка с пампасами. Ты по планете изрядно прокатился, а родных российских окраин не знаешь. Поезжай-ка, друг, в мою деревню, есть такое становище на южном берегу Белого моря — Снежница. У меня там дом родительский, еще дед ставил. Я ведь не в Ницце отдыхаю, не на Азорских островах, а там, в родной деревне, душу лечу, на просторах, на рыбацких тонях, в лесах. Вся городская короста отходит. Ты не подумай, я не из любителей щи лаптем хлебать, я комфорт люблю. В доме ремонт сделал, итальянская сантехника, душ, септик, а вот печи менять не стал, потому как их гении придумали. Мастеров из Архангельска выписывал. У меня катер, надувная резиновая лодка, вездеход. За домом приглядывает мужичок из поморов — квинтэссенция человеческой мудрости. Жизнь помора сурова, оттого и народ бесхитростный, светлый, ветрами выдубленный. А морошка, а грибы? Барахла с собой не бери, чтобы не выделяться, мы с тобой одного роста, да и сложением схожи. Подберешь себе охотничий костюм. Все фирменное, финское. Снежница в переводе с поморского означает чистый ручей, что бьет весной из-под снега. А через месяц, даст Бог, я к тебе присоединюсь. Порыбачим.

И Денис как-то сразу согласился, ожил, будто ему свежую кровь перелили. Через две недели, завершив дела, выехал в Архангельск. Выбрал не самолет, а поезд, чтобы под перестук колес еще раз все обдумать и взвесить.

2

Денис и вспомнить не мог, когда в последний раз ездил поездом, разве что за рубежом. Летал самолетами: быстро, удобно, без хлопот. Ему нравился рваный ритм аэропортов, отлаженный сервис, магазины «Дьюти фри», буфеты. Со временем исчезло представление о пространстве, оно измерялось чередой завтраков и обедов на борту.

Поезд на Архангельск тащился медленно, казалось, он останавливается у каждого столба, а пейзаж за окном не менялся: тронутые желтизной леса, ускользящие просеки, поля, взгорки, рощицы. Вагон был старым, в нём что-то дребезжало, ухало, а то вдруг начинало ритмично перестукивать, в туалете так мотало, что приходилось держаться за ручки. В поезде отсутствовал вагон-ресторан, его заменил буфет с продуктами сомнительного качества. Денис ограничился бутербродами с сыром и пивом. И всё это напоминало студенческие времена, когда ездили веселыми компаниями, шум, смех, розыгрыши, гитарные переборы, ожидание удачи, счастья. Бизнес с его предельно деловым, рассчитанным стилем, иссушал душу, отгораживал от дорожных впечатлений и случайного общения.

За Вологодой пошли сумрачные леса, стали чаще греметь под колесами мосты над черными, напоминающими рвы реками. Денис никогда не был на Русском Севере, по делам фирмы ему приходилось летать в Финляндию, Швецию, Норвегию, но это был ухоженный, цивилизованный Север, когда в голову не придет бросить в кусты бутылку, а пейзажи напоминают прилизанные фотографии. В купе «люкс» он был один, народ предпочитал ездить в обычных вагонах. Там кипела жизнь, чуждая Серегину, и пассажиры были ему чужды, непонятны. Наверное, в каком-нибудь парижском экспрессе он чувствовал бы себя уверенней.

На вокзале в Архангельске его встречал старый знакомый Трапезникова — некто Галузов Валерий Иванович, человек лет пятидесяти, без особых примет, с закрытым, точно с опущенной шторкой лицом.

— Вы Серегин? — спросил он, подхватив сумки Дениса. — Вот и ладненько. Сейчас позавтракаем в кафе и на аэродром. — Галузов улыбнулся, шторка с лица опала, и на Дениса брызнуло синью бесхитростных глаз.

Валерий Иванович загрузил сумки Дениса в багажник подержанного «Опеля» и спросил:

— В Архангельске прежде дак бывать приходилось?

— Нет.

— Жаль. У прежнего-то города было лицо, а теперь, как у всех... Высотки эти... Набережные остались да Чумбаровка, на ней дома деревянного зодчества, отреставрированные, но не то. Живую душу у города вынули. Огорчительно это, — Галузов вздохнул и умолк.

Завтракали в симпатичном кафе в центре.

...«Опель», оставив позади центр, мчался по бесконечному мосту, с которого открылся вид на Двину, потом пошли дома, в основном новострой. Пейзаж не согревал душу, вроде и август, и зелень, а всё же холодно и как-то дико. Денис не понимал, откуда это ощущение. В зале ожидания местного аэропорта на скамейках сидели пассажиры, почему-то в основном женщины и подростки.

— А что за самолет летит до Снежицы? — спросил Серегин.

— «Аннушка». Там другому борту и не сесть. Взлетно-посадочная полоса — скошенный луг. «Аннушка» в случае чего и на забережье сядет, хотя риск есть, можно на топляк налететь.

— Что за «Аннушка»?

— Ан-2, биплан.

— Так ему лет пятьдесят. Я такие самолеты только в кино видел.

— Поболее пятидесяти будет. А что? Двигатель с одного борта на другой переставил и вперед. Народ-то не нарадуется. Раньше дак как? На пароходах, самоходных баржах добирались. А здесь, на южном берегу, морской театр сложный. Мели, карги да банки. Пассажиров к судам на карбасах и моторках подвозили. Морока. А ежели ветерок, скажем, шелонник дунет? Судно ждять не будет, себе дороже. «Аннушка» — большой прогресс: час — и ты в Архангельске. Да, вот еще что. На аэродроме в Снежице вас встретит Егорыч — Степан Егорович Белозеров, он за избой Трапезникова приглядывает, живет в ней. Изба-то без жильцов быстро сгниет. Игорь Федорович своих корней не теряет, каждое лето в Снежицу поспевают. Хоть и ненадолго. Всё работа проклятушая. А ведь всех денег-то не заработаешь, только сторишь и истаешь. Трапезников в Снежице человек уважаемый, спонсор, как теперь говорят, на свои средства церковь Петра и Павла возвел. Батюшка иеромонах Антоний в ней нынче служит. Народ к нему потянулся, молодежь на проповеди ходит.

— А сколько в Снежице населения?

— Зимой человек двести. Летом больше, туристы эти...

Через полчаса объявили посадку. Пассажиры неспешно расселись в автобусе, с ним, Серегиным, выходило двенадцать человек. «Аннушка» вид имела праздничный и ненадежный, что-то вроде музейного экспоната. Из дверцы выглянул пилот, совсем мальчишка, в белой рубашке с галстуком, стал принимать поклажу и рассаживать пассажиров. Серегин поднялся на борт последним, ему досталась скамеечка у самой дверцы.

— Прошу пристегнуть ремни, а то ведь может и болтаться, — ломким голосом возвестил пилот и улыбнулся, обнажив младенчески розовые дёсны.

Биплан как-то незаметно оторвался от бетонки и стал набирать высоту. Впрочем, высота относительная — всё видно четко, с подробностями: леса, рассеченные дорогами, многочисленные озера, рыжие, напоминающие пахоту болотные хляби. И всё пространство вокруг было заполнено серебристым светом, водная гладь отражала небо, а от россыпи изб и хозяйственных построек на берегу веяло древностью, первобытностью. Вот такой Серегина и встретила Снежница. «Аннушка», старчески заворчав, села на скошенный луг, двигатель вырубил, погас свист лопастей винта, и наступила тишина, какой Серегин, дитя мегаполиса, никогда не слышал. Показалось, что деревню с ее окрестностями накрыло гигантским прозрачным колпаком, чтобы не проникали сторонние звуки.

3

Самолет встречали человек тридцать. Одни прилетели, другие собирались улететь в Архангельск. Видно, прилет самолета в Снежницу — событие. Среди людей носились собаки. Неподдалеку от бревенчатого здания аэропорта стоял странный автомобильчик, уменьшенная копия боевой машины пехоты на шести колесах с открытым верхом. От автомобиля к Серегину косолапо шел бородатый старик.

— Ну-ну! — загромыхал он баском. — По одежде вижу: не наш, не деревенский и не из туристов. Значит, Денис Николаевич, свет Серегин. Мне уж обзвонились, разве что губернатор указания не дал. А мы без указаний друзей привечаем дак. Сумки кинь в кузовок да садись рядышком. С погодкой тебе повезло, дождик брызнул, а потом солнышко. Радуга была — давно не наблюдал. Видать, Господь тебя отметил. Садись, что стоишь. Сейчас с ветерком помчимся, только держись. Величать меня Степан Егорович, лучше попросту — Егорыч.

Серегин с любопытством оглядел вездеход. Вместо баранки руль, как у мотоцикла, управление — проще некуда и все с умом. Машина, скорее всего, американская и, возможно, военная.

Степан Егорович так лихо рванул с места, что Серегин едва язык не прикусил. Справа, за оконечностью взлетно-посадочной полосы вспучился холм, поросший смешанным подлеском, мелькнул дом, выкрашенный в салатный цвет, видно, школа или что-то в этом роде, затем по обе стороны деревенской улицы пошли избы на высоких фундаментах, одноэтажные и двухэтажные, а море блестело, стоял штиль. Слева проплыла церковка, небольшая, радостная, выкрашенная в разные цвета, да и избы были двух-, а то и трехцветные, нижний этаж зеленый и желтый, а верхний — красный. Вездеход рыкнул и остановился у штакетника. За палисадником с кустами смородины возвышался домина, чудо поморской архитектуры, с пристройками, большими и малыми оконцами, высоким крыльцом.

— Вот мы и дома, Николаич! — Старик легко, не по-стариковски, взшел по крутым ступенькам, распахнул дверь в застекленные сени, дальше — еще лестница, автоматом зажглась лампочка, высветив просторный коридор.

— Помещу я тебя в светелку, как велено. Удобства по коридору налево третья дверь, там всё, как в городе. Заходи, только голову береги, проем двери низок для сохранения тепла, с непривычки можно и лоб расшибить. Устраивайся, а уж потом завтракать будем.

— Спасибо, Егорыч. Я в Архангельске завтракал.

— Ну и ладненько. С обеда начнем. У меня уха из озерной рыбы своего улова... Это я тебе скажу.. Да под водочку... А пока сходи погуляй. Я тебе одёжу подобрал, всё новое. — Старик остро глянул на Серегина и неожиданно спросил:

— Слышь, а ты часом не болен? Вид у тебя смурной.

— Так... Устал немного.

Светелка Серегину глянулась. Три окна, и все на море, из мебели — стенка под орех, две старинные кровати с шарами на спинках, крепкий, срубленный на столетия стол, на стенах с веселыми обоями фотографии стариков и старух, в углу тёмная икона с ликом Николая Чудотворца. Сквозь кисею занавески виден был двор с огородом, серыми хозяйственными постройками, у штакетника, отделяющего двор от прибрежной полосы, справа от калитки тускло отсвечивала надутая резиновая лодка.

Денис распаковал сумки, достал новый норвежский свитер, купленный в Осло, бросил на кровать — нужно подарить старику, у него свитер штопанный. Переоделся в охотничий

костюм, натянул удобные легкие берцы. Во дворе пахло зелено, смородиновым листом. Солнце тянулось к зениту, высвечивая ярко раскрашенные избы, а море осталось прежним, неподвижным, угрюмым, даже скорые чайки не оживляли его. Увязая в песке, Серегин пошел вдоль уреза воды, начинался отлив, пласты ламинарий издавали сладковатый лекарственный запах. Рыбачьи килеватые лодки замерли на берегу, принайтованные канатами к обрезкам бревен, вкопанных торчком в песок, на бревнах — гладкие, обтесанные рукоятки. Такими вот ручными лебедками, должно быть, и сто и двести лет назад поморы выволакивали на берег свои тяжелые лодки.

Денис сел на выброшенный морем ящик и долго сидел, глядя на море, на чаек, что кружили над сетями, натянутыми на четыре кола. Мыс изгибался, образуя залив, за ним в сизой дымке проступала земля, вроде как остров. Тишина давила.

«Зачем я здесь?», — подумал Серегин, ощущая знобкий страх оттого, что, как ему показалось, кто-то смотрит ему в спину, обернулся: у покосившегося забора в инвалидной коляске сидел старик в колушке: седая, с прозеленью борода кольцами лежала на груди, желтое, в глубоких морщинах лицо было неподвижно, а глаза, ястребиные, зоркие, глядели прямо на Дениса.

— Уж не гость ли ты Трапезникова, паренек? — сипло спросил старик.

— Гость.

— Это хорошо. Погуляй, погуляй... А лучше вертайся в избу да водки выпей, тоска-кручина да болезнь и отойдут.

«Они что, здесь все колдуны, что ли? И дед про болезнь», — подумал Денис, шагая к избе Трапезникова. Гулять расхотелось. И пока шел, чувствовал взгляд старика, будто тот пальцем ему в спину уперся. А в просторной кухне с небольшим оконцем был уже накрыт стол: семга, нарезанная крупными пластами, винегрет, жареная рыба под зеленью, грибы и картошка.

— Ко времени ты, Николаич, ко времени... Уха-то подходит. Выпьем, закусим, и в самый раз будет, — ласково сказал Егорыч. — Я магазинной водки не потребляю, из нефти ее цедают, поганцы, народ травят, я свою гоню да на клюкве настаиваю. Ум не пропьешь, да и голова не болит.

Выпили, закусили, помолчали. Серегин, перебивая страх, испытанный там, на берегу моря, спросил:

— Я старика видел в инвалидной коляске. Кто это?

— А-а, то Зосима. Зверобой. Вскоре после войны под лёд провалился, ноги отморозил. Ему их и отняли.

— Да у него вроде как ноги есть.

— Не-е, то он култышки в валенки сунул

— Как же он живет?

— За ним невестка ходит. Сына-то море взяло. А старик особый — фокусник.

— Это как?

— Взглядом коробок спичек по столу движет. Вот те крест, сам видел. Лучший в деревне столяр был. Бывалоча, протезы водрузит и к верстаку. Тем и жил. Сейчас стар стал, не ходит.

— Как вообще вы здесь живете?

— А хорошо живем. По-божески... Не то что в городе-то. Три года назад со старухой продали свою избу да переехали к сыну в Архангельск, и на тебе, с невесткой не ужились. Всё ей не так и не эдак. Хотели вернуться в Снежницу, а куда? Денежки-то утекли. Вот тут-то Игорь Федорович и поселил нас в своей избе, комнат там немеряно. Две баньки, лодки да эта финская тарактелка, по болотам скачет, а ежели на трапец подвесной мотор укрепить и вообще крейсер. Вот мы и ожили. А тут беда. Настасьюшка, — Егорыч всхлипнул, — как в родную деревню вернулась, вскоре и отошла. Не-е-т, родные места покидать нельзя, где жил, там и помирай.

— Вы совсем один?

— Как же такое? Я ить в деревне живу, кажный, кто мимо идет, всяко заглянет, без стакана воды не оставит. Это в городе вы соседей не знаете, а у нас тут все — родня.

— Зимой тоскливо, наверное?

— За работой какая тоска? Дело-то всегда найдется. Давай Настасьюшку помянем, хорошая старуха была. А уж в молодости... Наравне с мужиками на тоне ворочала да на зверобойке. Хорошо жили. Давай не чокайся... Царствие ей небесное. Когда мне поговорить прижмёт, я на погост иду и с ней советуюсь...

После третьего стаканчика Серегин вдруг опьянел, язык поплыл, в сон его потянуло.

Егорыч с тревогой глянул на него:

— Ты пойди, вздремни, Николаич. С устатку, видать, повело. Приляг в светелке-то, а я баньку по-чёрному приготовлю. Душу тебе лечить надобно, вот что.

Спал Серегин не более часа, проснулся, сел на кровати, озираясь, отдернул занавеску, глянул в окно: море и небо были одного цвета, стального, горизонт исчез, казалось, и дом, и хозяйственные постройки замерли на краю обрыва. За ним — пустота. Схватил морской бинокль, лежащий на столе, глянул — оптика только усилила жутковатое впечатление. И тут его обдало холодом: по краю обрыва рывками, подсакивая на черных пластинах водорослей, катил Зоси-

---

ма, и в его сгорбленной фигуре была какая-то необъяснимая целеустремленность. Ветерок трепал его бороду. С того момента, как самолет сел на скошенный луг, Серегин перестал думать о своих бедах. Следственный изолятор с его тоской, мерзкими запахами, предательство Марины — всё отошло, сгнуло под влиянием новых впечатлений, а тут вновь накапало. День еще не кончился, а ему казалось, что он живет в Снежнице уже давно — месяцы, годы.

Зосима на коляске исчез. А пустота за окном звала, манила. И Денис впервые за свои сорок пять лет подумал о смерти, она представилась ему вот такой же голубоватой пустошью, за которой ничего нет. Ничего.

Путаясь в рукавах и брючинах, Серегин торопливо оделся, вышел во двор. В небе скользили чайки, с севера надвигалась туча. В голове было ясно, будто и не пил ничего, подпёр дверь колом — замков в деревне ни у кого не было — и пошел пройтись. За ним тут же увязались две собаки и, виляя хвостами, повели его, точно знали, куда он идет.

В этот предвечерний час люди, сделав домашние дела, шли в центр деревни, кто в магазин, кто в клуб, где, судя по афишке на столбе, должен состояться концерт художественной самодеятельности. И были все они светловолосые, голубоглазые, приветливо здоровались с Серегиним, как со старым знакомцем. Деревня лежала в низине, прикрытая от северо-западных ветров холмом, огражденным по гребню высоким плетнем. Оттуда из-за холма полыхало, било закатное зарево, на фоне которого вдруг возникли черные силуэты лошадей — целый табун. Казалось, они несутся не по гребню холма, а по небу. И оттуда, с неба, послышалось ржание лошадей. Серегин замер, провожая табун взглядом. А мимо шли и шли деревенские жители, мужчины, женщины, дети, и все с улыбкой кланялись ему.

«Господи, да что это за люди, — потрясенно подумал Денис, — а может, это пришельцы, инопланетяне? Или люди, забытые посреди веков, как пишут в фантастических романах? Живут без суеты, просто и чисто. На кой чёрт им гарнитуры за сто пятьдесят тысяч евро? Или последняя модель «Мерседеса» с откидным верхом? Зачем? Здесь, на холодных берегах холодного моря, люди продолжают жить по Христовым заповедям. Подумать только, деревня не знает замков. Если дверь подперта колом, значит, хозяина нет дома, и никто ничего не возьмет. В деревне слышно ржание лошадей. Бред, паранойя. А может, это он, Серегин, пришелец с другой планеты? За горами и лесами, одышливо вздыхая, крутится планета, на которой иная жизнь, там люди равнодушны друг

к другу, их главная цель — деньги. На той планете любовники подкладывают в автомобили бомбы, жены сажают мужей в тюрьму, любовь подменена механическим актом, а дети с сорванными тормозами легко убивают родителей. А он, Денис Серегин, разве не так жил? Жил, не задумываясь о последствиях, даже ходил в церковь, ставил у образов свечи, не веря в Бога — так, стоял с пустой душой, отдавая дань моде, еще одной тусовке. И скорее всего так и будет жить дальше...

4

— Ну что, погулял? — спросил Степан Егорович. — А клюковка-то, тю-тю, выветрилась. И голова не болит. А теперь банька... В обычной бане попарился, хорошо, да и только. А вот хмару с души снять можно лишь в старинной бане, бане по-чёрному, вроде как беса из себя изгоняешь. Вышел из баньки, поцеловал образ и спать, а поутру встал другим человеком. Обновленным. Нынче по-чёрному редко кто парится, умельцев натопить да подготовить баню — единицы. Старые-то померли, а молодым не интересно. А готовить баню с головой нужно, да помолясь, а то уторишь. В былые времена бабы только в банях по-чёрному и рожали. Остуженных, дак. Дитя и роженицы здоровенькие, никаких инфекций. Ученые подтвердили — факт. Это ныне рожать в Архангельск летают, а то и в Москву, а нет вспомнить дедовский опыт. Да-а. Ты давай-ка собирайся, милоч. Банька в самый раз. У тебя на душе тяжесть враз отойдет, рассосется. А завтрава сходи в церкву, Антоний служить будет, постой, послушай. Ну, иди, Христос с тобой.

Уже легли сумерки, и лишь над морем догорал закат. Стоял отлив, море пошло полосами — светлые, где проступали карги да отмели, темные — над приглубым местом. Баня была темна, только в оконце дрожал свет, будто глаз помаргивал, и казалось, она живет, вроде некоего существа, и прежде чем распахнуть тяжелую дверь, Серегин помимо воли перекрестился. Тусклая электрическая лампочка была единственным предметом нынешнего времени. В этом древнем капище стены были черны, а полки отмыты, выскоблены и, казалось, светились в сумраке. Живое, ароматное, как травяной настой, тепло приняло Дениса, и он впервые за многие трудные месяцы вздохнул полной грудью. И мыло, и березовые веники — всё было припасено, но Серегин лишь окатил себя ледяной водой и лег на полоч, вбирая в себя целебное тепло, чувствуя, как отпускает боль внутри. И ему показалось, что баня тронулась с места и тихо поплыла по штилевому, мерцающему морю.

ЦЫГАНСКОЕ ПРОКЛЯТИЕ

(*Быль*)

Глафира ушла из дома, когда отец собрался насильно выдать ее замуж за пожилого богатого цыгана. Семья и весь табор цыган ловари, осевших на окраине Конаково, прокляли ее. Глафире тогда исполнилось восемнадцать лет, она была хороша собой и щедро талантлива. Выбрав момент, собрала нехитрые пожитки, бежала в Москву — руководитель театра «Ромэн» Петр Саратовский набирал молодежную труппу.

Саратовскому понравилась юная цыганка, год он держал ее на подтанцовке, потом выпустил с сольным номером. Еще через год Глафира вышла замуж за молодого орденоносца, инженера-метростроевца Степана Телегина и переехала в «ажурный» дом на углу Скаковой аллеи, в котором одно время жили поэт Симонов и актриса Серова. Считай, в центре столицы: перешла Ленинградский проспект — и театр «Ромэн». Вскоре у молодожёнов родилась дочь, назвали ее Рузанна, что в переводе с цыганского означает красивая девочка. Девочка и в самом деле была красива: кудрявая, светло-волосая, с черными глазами и бровями.

Ей было три года, когда при странных обстоятельствах погиб ее отец — его нашли в котловане с разбитой головой. Инженер Телегин был человеком известным, расследованием занималась бригада с Лубянки, арестовали двух рабочих, потом подтвердилась версия — несчастный случай.

Глафира была постоянно занята в театре: спектакли, гастролы, съемки в кино, присматривать за девочкой она уговорила подругу, одинокую актрису из вспомогательного состава театра. Так в доме появилась Томилла. Она и занималась воспитанием девочки. Когда Рузанне исполнилось шесть лет, мать пригласила учительницу музыки, у Глафиры не было сомнения, что дочь пойдет по ее стопам, но выяснилось, что у девочки нет музыкального слуха. Искусство цыганской песни и танца передавалось из поколения в поколение, в театре складывались династии артистов, нередко на сцену выходили семьями. Рузанна не пела, не танцевала, капризничала, когда мать брала ее с собой в театр, ей там было скучно, и Глафира охладела к дочери.

Однажды мать Рузанны пропала. Ходил слух, что она ездила в табор вымаливать прощение у родителей и не вернулась. Тетя Томилла рассказывала, что мать видели на Казанском вокзале в толпе цыган, будто бы собиралась она с ними ехать в Среднюю Азию. Ходил и другой слух: Глафиру убили, цыгане не прощают измены. Постепенно образ матери поблек, размылся, и когда Рузанна вспоминала детство, виде-

---

ла рядом тетю Тамиллу. Навсегда запомнился один июльский день. Жарко, на тротуарах рыхлый серый пух — цветут тополя, Рузанна с тетей идут к ипподрому, он неподалеку, на трибунах еще пусто, служители выгуливают лошадей, над зеленым газоном мелькают бабочки. Небо ясное, покой, но покой кажущийся, через полчаса ипподром взорвется криками игроков и болельщиков, а по беговым дорожкам понесутся всадники на лошадях дивной красоты, и Рузанна замрет от восторга — в ней проснется зов цыганской крови. Как-то тетя Тамилла сказала: «Люди хуже лошадей»...

Тетка была немногим старше матери, но темные, вдовьи одежды старили ее. Родом она была из молдавского села, еще до войны, ребенком, попала в табор, колесила с цыганами по Украине, чудом уцелела в войну, ее прибило к фронтовой бригаде артистов. У девушки-подростка оказались превосходные данные — пела, танцевала. В сорок четвертом вышла замуж за артиста Вахтанговского театра, оказалась в Москве. Во время очередных фронтовых гастролей полуторку, в которой ехали артисты, обстрелял немецкий самолет, муж погиб, но друзья помогли ей устроиться в труппу театра «Ромэн». Вскоре ее постигло еще одно несчастье: после перенесенного гриппа она потеряла голос.

Родители оставили Рузанне сбережения, однако грянули гайдаровские реформы, деньги превратились в бумажки, жить стало трудно. Тамилла работала дворником, убирала квартиры — в «ажурном» доме жили состоятельные жильцы, помогали и артисты театра «Ромэн».

Рузанна хорошела с каждым днем и к девятому классу превратилась в красавицу, Тамилла одевала девочку скромно, по средствам, но это лишь подчеркивало ее привлекательность. Мужчины заглядывались на Рузанну, преследовали на улицах, в транспорте, в школе из-за нее после уроков происходили драки, одноклассник Феликс Романчук пытался даже покончить жизнь самоубийством. Рузанна хорошо училась, была молчалива, сдержанна, со всеми ровна, лишь иногда на лице ее возникала странная, отрешенная улыбка. Никто не ведал, чем девушка занимается в выходные дни, и многие бы удивились, узнав, что Рузанну частенько видят на ипподроме. Объяснялось просто: девушка добровольно ухаживает за лошадьми, ей нравился запах скошенного сена, лошадиного пота, лошади встречали ее тихим ржанием, слушались ее, даже злые жеребцы затихали от прикосновения ее рук. В короткой курточке, джинсах, резиновых сапожках она походила на юного всадника. Служители конюшен и даже жокеи относились к ней по-отечески, разрешали выезжать

лошадей, никто даже не пытался ухаживать за ней. И дело тут не в холодности красавицы, а в суеверии. Молодой жокей Сема Годзинский, лихой ходок, ухлестнувший было за Рузанной, в одном из заездов упал и сломал позвоночник.

Ипподром стал для Рузанной единственной радостью, единственным увлечением. На ипподроме и дышалось по-другому. Солнце, зелень газонов, ржание лошадей и то особое, приподнятое чувство, которое испытывает, оказавшись на трибунах, всякий, даже не азартный человек, глядя на лавину всадников, скатывающихся по беговым дорожкам, волновали ее. Рузанна частенько помогала ветеринару, старику Назарычу, тот как-то сказал: «У тебя, девка, руки золотые. В медицину идти нужно. Люди, как и лошади, ласку любят».

Рузанна без труда поступила в медицинское училище — институт при скудном достатке не вытянуть. Тетя Томилла стремительно старела, требовала присмотра. Девушка не раз замечала, как тетка, оглядываясь по сторонам, прячет под матрас фантики от конфет, при этом лицо ее выражало страх. Жилось тяжело, с утра занятия, вечером домашние хлопоты, вырываться на ипподром удавалось редко, денег не хватало. Как-то вернувшись из училища, она застала тетю Томиллу в ванной, та, забившись в угол, тряслась и лихорадочно бормотала: «Проклятье на нас лежит, цыганское проклятье. Сегодня мать твоя приходила, стоит, грозит пальцем, а сквозь нее стену видно. Спаси и помилуй, Господи!»

Рузанна вызвала неотложку, тетку поместили в Кашенко, через месяц она умерла. Чтобы ее похоронить, пришлось продать последние золотые украшения, оставшиеся от матери. Дом опустел, в огромной Москве не осталось ни одного родного человека. Рузанне исполнилось девятнадцать лет, за ней стал ухаживать доцент Кириченко, он вел в училище курс общей хирургии. Рослого, широкоплечего блондина обожали студентки, и, конечно, ухаживание вызвало острую зависть однокурсниц. Красавицу возненавидели, старались всячески уколоть, унижить, то в сапог положат дохлую мышь, то на халате напишут зеленкой матерное ругательство, однажды собрались ее побить, но Рузанна схватила швабру и с такой яростью кинулась на обидчиц, что те с визгом ретировались. Доцент получил отставку, а товарки стали перед Рузанной заискивать. Вспомнились слова тети Томиллы: «Люди хуже лошадей».

На втором курсе она устроилась санитаркой в больницу, занятия — работа, работа — занятия, на развлечения не хватало времени, одевалась Рузанна нарочито скромно, косметикой не пользовалась, старалась скрыть свою броскую красоту. Дружила только со служителями конюшен. Однажды

ветеринар Назарыч сказал: «Слышь, девка, ты вроде лошадиный язык понимаешь? Уж не цыганка ли ты родом? Вон глазищи-то какие, искры сыплются. Попомни, ежели кого полюбишь, сгоришь в пламени».

Прав оказался старый ведун. Случилось это, как водится весной, в воскресный день — в Москве цвела черемуха, и было прохладно. Рузанна перед заездом вывела прогулять племенного жеребца Алмаза. Красная курточка, голубые джинсы, лакированные сапожки (коллективный подарок служителей конюшен), коротко остриженные волосы спрятаны под красной бейсболкой, чем не жокей.

— Эй, парень! — крикнул летчик, майор со звездой Героя на кителе. — Как коня зовут?

— Алмаз. А меня Рузанна. И я не парень.

— Извините, — смутился летчик, — я живого коня лет десять не видел. Ну и красавец! Но вы лучше.

Летчику было лет тридцать, виски подернулись сединой, а глаза голубые, мальчишеские, в которых застыло восхищение. Курносый, скуластый — не красавец, но какой-то весьладный, крепкий, надежный. Возникла пауза. Трибуны стали заполняться.

— Удивительное имя, — наконец сказал летчик.

— У коня?

— У вас. Рузанна!

— Имя цыганское, я наполовину цыганка. Ставьте на Алмаза, — тихо добавила она. — После заездов я подойду.

— Буду ждать, — улыбнулся летчик и стал на десять лет моложе.

Рузанна завела коня в стойло, накрыла попоной и, глядя его по шее, спросила:

— Алмазик, что же мне теперь делать?

Конь всхрапнул и покачал головой.

— Ты так думаешь?

Жокей Гоша, одергивая курточку, спросил:

— Руза, что ты светишься, как начищенный пятак?

— Влюбилась, Гоша. С первого взгляда.

— Поздравляю. И в кого?

— В летчика. Как звать, не знаю.

— Нормальный ход. Имя не главное.

Гоша сделал балетное па и, отстукивая по деревянному настилу чечетку, пропел: «Летчик высоко летает, много денег получает! Мама, я летчика люблю...»

— Дурак!

— Конечно, дурак. Поверил, что ты мужиков не любишь.

— Я что, эта? Ну, знаешь...

— Типа того.

— Гоша, поверишь, у меня вообще еще никого не было.

— Тогда ты единственная в Москве.

Рузанна вышла, когда трибуны после заездов стали пустеть. Она сменила сапожки на туфли на каблучках, повесила бейсболку на гвоздь и слегка подкрасила ресницы. Летчик ждал ее на прежнем месте.

— Поставил на Алмаза? — спросила девушка.

— Поставил.

— Деньги получил?

— Какие деньги?

— Алмаз выиграл забег. Куш ты сорвал немалый.

— Я и не слышал, все так кричали. Я никогда не играл на скачках, не знаю, где и что.

— Тебя как зовут?

— Валерий.

— У кассы тебя наверняка уже ждут местные алкаши, будут разводить на пьянку. Отстегни им стольник, иначе не останут. И ходу.

— Ну, знаешь...

— Знаю. Сотня есть? Я их сама отошью.

— Держи, — летчик достал из кармана купюру.

— Много, конечно, но ты герой, тебе лицо терять нельзя.

У кассы клубились завсегдатаи. Рузанну всегда удивляло, откуда эта пьянь узнавала о крупном выигрыше?

— Спокойно, мужики! — крикнула она. — Егорыч, возьми стольник, проставляться нет времени.

— Дочка, ты куда героя уводишь? — заголосил сморщенный старичок, большой специалист по разводу лохов.

— Домой. Ему через два часа на поезд.

— Он тебе кто?

— Муж.

— Тогда другое дело, красавица.

Лётчик с изумлением наблюдал за сценкой. Когда они вышли из здания ипподрома, Валерий спросил:

— А куда мы на самом деле идем?

— Ко мне домой, я тут неподалеку живу.

— Может, лучше в ресторан, нужно обмыть выигрыш.

— Я никогда не была в ресторане. Дорого, да и пошло. Я не проститутка.

Рузанну кинуло в жар, она почувствовала, что краснеет, и, чтобы скрыть замешательство, резко сказала:

— Не хочешь, как хочешь.

— Ну-ну, не сердись, — Валерий взял ее за руку, — Просто я сегодня не завтракал. Вчера бухали с ребятами. Утром пива выпил, и повело, не помню, как меня занесло на ипподром.

— В «ажурном» магазине, что в нашем доме, всё есть, и полуфабрикаты, и вино. Сама приготовлю. Я еще ни разу не кормила мужчину.

Что это был за день! Прошел теплый дождь, в окно затекал горьковатый запах черемухи, Валерий в форменной рубашке с закатанными рукавами, помогал накрывать на стол. Когда на кухне они сталкивались плечами, Рузанну вновь и вновь окатывало жаром, и ей казалось, что всё это происходит во сне. От шампанского «брют» покалывало язык, голова слегка кружилась, и слова Валерия с трудом пробивались сквозь плотную пелену.

... — Я — детдомовский, срочная служба, училище, дальше — «горячие точки»: Египет, Эфиопия, Ангола, Никарагуа и ни одной царапины. Я, наверное, заговоренный. Что-то я косею, видно, на вчерашнее наслоилось. Не думай, я не пьяница. Встреча боевых друзей, такие парни... До сих пор не могу поверить, что я в мирной Москве, слушатель академии... Невероятно.

Валерий уснул в кресле, уснул мгновенно, Рузанна со страхом прислушивалась к его дыханию. Тетя Томила загода собрала приданое. Застилая тахту накрахмаленными, хрустящими простынями, Рузанна тихо плакала, потом умылась, надушила ночную рубашку и поставила на старенький проигрыватель пластинку. Цыганский хор исполнял песню «кайене», солисткой в хоре была ее мать Глафира. Валерий проснулся, некоторое время с изумлением смотрел на Рузанну, потом спросил:

— Мне пора уходить?

— Нет. Иди, сполоснись под душем...

Потом они лежали на скомканных простынях, и герой-летчик растерянно бормотал:

— Ты, ты прости меня... Я же не знал.

— Тебя это ни к чему не обязывает. Ты женат?

— При моей-то профессии?

Через месяц они подали заявление в загс. Свадьбу пришлось отложить — слушателей академии отправили на стажировку, а еще через три недели летчик-ас Герой Советского Союза Терехин Валерий Владимирович погиб во время выполнения учебного полета. Комиссия, расследовавшая происшествие, пришла к выводу, что причиной авиакатастрофы стал человеческий фактор. Бортовые самописцы за несколько секунд до гибели зафиксировали только одно слово, произнесенное пилотом: «Рузанна». Всё это рассказали Рузанне друзья Валерия. На похоронах она не присутствовала, лежала в неврологическом отделении больницы. Да и кто она была Терехину? Не жена, не вдова. Осталось только свадебное платье, подаренное женихом.

Какое-то время Рузанна не жила, у нее внутри всё выгорело, она постоянно ощущала запах гари, словно побывала на выгоне у безвестной деревеньки, где погиб Валерий. Кровь народа, веками странствующего по миру, спасла ее. Рузанна постепенно возвращалась к жизни. На ипподроме она больше не появлялась, и все решили, что красавица куда-то уехала с мужем. И только лошади еще долго тревожно ржали и прядали ушами, ожидая ее.

Медицинское училище она закончила с отличием, год работала в больнице операционной сестрой, потом вдруг уволилась, забронировала квартиру и сорвалась в отдаленный гарнизон Северного флота.

Гремиха славилась своей дикой, пугающей красотой: сизые скалы, тундра, прозрачные, с голубым отливом озера, лишайники, мхи и небо, высвеченное мерцанием сполохов. Попасть в гарнизон можно было только морем, на несколько месяцев связь с Большой землей прерывалась; почту, случалось, доставляли на гидросамолете. Потарахтит над Гремихой такой самолетик, сбросит мешок с почтой на стадион и назад. Когда объявляли штормовое предупреждение, в гарнизоне натягивали леера, чтобы прохожих не сдувало ветром. В Гремихе жил веселый народ — подводники. Рузанну встретили настороженно: одинокая красавица-москвичка наверняка приехала, чтобы срубить мужика, увести из семьи, выйти замуж, такое уже случалось. Ей и прозвище дали — охотница Диана. Была такая в мифологии. Гарнизонный женсовет объявил «боевую тревогу». И была причина для беспокойства. Рузанна в ту пору как-то особенно расцвела, в облике ее появилось нечто трагическое, что особенно действовало на мужское воображение.

Между тем девушка повела себя странно: она подчеркнута скромно одевалась, причём во всё черное, не появлялась на танцах в Доме офицеров флота, не ходила в кино, хотя телевизоры плохо брали центральные каналы, в основном транслировали передачи местной студии. Поселили ее в двухкомнатной коммуналке, соседка Рита — инструктор-дезинфектор ходила по домам, травила мышей и тараканов. За невзрачную внешность и грубый нрав ее прозвали Кукарачей. Неожиданно для всех они подружились. Кукарача матюгами вышибала подвыпивших ухажеров, пытавшихся ломиться в дверь, одного тылового майора так огрела сковородой, что тот угодил в госпиталь. Как это нередко бывает, женская часть населения Гремихи встала на сторону мужчин, святоше объявили бойкот. А вот начальник хирургического отделения госпиталя не мог нарадоваться — такой операционной

сестры у него еще не было, работает четко, всё понимает с первого слова, а главное, операции, в которых участвовала Рузанна, проходили без осложнений.

Прошел год. Ничего не менялось, Рузанна всё так же вела замкнутый образ жизни, по гарнизону гулял слух, что у нее с Кукарачей особые отношения, и это как-то сразу всех устроило. И тут в госпиталь с острым аппендицитом поступил инженер, капитан третьего ранга Рустем Галеев с атомной подводной лодки К... Рустем третий год вдовел, в завидных женихах не числился, был мрачен, неразговорчив, сторонился дружеских застолий. Единственная страсть — рыбалка. Отправляясь в отпуск, Рузанна оказалась вместе с ним на лайнере «Вацлав Воровский». Стоял июнь — пора белых ночей; бакланы, выкрашенные солнцем в розовый цвет, кружили над островом Витте, полярное море было по-южному синим, лайнер — празднично белым, всё это сулило радости аборигенам Гремихи, наконец вырвавшимся на Большую землю. Рестораны и бары «Вацлава» были переполнены, в каютах гудели, с носа до кормы перекатывалась полюбившаяся морякам песня «Усталая подлодка», на судне было только два человека, не участвующих во всеобщем веселье, — Растем и Рузанна.

Осенью всех поразило невероятное известие: холодная красавица Рузанна выходит замуж за Рустема Галеева. Свадьба в конце ноября состоится в Доме офицеров флота. Рузанна в свадебном платье (подарок Валерия) была необыкновенно хороша, но больше всех поразил Галеев, он посветлел, выпрямился, словно сбросил тяжелую ношу, и многие женщины отметили, что Рустем красив, настоящий джигит, степной всадник, ставший подводником. Несмотря на сухой закон, начальство разрешило шампанское, к которому подводники тайно добавили «шило» — технический спирт. Свадебный бал удался, молодых с самодеятельным оркестром проводили до нового, только что сданного дома в поселке Островной. По указанию командующего флотилией, из Мурманска доставили два ящика цветов. Мебель в квартиру завезти не успели, в комнате были только два матраса, казенное постельное белье и цветы, расставленные по углам в трехлитровых баллонах.

В январе на конкурсе красоты «Мисс Арктика» Рузанна Галеева заняла первое место. В конце февраля подводная лодка К... вышла на боевую службу в Атлантику, в Гремихе дул сильный северо-восточный ветер. Несмотря на тройные рамы, в квартирах было прохладно, люди перемещались во мраке, цепляясь за леера; семьям, где были дети, на машинах развозили молоко. Рузанна не находила себе места, мучаясь от тягостного предчувствия, даже работа не отвлекала. А в

начале апреля по «сарафанному радио» до Грехихи докатилось известие: на лодке К... авария, пожар, есть жертвы. Лишь много лет спустя выяснились некоторые подробности аварии. Пожар на лодке начался с рубки гидроакустика, затем вспыхнул в седьмом отсеке (горела регенерация), лодка всплыла, пожар стал распространяться по воздуховодам. Сначала погибла первая смена вахты на главной энергетической установке, офицеры задраили люки, зная, что им не выйти наружу, тем самым предотвратив тепловой взрыв. Погиб и инженер капитан третьего ранга Галеев. Часть личного состава удалось снять подошедшему судну. После длительной борьбы за живучесть лодка потеряла плавучесть и затонула на большой глубине в Бискайском заливе.

Рузанна словно окаменела, на неподвижном, словно вылепленном из воска лице, застыло недоуменное выражение. Временами она произносила только одну фразу: «Я же его предупредила, предупредила...» Самое печальное, что в это трудное время друзья и знакомые отшатнулись от нее, вокруг образовалось пустое пространство, по гарнизону поползло злое: «Роковая женщина». Потом выяснилось, одна из медицинских сестер, закончившая годом позже медицинское училище в Москве, рассказала о гибели жениха Рузанной, летчика-героя, накануне свадьбы. Жены подводников суеверны, Галееву стали обходить стороной. И только верная Кукарача была с ней рядом. Командование флотилии предложило Рузанне квартиру в Североморске, операционную сестру охотно брали на работу в госпиталь флота, но она отказалась, вернулась в Москву. О дальнейшей ее судьбе известно немного. Без малого четверть века Рузанна Галеева проработала в травматологическом отделении Центрального военного госпиталя имени Бурденко, в то время в госпиталь потоком поступали тяжелораненые из Афгана и Чечни, потом, в годы смуты, она ушла в Богоявленско-Анастасиин женский монастырь, где после пострижения в монашество была наречена сестрой Глафирой. Якобы и по сей день в монастыре можно встретить облаченную в парамон и куколь великосхимницу со следами былой красоты на просветленном лице.

ХОРОШО БЫ СОБАКУ КУПИТЬ...

В теплое время года у стен Новодевичьего монастыря можно частенько встретить высокого, тщательно одетого старика в кастровой шляпе и с изящной тростью, украшенной позолоченным набалдашником в форме головы собаки. Сре-

---

ди джинсово-спортивной молодежи, облюбовавшей это историческое место, выглядит он настолько инородно, что его провозжат удивленными взглядами, словно это призрак, перемахнувший через ограду Новодевичьего кладбища.

Этот старик — я. Позвольте представиться: доктор физико-математических наук, профессор Куделин Владислав Степанович. В определенных кругах я известен как Репетитор.

Всю жизнь я прожил на Девичке, в доме на Кооперативной улице. Выхожу я на прогулку ближе к вечеру, когда на монастырской звоннице гудит колокол, созывающий прихожан на службу. Под его густые перезвоны спускаюсь с взгорка к озеру, к этому часу обретающему цвет кофе с молоком. На озеро, вспарывая поверхность воды, садятся утки, в воздухе скользят чайки, парк за озером глушит звуки, создается иллюзия тишины, древности. Я стараюсь не смотреть вправо — там, за домами на Бережковской набережной, проступают очертания сизо-розовых небоскребов. Эти уроды, порожденные нездоровой фантазией современных архитекторов, разрушают гармонию Девичьего поля. Когда тебе круто за семьдесят, нужно научиться не замечать то, что не хочешь видеть. Получается не всегда. У подножия башни, где томилась сестра царя Петра Алексеевича Софья, обычно торчат две-три девицы, страдающие от неразделенной любви. Они наивно полагают, что дух сестрицы царя поможет им устроить личную жизнь. Написала фломастером просьбу на древней стене — и все свершится.

Здесь, у стен монастыря, оживает память, и я возвращаюсь в свое время, оно тоже не очень радостное, но ближе мне и понятней. Нынче москвичей носит по всему свету, они пытаются постичь макромир, с туристической поспешностью проносятся по странам и весям, ничего не запоминая. Какое-то бессмысленное кружение, как у насекомого с оторванной головой.

Выражаясь терминологией биологов, мой ареал обитания — Москва, а уж если совсем точно — Девичка. Это мой микромир, я его знаю и люблю. Я одинок, у меня нет ни родственников, ни друзей. Судьба одарила меня единственным другом, чтобы потом жестоко отобрать его.

С Гошей Балашовым мы были почти одного роста, оба после восьмого класса вымахали за метр восемьдесят, и нас пересаживали за последнюю парту, что-то вроде ссылки на Камчатку. Но если я был сутул, неловок, угрюм, то Гоша напоминал античного бога: стройный, белокурый, с голубыми глазами и притом отличник по всем предметам. Но главным козырем его была физика. Я плелся на троечках, мало читал, спал на

уроках и однажды, каменно уснув во время торжественного собрания, упал со стула в проход. Гоша закричал, что мне плохо, и тем самым спас меня от неприятностей.

У нас с Гошей и биографии были схожи: наши отцы погибли в начале января сорок второго во время битвы под Москвой. Тянули матери. Гоша жил в коммуналке, пьяной и шумной, а у нас — трехкомнатная, отец полковой комиссар, получивший посмертно звание Героя Советского Союза. На наши квадратные метры никто не покушался. Уроки мы делали у нас, обедал Гоша у нас. Мы жили богаче, мама — учительница, да и пенсия за моего отца больше. Мать Гоши работала уборщицей на заводе «Каучук» — не разбежишься, да и отец пал рядовым.

Мама говорила, что я весь в отца, такой же высокий, сутулый, сильный и безудержный. Отца я видел только на фотографиях. Был он из богатой купеческой семьи, мальчишкой-гимназистом ушел в революцию, сражался в отрядах красногвардейцев, выбивал юнкеров из Кремля, в двадцать лет командовал ротой, вступил в партию, направили в ГПУ, затем в уголовный розыск, громил Хитровку, участвовал во многих опасных операциях, затем поступил на юрфак. В канун страшного тридцать седьмого, когда начались повальные аресты, отца назначили заведомом московского горкома партии. Потом война.

Гоша первый обратил внимание на мои математические способности. Как-то сказал: «Влад, ты хоть знаешь, что у тебя задатки будущего Лобачевского?» — «Кого-кого?» — «Был такой великий математик». — «Ну ты даешь!» — «Дурень, неужели не замечаешь, как на тебя Одуванчик поглядывает? Ты же любую задачку шелкаешь, как орех». Одуванчик — прозвище нашего математика. Аркадий Львович Пинчук, тощий, маленький, с лысым лбом и пышной шевелюрой на затылке, напоминал облетевший цветок городских окраин. Его побаивались. «Я не могу вас заставить любить математику, но я заставлю ее знать, — говорил он, шелкая себя по отвисшей нижней губе. — Математика по гармонии сродни музыке и поэзии. Ясно, мезозавры, бронтозавры и остолопы?»

В девятом классе он, встав на цыпочки, написал на доске алгебраическую задачу, важно прошелся по классу и изрек:

— Кто одолеет эту задачу, примет участие в московской математической олимпиаде старшеклассников. Шанс для поступления в технический вуз. Слабо, бронтозавры?

Гоша пнул меня под партой ногой и шепнул:

— Ну? Решил?

— А что в ней сложного?

— Тогда иди.

— Не пойду.

— Пойдешь. Как миленький пойдешь. — Гоша встал:

— Аркадий Львович, Куделин решил, но он стесняется, как девочка. У него комплекс инфантильности.

В классе захохотали. В восьмом я уже брился и говорил срывающимся баском.

— Куделин. к доске. И не бойтесь, я щекотать не буду.

Класс снова взорвался. Рядом с Одуванчиком я выглядел Голиафом.

Задачку я решил, стал участником и победителем многих математических олимпиад и благодаря Аркадию Львовичу к экзаменам на аттестат зрелости свободно владел основами высшей математики. В МГУ на физмат я поступил без особого напряжения. Завалиться я мог только на сочинении, но Гоша сделал мне клевою шпаргалку. Я выучил ее наизусть.

Всю жизнь я любил только одну женщину — свою мать. Когда матушка была жива, я глядел на мир ее глазами, пользовался ее критериями оценок, говорил на чистом русском языке, который исчез из употребления. Такая духовная близость бывает только в неполных семьях и при взаимной любви. Матушка Елена Федоровна дарила мне не только тепло и ласку, но, как опытный штурман, провела меня среди мелей и рифов «оттепели», сменившейся резким похолоданием, обострила зоркость и выстроила мировоззрение. Судьба матери долго оставалась для меня загадкой. Дочь искалеченного Первой мировой солдата и швей-надомницы, полдома с палисадником у Киевского вокзала — до второй половины пятидесятых годов сохранился этот чудный островок старой Москвы. Домики, домишки, сады за деревянным штакетником. Помню, снег там лежал особенный, то розовый, то синий и в окнах в сумерках теплился свет. А по весне этот сказочный мир, где, как мне казалась, живут маленькие человечки, гномы или тролли, захлестывала сирень. На этом месте нынче торчит гигантское сооружение, напоминающее дреднот: холодный монстр из стекла и бетона.

На фотографии бабушка моя Наталья Никитична выглядела совсем юной, в длинном платье с рюшками, с кокетливым фартучком и кружевной наколкой в волосах. Дед был темен лицом, левый пустой рукав заколот булавкой, на груди гимнастерки солдатский «Георгий». Умер он в двадцатом, бабушка одна воспитывала дочь. Наталью Никитичну я помню смутно, от нее всегда пахло свежими булочками с корицей. Как мама, девочка из малограмотной, бедной семьи, в то тяжелое время могла закончить с отличием школу второй

ступени, педагогический институт и стать учительницей русского языка и литературы — загадка. Откуда она знала французский язык?

Я никогда не видел маму неприбранной, белая поплиновая кофточка, черная удлиненная юбка — она обшивала себя сама, никакой косметики, высокая строгая прическа, прямая осанка — классная дама женской гимназии времен Чехова, но уж никак не задавленная бытом учительница советской поры. Улыбалась редко, но когда вспыхивала ее улыбка, светлели лица учеников. Я ведь учился в школе, где она преподавала, знаю. Разглядывая фотографии бабушки Натальи Никитичны, я не находил в матери никакого сходства с ней, дед был как бы вообще лишен внешности — один сгусток боли.

Подлинную биографию матери и свою родословную я узнал незадолго до ее смерти. Помню вечер, когда я, вернувшись из университета, застал маму за накрытым столом: разные закуски, в центре отливал зеленые графинчик с водкой — редкость в нашем доме. Водка меня и насторожила. За окном угасал теплый майский день. Мы молча, не чокаясь, выпили по рюмке и матушка спокойно, твердым голосом сообщила:

— Меня кладут в онкологию, сын, но вряд ли станут оперировать. Поздно...

Я было дернулся, хотел что-то сказать, я не мог поверить в обрушившуюся на меня беду. Мама остановила меня:

— Молчи и слушай. Банкет не по этому поводу, — она усмехнулась. — Я долго скрывала от тебя важную информацию. Я и сейчас не уверена, что поступаю правильно. С другой стороны, скрывать от тебя твое происхождение подло по отношению к твоим предкам. Твой дед, мой отец, — столбовой дворянин, полковник Генерального штаба, служил под началом генерала Брусилова. Бабушка — дворянка из разветвленного рода князей Трубецких, большая квартира на Садово-Кудринской, усадьба в том месте, где сейчас парк Мандельштама, что рядом с метро «Фрунзенская». Мандельштам — не тот репрессированный поэт, а, кажется, какой-то революционный деятель. Твой дед входил в подпольную офицерскую организацию, его арестовали в девятнадцатом и расстреляли, бабушка успела передать меня горничной Наташе, она жила и служила у нас с девочек, ее взяли из приюта. Мне было два года, из прежней жизни я ничего не помню. Нас приютил бывший шофер отца, вернувшийся с фронта раненым. Твоя родная бабушка оставила Наташе документы и драгоценности. Наташа стала мне матерью. Она полу-

---

чила хорошее домашнее образование, знала французский, но, конечно, скрывала всё это. Время было лихое. Документы спрятала, драгоценности позволили выжить. Наташа зарегистрировала брак с бывшим шофером. Вскоре он умер. У меня появилась новая фамилия, имя сохранилось. О своем происхождении узнала, когда училась в институте. Представляешь? Я ведь была комсомолкой. Нашла в себе силы пережить и понять. Ты тоже постарайся понять и пережить. Таких судеб в России немало.

Признаться, меня мало заинтересовало мое дворянское и княжеское происхождение. Диагноз у матери подтвердился, процесс развивался стремительно. Мать угасала на глазах, и не было сил смотреть, как она угасает.

После смерти матери я прожил несколько лет как бы в сумерках, утратив зоркость. А когда зрение восстановилось, я увидел мир в искривленном зеркале, доминировали только два цвета: черный и белый. Причем черного было значительно больше. Я до сих пор не знаю, был ли я когда-нибудь счастлив. Так, отдельные светлые фрагменты... Банкет после защиты докторской — самый молодой профессор в Москве. И что? Ленивые, а зачастую бездарные студенты, кафедральные склоки, подсиживание. По-настоящему я радовался, когда находил подлинные таланты, но таланты редкость, как золотые самородки. С возрастом реальность всё меньше и меньше интересовала меня. Я переместился в мир формул, математические построения заменили мне музыку, театр, поэзию, вообще художественную литературу. Я перечитывал только Достоевского и то потому, что он знал о темных сторонах человеческой сути больше, чем я.

В школе я долгое время не проявлял интереса к девочкам, чаще они раздражали меня кривляньями, неестественно громкими голосами, слезливостью, неоправданными обидами, какими-то тайно передаваемыми записочками. От них даже пахло по-другому, сладкими помадками, что ли. А толстуха Люда Агафьева постоянно что-то жевала. Старшеклассницы курили в туалете, носили короткие юбки и донимали меня вопросом, не голубой ли я.

От всех девчонок отличалась Мила Багрецкая, смуглая, темноглазая девочка, всегда в тщательно выглаженном форменном платье, чистюля, круглая отличница. Она шла третьей по математике и физике. Меня физика остро не интересовала — дается легко, ну и ладно, я с помощью Одуванчика переместился в поэтику цифр и уравнений. А вот Гоша всё никак не мог поделить первое место по физике с Багрецкой, они постоянно ссорились, а язычок у Милы был, как бритва.

Балашов часто проигрывал и потом долго не мог прийти в себя. Оба шли на золотую медаль.

О Миле было известно немного: живет на Комсомольском проспекте, мать умерла несколько лет назад, отец — полковник, преподает в Бронетанковой академии, всё хозяйство на дочери. Подруг у нее не было, ребята не решались к ней подступиться. Да не так она была и хороша: угловатая, тонконогая. Когда перед десятым классом первого сентября мы собрались в школьном дворе, Багрецкая меня поразила, да что там поразила — потрясла. За летние каникулы она превратилась в хорошенькую молодую женщину: толстая золотистая коса, высокая грудь, изящная шея и глаза не темные, а темно-синие. Стройные ноги не портили обычные чулки в рубчик — многие девочки уже носили капрон.

— Царевна Лебедь в исполнении Врубеля, — насмешливо сказал Гоша.

— Ты дурак.

— Да брось ты, обычная девчонка. Давай-ка дернем с последнего урока в Усачевскую баню. По данным разведки, туда поступило чешское пиво. Башли есть, я месяц проработал на одной стройке коммунизма — возводили коллектор для сточных и фекальных вод.

Я тяжело переживал первую любовь, понимая всю ее безнадёжность, с мучительным чувством перехватывал взгляды Милы, которые она украдкой бросала на Балашова, а Гоша ничего не замечал. Со временем боль притупилась, и на всю жизнь осталось ощущение утраты.

Гоша Балашов и Мила Багрецкая окончили школу с золотыми медалями и поступили в Бауманку, я с тройками в аттестате зрелости легко стал студентом МГУ. Профессор, принимавший экзамен и, видимо, помнивший меня по математическим олимпиадам, написал на доске уравнение и заявил, что у него пять вариантов решения. Я, по привычке своего учителя Одуванчика, пощелкал по нижней губе и нахально заявил, что не пять, а шесть вариантов. Пока мы ссорились у доски, вырывая мел друг у друга, абитуриенты успели обменяться шпаргалками, а двое парней после вчерашнего бодуна уснули на скамейке в аудитории. Профессор оценил мои знания на пять с тремя плюсами. Остальные экзамены — формальность. Вскоре я стал факультетской знаменитостью, заявив, что докажу теорему Ферми.

С Пашей виделись редко. Он с матерью переехал в Лефортово. Старшая сестра матери тяжело заболела, потребовался уход. Чтобы не терять двухкомнатную квартиру в старом фонде, сестры сделали родственный обмен: тетку Гоши про-

---

писали в коммуналке на Усачевке, а Гоша с матерью перебрались на Солдатскую улицу. После всей этой процедуры тетка и месяца не протянула.

В Москве дотлевали остатки «оттепели», стоял духovitый июнь — цвела сирень. Мы с Гошей сидели за столиком в коктель-холле гостиницы «Москва». Чешские пиджаки в талию, набриолиненные коки, башмаки на толстой подошве — обычные студенты конца пятидесятых. А вокруг за столиками и за стойкой бара клубилась «золотая молодежь».

— Откуда вся эта нечисть выползла? — спросил Гоша, глаза его сузились, — стилиаги, фарцовщики, валютчики, шлюхи. Кирают на родительские деньги, утюжат у гостиниц, где останавливаются иностранцы... Вон дружина за сдвинутыми стойками — ребяташки из ЦК ВЛКСМ. Я с ними пересекался. Амбициозны, целеустремленны и ни во что не верят. Потом будут нами руководить. Что происходит, Славик?

— А-а, плюнь. Мы другой крови. Кто-то же должен науку двигать.

— Да, всё забываю тебе сказать. На наш спецфак еще в первом семестре перевелась Мила Багрецкая. Красавица-раскрасавица. Наши доценты вокруг нее кругами ходят.

— И что?

— А-а, такая же зануда. Мы с ней, как водится, поругались, месяц не разговаривали. Потом сама подошла: «Георгий, глупо дуться, мы же одноклассники». Действительно глупо.

— Слушай, что это за спецфак?

— Готовит специалистов для атомной промышленности. Всё закрыто, всё секретно. Это нельзя, то нельзя. И перспективы своеобразные: закрытый городок в стороне от цивилизации, превосходное снабжение, квартира — золотая клетка. Зато наука без дураков, только успевай поворачиваться.

Мою жизнь можно изобразить простой формулой: школа, университет, аспирантура, защита кандидатской, потом докторской, работа — всё. Правда, формула отражает лишь хронологию, жизнь сложнее, многообразнее, ярче. Я не понимаю людей, утверждающих, что работа — сплошная рутина, на мой взгляд, работа — самое главное в жизни, работа значительнее любви. Любовь гаснет, теряет энергию и в конце концов мутирует, превращаясь в привязанность, уважение, или просто исчезает, забывается. Короткая история моей влюбленности в Милу Багрецкую столь же быстро погасла, как и возникла, уступив более сильному чувству, которое дает математика.

Господь, наверное, наделил меня даром педагога. На мои лекции стали сходиться студенты с других факультетов. Вско-

---

ре мне прилепили прозвище Ловец талантов. Я каким-то необъяснимым чутьем угадывал серьезный талант в среднем студенте и уже не выпускал его из рук. Мои лекции, во всяком случае во второй половине карьеры, нередко превращались в подобие шоу. У грифельной доски в аудитории, где надлежало царить профессору, собиралось по пять-шесть оппонентов из новоявленных гениев, подвергавших сомнению очевидные истины. К спору подключались остальные студеозусы, в аудитории стоял такой гвалт, что прибежал заведующий кафедрой и кричал: «Соблюдайте приличия, товарищи!»

Однажды священную тишину университетской аудитории нарушила старинная студенческая песня. Студенческий хор на моей лекции старательно выводил на латыни: «Виват, академия, виват, профессорес...»

Декан влепил мне выговор за нарушение учебного процесса, а мы всего лишь отметили день рождения Лобачевского. Меня приглашали на студенческие междусобойчики, я всегда приходил с изрядным количеством вина, но сам не пил. Одна студентка как-то спросила: «Владислав Степанович, почему вы не пьете вина, даже сухого? Аллергия на алкоголь?» — «Нет, милая, после выпивки я на неделю теряю способность абстрактно мыслить. Впрочем, это сказал Ландау». Думаю, на нашем факультете прибавилось трезвенников.

Я знал, что некрасив, часто нелеп, экстравагантен, что нормальная женщина не может меня полюбить, но хорошенькие первокурсницы влюблялись в меня, и в своем древнем портфеле я частенько находил трогательные записки. Начальство меня не любило. Особенно после того, как я на ученом совете сказал, что посылать студентов на картошку — глупость. Россия при умелом руководстве могла бы завалить картошкой весь Старый Свет, причем не привлекая студентов. А тут еще вышла моя толстенная книга «Высшая математика для чайников». Книга мгновенно разошлась, ее переиздали, затем перевели в США и Франции, а меня вызвали на Лубянку.

— Владислав Степанович, как ваша книга могла попасть за границу? — спросил меня красивый человек с ласковыми глазами.

— Понятия не имею. Я думаю, купил книжку в магазине студент-иностранец и увез на родину, а там ее перевели и издали. Книга издана в СССР, не самиздат, позавчера подписал договор с китайским издательством. Тоже нельзя? Если вы читали мое сочинение, то обратили внимание на обилие остроумных выдержек из лекций Эйнштейна, Ландау, Кел-

---

дыша, Лобачевского, Ломоносова и еще двух десятков гениев, где о сложных вопросах они говорят просто, как о сборе грибов. Студенты лучше усваивают материал.

Из университета меня турнули, уже не помню с какой формулировкой. Началось мое блуждание по институтам.

А Гоша и Мила исчезли. Пока была жива мать Балашова, поступали скудные сведения: молодые поженились, уехали работать в Челябинск. Затем в Пензу и наконец, осели где-то под Арзамасом. Матушка Гоши Мария Ивановна плакала:

— Говорят, самое опасное место. Адрес — почтовый ящик, звонят часто и Мила, и Жорик, деньги шлют ежемесячно. У них «Волга», трехкомнатная квартира в кирпичном доме. И что? Уж лучше бы они работали обычными инженерами.

Последний раз я видел Гошу на похоронах матери. Он огрюз, от его золотых кудрей остались хвостики за ушами. Дорогие темные очки. Приехал на «Волге», водитель — молодой, крижистый татарин, под пиджаком пистолет в кобуре, остановились не дома у Гоши, а в гостинице «Москва».

— Где Мила? — спросил я.

— С пацаном сидит. Корь у мальчика. А парень — прелесть. Твои статьи почитываю и на русском и на английском. Почему в членкоры не выдвигают?

— Ты же знаешь, я неудобен. И тебя рядом нет, чтобы наставлять.

Гоша долго смотрел в темнеющее окно. По Манежной площади катили автомобили, перемигиваясь подфарниками.

— Что-то еще будет, Владик, — Гоша вздохнул

Официант вкатил в номер столик с закусками и, ловко взяв чаевые, удалился.

— Давай помянем наших матерей, друг. — Глаза у Гоши повлажнели. Зазвонил телефон, он сорвал трубку, лицо его обострилось, побледнело, и он хриплым голосом ответил: — Понял, выезжаю, действуйте в штатном режиме...

Скосил глаза на водителя:

— Рузем, через полчаса выезжаем, готовь машину.

Когда водитель вышел, Гоша тихо сказал:

— Вот так, мать помянуть некогда. Да оставь ты рюмку, налей по полному фужеру...

Я не верил в чудеса и всё же со временем убедился — чудеса существуют.

Года два назад у меня появились возрастные странности: где-то с семнадцати до восемнадцати часов я начинаю испытывать смутное чувство тревоги. Чтобы перебить это ощущение, я отправляюсь в какое-нибудь кафе выпить чаю или чашечку кофе. Таких заведений сейчас развелось множество,

---

но я предпочитаю небольшое кафе у метро «Парк культуры». Как-то забрел в «Кофе Хауз», что неподалеку от метро «Фрунзенская». Мне там понравилось: чисто, тихо, публика средних лет. Чай заваривали превосходно, и пахло в кафе свежей сдобой, как когда-то на улице Горького в бывшей булочной Филиппова.

Стояла середина апреля. Первый по-настоящему весенний день. Ярко светило солнце, зал был заполнен серебристым светом, в котором вспыхивали и гасли пылинки. Мой столик у окна был занят. Дама в элегантной шляпке и в строгом сером костюме равнодушно глядела в окно. На минуту погасшее солнце вновь вспыхнуло, высветив ее лицо, показавшееся мне знакомым. Дама поставила чашку, прищурившись, глянула на меня, улыбнулась и помахала мне рукой. Я был убежден, что в этом мире не осталось ни одного человека, который мог бы поприветствовать меня, так знакомо развернув узкую ладонь в перчатке. Я торопливо надел очки: за «моим» столиком сидела Мила Багрецкая.

— Владик, пересаживайся. Только перевесь мое пальто на вешалку.

«Кажется, меня начинают посещать призраки», — растерянно думал я, неуклюже перебираясь за столик, где сидела моя бывшая одноклассница. Трость с сухим треском упала на пол. Девушка-официантка подхватила ее и повесила на спинку стула.

— Лена, мне как обычно, — пробормотал я, пытаюсь прийти в себя.

Мила усмехнулась одними губами:

— Палка для антуража или...

— Или. Иногда кружится голова. Как ты здесь оказалась?

— Понимаю твое недоумение. Меня уже раза три похоронили. Несмотря на режимы и запреты, информация всё же распространяется по затхлым научным коридорам. Ну а сейчас, когда всё дозволено, обо мне, наконец, забыли. Давай, я налью тебе чаю.

— Погоди, а Гоша?

— Гоша умер.

— Прости, я не знал.

— Сколько лет прошло... Он погиб еще до перестройки. В Арзамасе-шестнадцать Гоша сразу пошел в гору: кандидатская, докторская, высокая должность, он занимался разработкой боеприпасов. Я — дома, маленький сын, домашние заботы, а тут авария. От меня некоторое время скрывали гибель Гоши. Да как скроешь? Вместо человека — скромный постамент из черного габбро. Вытягивала сына одна, отец

помогал, я осталась на заводе, где серийно изготавливали изделия. А сынуля оказался вундеркиндом — гены отцовские, перескакивал из класса в класс, в шестнадцать поступил в университет, страсть — программистика. На последнем курсе поехал в США по программе обмена студентами, там и остался. Я особенно не переживала, катились девяностые, казалось, в России жить невозможно. А вот отец мой от расстройств угодил в Кашенко, да так и не оправился. Я прописала в московскую квартиру младшую сестру отца, вдову с дочерью, как бы по уходу за родственником. Отец давно умер, старуха отошла два года назад, племянница так и не вышла замуж. Бывая в Москве, я останавливаюсь, считай, в родном доме.

— Почему бы тебе не перебраться в Москву?

— Я должна быть рядом с Гошей. Там, в Арзамасе, друзья, прекрасный квартира. Я люблю наш научный городок.

— А сын, как же зовут?

— Георгий, как же еще? В честь отца. По-американски — Джордж. Работает в Силиконовой долине. Топ-менеджер компании. Богат. Регулярно переводит деньги в валюте, звонит, но к себе не зовет.

Мила сухо рассмеялась. Я потерянно спросил:

— В Москве ты проездом? Господи, что я говорю...

— Всё правильно, и ты очень точно подобрал слово. Да, проездом. Завтра утром еду в институт на Каширку. Это мой третий и, по-видимому, последний заход.

Я похолодел и с трудом сложил деревянными губами:

— Тебя можно навестить?

— В этом нет необходимости. Племянница обо всем позаботится.

— Возьми хотя бы визитку. Вдруг захочется позвонить.

— Спасибо, — Мила взяла визитку, извлекла из сумочки позолоченные очки, прочла вслух:

— Доктор наук, профессор. Почему в членкоры не выдвинули?

— Не по Сеньке шапка. Теорема Ферми мне не по зубам. Я много лет преподавал. К власти не рвался, студенты, смею утверждать, меня любили, начальство считало опасным чудачком. Из университета выперли, преподавал в разных институтах, а как началась перестройка и все эти идиотские реформы высшей школы, сам ушел. Ушел, не хлопнув дверью, просто свалил на пенсию. Чем я только не занимался в эти годы. Изучил теорию азартных игр, профессионально играю в покер, но не в подпольных катранах. Существует узкая группа богатых людей, которые обеспечивают мне без-

---

бедное существование. К тому же я репетитор для деток виперсон. Случая не было, чтобы мой ученик не поступил в избранный вуз. Правда, я предварительно тестирую абитуриентов.

— Прости, Владик, ты по-прежнему один?

— Да. И ничуть об этом не жалею. За хозяйством приглядывает одна старушка. Не бесплатно, конечно.

Я глянул на Милу, и мне стало стыдно. Лицо ее от усталости переменялось, приняло серый оттенок, проступили морщины, и видно было, как подрагивают ее пальцы.

— Пойдем, Владик, мне пора пить лекарство. Это хорошо, что мы с тобой встретились. В прежние приезды в столицу я не могла отделаться от ощущения, что иду по чужому городу, населенному чужими людьми. Проводи меня. Здесь недалеко, Третья Фрунзенская.

— Может, взять такси?

— Нет, нет, проедем на троллейбусе. Я живу в доме, где рядом на первом этаже был книжный магазин. Помнишь?

— Конечно.

— И хлебозавода тоже нет. А как приятно было ощущать запах свежего хлеба, когда я шла в школу. Да, всё проходит.

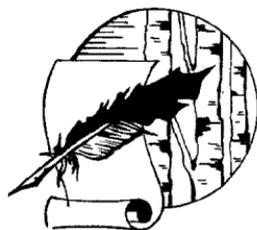
До сумерек я бродил по Девичке, затем зашел в «винный магазин», что рядом с Усачевским рынком, купил бутылку дорогого армянского коньяку и отправился домой. Меня никогда не мучило одиночество. Сегодня я испытал это чувство впервые.

Над электрокамином висел портрет матери. Я вспомнил строки из ее любимого стихотворения Бунина:

*Я камин затоплю, буду пить.
Хорошо бы собаку купить...*

Да, хорошо бы завести собаку, всё-таки живое, преданное существо. Но собака требует заботы, а сил уже нет. У одинокой старости есть преимущество: отвечаешь только за себя. Я налил себе в фужер коньяку. Мила сказала: «Всё проходит». Нет, не проходит... Воспоминания — реальность.

Незаметно миновала ночь. На востоке протаяло розовое пятно. Солнце — всегда надежда, даже когда тебе за семьдесят.

Сергей ЧУХИН

Сергей Валентинович Чухин (1945—1985) родился в деревне Бабцино Вологодской области. Детство прошло в деревне Погорелово. Окончил филологический факультет Вологодского педагогического института и Литературный институт имени А.М. Горького. Работал журналистом. Дружил с Н.Рубцовым. Трагически погиб. Поэтические сборники: «Горница» (1968), «Дни покоя» (1973), «Дым разлуки» (1974), «Осенний перелёт» (1979), «Ночь часов» (1980), «Стихотворения» (1982). Жил в Вологде.

ВРЕМЯ РАЗЛУКИ

* * *

Не забывай минувшие печали,
Любовь найдя и доброту найдя.
А если позабудешь, то едва ли
Они опять не посетят тебя.

Ни прежние надежды и ни вера
Тебя не отрезвят, и потому
Белая боль — единственная мера
Сегодняшнему счастью твоему.

* * *

Г.Горбовскому

Подвигаюсь к вечному порогу.
До чего ж не хочется идти!
Только бы забыть про ту дорогу
Или сбиться где-нибудь в пути...
Постою у тёплых сосен сада,
Он полдневной напоён смолой.

Постою... А ведь идти-то надо.
До свиданья, друг столетний мой!
Посмотрю на голубую иву.
Солнце ей оплавало края!
Чтобы раньше подивиться диву...
До свиданья, милая моя.
Реченька родная, до свиданья!
Я не ставил невода по дну.
Может быть, водицы на прощанье
Мне наплещешь пригоршню одну?
Так я всё люблю! И даже жутко,
Что в последний раз отметит взгляд,
Как в сырой канаве забудки
Рядом с маргаритками стоят.
И всему земному мирозданью,
Где цветёт и золотится май,
Каждый день шепчу я: «До свиданья...»
Каждый день боюсь сказать «Прощай...»

* * *

И до скромного юбилея
Очень трудно дожить, не болея.
Вот и я заболел, да некстати —
Разве можно валяться в кровати,
Если всё зацвело и запело,
Принялись даже птахи за дело,
Трясогузка, наверное, лёд
Перламутровым хвостиком бьёт?..
Нет, не стану валяться в постели,
И пилюли уже надоели!
Говорят мне, что нужен покой,
Но — поймите же! — не такой,
А покой на горе, у реки,
Там, где льдины — вперегонки.
Исцеленье доверить хочу
Птицам, солнечному лучу.
Даже травка встаёт на лугу.
Я ль не встану и я ль не смогу?

* * *

И снова праздник наш печален,
Да и нельзя наоборот:
Ведь мы не Новый год встречаем,
А провожаем старый год.

Ах, были шутки легкокрылы!
Но годы вороном летят,
И множат близкие могилы,
И чую, новые сулят.
А нас и так осталось мало...
Да что тут сетовать на жизнь!
Как говорил Рубцов бывало,
Коли поехал, так держись!
Нам время строгое не в диво,
Намяло шею и бока.
Оно, конечно, справедливо,
Коль время мерить на века.
Но и при шуме ветра злого,
Когда и тяжело и темно,
Пиши, мой друг, как будто слово
Тебе
Последнее
Дано.

* * *

Работай, друг мой, душою чист,
Один проходи науку.
По праву руку — бумаги лист,
И сердце — по леву руку.
Но легче будет писать вдвоём,
Если, навек условясь,
Рядом с тобою — поводырём
Незамутнённая совесть.
А трудно станет в пургу и свист —
Поделят поровну муку:
По праву руку — бумаги лист
И сердце — по леву руку.

* * *

Позабыл и дом родной, и детство,
Но ржаные помню калачи
И само торжественное действо
Около растоплённой печи.
Это мне потом известно стало,
Как меняла старенький сатин
Мать моя на дрожжи и на сало
В дни международных годовщин.

Позабыл заветные полянки,
Лопухов размашистую тень,
Позабыл и рыжие поганки
На дощатых крышах деревень.
Это мне потом известно стало
Про послевоенную беду,
Что в деревне хлеба не хватало,
Что в деревне ели лебеду.
Что ночами плакала украдкой
Мать моя — узнал через года.
Мне тогда спалось ночами сладко,
А теперь не спится иногда.

* * *

Окно расконопачу в горенке,
Оно выходит в палисад.
Гуляют в палисаде горлинки,
И низко яблоки висят.

Всё тишиною мягкой обнято,
И, кажется, средь тишины
Услышу даже, если облако
Коснётся краешком луны.

А Катерине Александровне,
Моей бабусе и любви,
Всё чудится, что в палисаднике
Разбойничают соловьи.

Бабуся, это я разбойничаю!
И, теща милую свою,
Насвистываю неразборчивое
И неразборчиво пою.

Не зря я обиходил горенку,
И, коль удача улестит,
В ней будет жить такая горлинка,
Что и зимой не улетит.

* * *

Половодья лихая путина
Затопила дороги мои.
Напиши письмецо, Антонина,
Прилетели ли там соловьи.

Напиши, как они обручали
Зорьку вечера и рассвет,
Как в открытые окна ночами
Горько пахнет черемухи цвет.
Это май виноват, подружка,
А всё прочее ни при чем,
Что сгорает твоя подушка
Под горячим под правым плечом!
Выйди из дому — встретишь диво, —
Всё равно тебе не уснуть! —
Посмотри, как луной окатило
От крыльца уводящий путь.
Протяни же призывные руки
К сильным рекам, на север, туда,
Где кончается время разлуки,
Убывает оно, как вода.

* * *

Колокольчики, ромашки, дикий клевер луговой —
Всё скосили, просушили и поставили в стога.
У кузнечика хромого с треугольной ногой
Не шумит над головою разноцветная тайга.
Подкосили наше лето, ах, под самый корешок,
Покатилось красно солнышко, позолотило рожь...
И ночами выстывают в речке камень да песок...
Что, кузнечик, что ты плачешь? Плачем лета не вернешь.
Посажу тебя, пожалуй, не в карман, а в коробок,
Поживи на теплой печке, духом яблок подыши.
Тихой радостью осенней запастись надо впрок,
Свежим сеном и листвою устилая дно души.
Тучи толстые нахлынут, и, когда посыплет снег,
И когда не остановишь ни на чем усталых глаз,
Ты напомнишь мне, кузнечик, мой зеленый человечек,
Тишь, луга, ржаное поле... Это будет в самый раз.
Поплотней прикроем двери да растопим нашу печь —
И погреемся немного у веселого огня.
Ах, кузнечик, я не в силах это лето уберечь.
Как товарищ по несчастью понимаешь ты меня!

* * *

И хотел бы в деревню родную,
Да пустили её на распыл.
И хотел бы запеть удалую,
Да старинный мотив позабыл.

Голо всё, словно после набега
Золотой зачумлённой орды.
Лишь былинка торчит из-под снега
Там, где прежде стояли сады.
Только ветер гуляет над полем,
Закатившийся в наши края.
Он, конечно, судьбою доволен,
Бездомовный, как, впрочем, и я.
Мне бы тоже за ветром умчаться,
Бросить эти края — и умчать!
Чем былинкой над снегом качаться,
Чем пеньком на дороге торчать.
Только сердце навеки пристыло
К той земле, что магниту сродни,
Где и летом нечасто гостило
Красно солнце в холодные дни,
Где теперь замечает дороги —
Скоро будет совсем не пройти! —
И откуда застывшие ноги
Всё не могут меня унести...

* * *

Н. Рубцову

Уходим за последними грибами
Под крапающим изредка дождем.
Хотя прекрасно понимаем сами,
Что ничего сегодня не найдем.
Уходим за последними грибами,
И для согрева пробуем бежать,
И сигаретки теплые губами
Стараемся подольше подержать.
На пустоши давно ли огребали
Просушенное сено... А сейчас
Уходим за последними грибами —
За первыми ходили и без нас.

* * *

Художнику Михаилу Брагину

Ах, эта жизнь! Гори она огнём!
Давай, мой друг, махнём куда попало,

Давай вдвоём немного отдохнём...
Мы столько были под людским судом,
Что вышнего бояться не пристало.
Да только ли в багетах золотых
Возможно счастье? Нет, оно повсюду:
Меж елей, темнотою налитых,
В морозах, что захватывают дых,
В любом цветке, уже подобном чуду.
Поехали! Не всё ли нам равно...
Куда-нибудь в деревню, недалече,
Где не горчит, а радуется вино,
Где не гремят под вечер в домино,
Где умных лиц не делают при встрече.
Осточертели вечные ханжи,
Что взглядами, как банными листьями,
Картины облепили, витражи;
И облепили слово ржавью лжи;
И преуспели в том, и не устали.
А мы от них давай передохнём
Да примемся за старую работу —
Смешаем ночь с быстробегущим днём
И за рога судьбу свою возьмём,
Не погрешив в работе ни на йоту.
Пусть вслед нам слухи заснут,
И каждый будет сплетней приукрашен;
Пусть ханжи нам суд произнесут...
Мы столько раз судимы были тут,
Что божий суд — и то уже не страшен.

* * *

Силой силу убивают,
От борьбы — невпроворот...
Дураков не убывает,
А совсем наоборот.

По себе не замечаем,
На других глядим сперва.
Головою покачаем,
Коль на месте голова.

Что творится на планете!
Где-то мор, а где-то пир...
Рад бы жить и в худшем свете,
Да торопят в лучший мир.

Поневоле выйдешь в поле,
Поневоле запоешь:
Матушка, не наша воля,
Не полюбишь, кого хошь...

* * *

Ах, как ласточки реяли в выси!
Нежным сеном тянуло с полей.
И слетались вечерние мысли
На огонь сигаретки моей.
Шли подводы деревнею грузно,
За подводами шли мужики.
Нам для горести многое нужно,
А для счастья совсем пустяки:
Только б ласточек в выси
Да эту
Вечереющую благодать,
Да еще докурить сигарету
И заснуть...
И проснуться опять.

* * *

Ни звезды, ни ясна месяца —
Костерок горит в ночи,
И бесшумно тени мечутся,
Как огромные сычи.

Слышно — рядом речка токает,
Ходит перепел в овсе,
Лошадь спутанная топает
Да катается в росе.

Ни проезжего, ни пешего —
Тишина и благодать!
Никакого больше лешего
Не желаю пожелать —

Ни звезды, ни ясна месяца...
Мне теплее на земле,
Если тени тихо мечутся,
Костерок горит во мгле...

---

* * *

Лепечет дождь
В открытое окно,
Что прокатилось,
Кончилось веселье
И превратилось
Летнее вино
В ненастное
Осеннее похмелье.
Деревья
С непокрытой головой
В моё окно
Заглядывают снова.
И мир живой,
Верней — полуживой,
Зовёт меня к себе,
Полуживого.
Надену плащ,
И кепку натяну,
И с крохотной
Надеждой на спасенье
Уеду в бор,
И встану под сосну,
Как верующий
Под благословенье.
Да,
В мире все живут своей бедой —
Открытие,
Что сделано не нами.
Лесные раны
Залиты смолой,
Людские раны
Залиты слезами.
И даже здесь,
В протяжной тишине,
Осевшей на брусничники
И хвою,
Деревьев дрожь
Напоминает мне
О ветре
Над моею головою...

---

* * *

Сближаем страны и народы,
Пускаем шахты и заводы,
Перепахали целину...
А где-нибудь в посёлке Устье
Такое встретишь захолустье,
Что просто скажешь: «Ну и ну!»

В кирзу обутая девчонка,
Всегда закрытая лавчонка,
И гам, и пиво у ларька,
Ползёт сельповская телега,
Возница сед, лошадка пега,
И пахнет дождиком...
Тоска!

Спустись к реке, где волны пляшут
И где удилищами машут
Ребята с раннего утра.
И там, под побережной кручей,
Ты вдруг поймёшь, что всё же лучше
Тебе живётся, чем вчера.

Ведь это так неповторимо,
Когда и пароходы мимо
И мимо все грузовики.
И волны плещут в жёлтой пене,
И, как цыгане при обмене,
Руками машут мужики.

Какая русская картина!
Вот на паром взошёл детина,
Присвистнул, грохнул каблуком! —
И отвалил паром могучий....
И девушка махала с кручи
Детине славному платком.

У каждого свои заботы,
Свои по жизни повороты,
Своя любовь, своё крыльцо.
Но в эту жизнь взглядеться надо,
И это высшая награда —
Глядеть открыто ей в лицо.

---

* * *

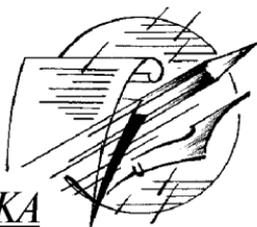
Осенняя заря, заря глубокая
Горит и гаснет через полчаса.
И только птаха, птаха одинокая
Пустынные пронзает небеса.
Ни шороха, ни звука постороннего,
И летние туманы отцвели...
А сколько гроз высоких похоронено
Здесь, под напластованьями земли!
А сколько вдоль дороги пораскидано
И строгих дум, и песен без вина...
Чего родной землёй не перевидано,
Чего не переслышала она!
Чего не повидали эти поженки,
Где ивняки толпятся по краям,
Где нежно прилегают подорожники
К неизлечимым рваным колеям.
Но говорить о прожитом не хватит ли?
Порой колюча память, как жнивьё.
И разве сын напомним старой матери
О возрасте и хворости её?
Усталая, безмолвная, ранимая,
Пусть отдохнёт земля моя, пока
Вечерняя заря, заря равнинная
Свой бледный отблеск шлёт на облака.

С КЕМ МЫ ВОЕВАЛИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Первое же стратегическое контрнаступление советских войск в Великой Отечественной войне выявило очень неприятное для СССР обстоятельство. Среди пленённых под Москвой войск противника оказалось немало воинских подразделений Франции, Польши, Голландии, Финляндии, Австрии, Норвегии и других стран. На трофейной боевой технике и снарядах были обнаружены выходные данные почти всех крупных европейских фирм.

К сожалению, в руководстве Советского Союза всерьез думали, что европейские пролетарии не пойдут с оружием в руках на государство рабочих и крестьян и что они будут саботировать производство оружия для Гитлера. Но произошло ровно противоположное.

Очень характерную находку сделали наши воины после освобождения Московской области в районе исторического Бородинского поля — рядом с французским кладбищем 1812 года они обнаружили свежие могилы потомков Наполеона. Здесь вела бои советская 32-я стрелковая Краснознамённая дивизия полковника В.И. Полосухина, бойцы кото-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

рой даже предположить не могли, что им противостоят «французские союзники».

Более или менее полная картина этого боя открылась только после Победы. Начальник штаба 4-й немецкой армии Г.Блюментрит опубликовал воспоминания, в которых написал:

«Четыре батальона французских добровольцев, действовавших в составе 4-й армии, оказались менее стойкими. У Бородина фельдмаршал фон Клюге обратился к ним с речью, напомнив о том, как во времена Наполеона французы и немцы сражались здесь бок о бок против общего врага — России. На следующий день французы смело пошли в бой, но, к несчастью, не выдержали ни мощной атаки противника, ни сильного мороза и метели. Таких испытаний им ещё никогда не приходилось переносить. Французский легион был разгромлен, понеся большие потери от огня противника. Через несколько дней он был отведен в тыл и отправлен на запад».

Вот любопытный архивный документ — список военнопленных, сдавшихся советским войскам в годы войны.

Напомним, военнопленный — это тот, кто воюет в форме с оружием в руках.

Итак, немцы — 2 389 560, венгры — 513 767, румыны — 187 370, австрийцы — 156 682, чехи и словаки — 69 977, поляки — 60 280, итальянцы — 48 957, французы — 23 136, хорваты — 21 822, молдаване — 14 129, евреи — 10 173, голландцы — 4 729, финны — 2 377, бельгийцы — 2 010, люксембуржцы — 1652, датчане — 457, испанцы — 452, цыгане — 383, норвежцы — 101, шведы — 72.

И это только те, кто выжил и попал в плен. Реально против нас воевало значительно больше европейцев. То есть в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов СССР с начальной численностью 190 млн. человек воевал вовсе не с 80 млн. тогдашних немцев, а практически со всей Европой, численность которой (за исключением союзной нам Англии и не сдавшейся немцам партизанской Сербии) была около 400 млн. человек.

Между прочим, в статистическом сборнике «Россия и СССР в войнах XX века» или в справочнике «Мир русской истории» эти цифры искажены. Часть национальностей из нее исчезла. В первую очередь исчезли евреи, которых, как мы видим из подлинной таблицы, служило Гитлеру столько же, сколько и финнов с голландцами, вместе взятых. Кстати, поляки сегодня пытаются оттолкнуть евреев с должности «главных страдалцев Второй мировой войны», а их в спис-

---

ках пленных больше, чем официально и реально воевавших с нами итальянцев.

В ходе Великой Отечественной войны шинели в СССР надели 34 476,7 тыс. человек, т.е. 17,8% населения. А Германия мобилизовала в свои вооруженные силы аж 21% от численности населения. Казалось бы, немцы в своих военных усилиях напряглись больше, нежели СССР. Но в Красной Армии в большом количестве служили женщины, как добровольно, так и по призыву. Была масса чисто женских частей и подразделений (зенитные, авиационные и т.д.). В период отчаянного положения Государственный комитет обороны принял решение (оставшееся, правда, на бумаге) создать женские стрелковые соединения, в которых мужчинами были бы только заряжающие тяжелых артиллерийских орудий. А у немцев, даже в момент их агонии, женщины не только не служили в армии, но их было очень мало и на производстве. Почему так?

Для того чтобы сражаться, нужны не только солдаты, но и оружие с продовольствием. А для их производства тоже нужны мужчины, которых женщинами или подростками заменить нельзя. Поэтому и вынужден был СССР посылать на фронт женщин вместо мужчин. У немцев такой проблемы не было: их обеспечивала оружием и продовольствием вся Европа. Французы не только передали немцам все свои танки, но и произвели для них огромное количество боевой техники — от автомобилей до оптических дальномеров. Чехи, у которых только одна фирма «Шкода» производила оружия больше, чем вся довоенная Великобритания, построили весь парк немецких бронетранспортеров, огромное количество танков, самолетов, стрелкового оружия, артиллерии и боеприпасов. Поляки строили самолеты, польские евреи в Освенциме производили для убийства советских граждан взрывчатку, синтетический бензин и каучук, шведы добывали руду и поставляли немцам комплектующие для боевой техники (к примеру, подшипники), норвежцы снабжали гитлеровцев морепродуктами, датчане — маслом...

Короче, вся Европа старалась как могла. И старалась она не только на трудовом фронте. Лишь элитные войска фашистской Германии — войска СС — приняли в свои ряды 400 тыс. добровольцев из других стран, а всего в гитлеровскую армию их вступило со всей Европы 1 млн. 800 тысяч, сформировав 59 дивизий, 23 бригады и несколько национальных полков и легионов. Самые элитные из этих дивизий имели не номера, а собственные имена, указывающие на национальное происхождение: «Валония», «Галичина», «Богемия и Мо-

---

равия», «Викинг», «Денемарк», «Гембез», «Лангемарк», «Нордланд», «Нидерланды», «Шарлемань» и др.

Европейцы служили добровольцами не только в национальных, но и в немецких дивизиях. Так, скажем, элитная немецкая дивизия «Великая Германия», казалось бы, хотя бы из-за названия она должна была комплектоваться только немцами. Тем не менее служивший в ней француз Ги Сайер вспоминает, что накануне Курской битвы в его пехотном отделении из 11 человек немцев было 9, а кроме него, плохо понимал немецкий язык еще и чех. И все это помимо официальных союзников Германии, чьи армии плечом к плечу жгли и грабили Советский Союз, — итальянцев, румын, венгров, финнов, хорватов, словаков, правда, помимо болгар, которые в это время жгли и грабили партизанскую Сербию. Даже официально нейтральные испанцы прислали под Ленинград свою «Голубую дивизию»!

Кстати сказать, представленный здесь список не отражает истинного количественного и национального состава пленных. Прежде всего в нём не представлены наши отечественные предатели, которые служили немцам, — от бандеровцев до власовцев.

Не числятся в списках военнопленных и крымские татары, штурмовавшие для Манштейна Севастополь, калмыки и т.п. Не числятся эстонцы, латыши и литовцы, имевшие в составе гитлеровских войск свои национальные дивизии, но считавшиеся советскими гражданами и отсидевшие в связи с этим свои мизерные сроки в лагерях ГУЛАГа, а не в лагерях ГУПВИ (ГУЛАГ — главное управление лагерей — занимался содержанием преступников, а ГУПВИ — главное управление по делам военнопленных и интернированных — пленными.) Между тем, даже в ГУПВИ попадали не все пленные, поскольку это управление подсчитывало только тех, кто попадал к нему в тыловые лагеря из фронтовых пересылочных пунктов. Но с 1943 года в СССР начали формироваться национальные дивизии поляков, чехов, румын для борьбы с немцами. И пленных этих национальностей направляли не в ГУПВИ, а сразу в пункты комплектования таких соединений — воевали вместе с немцами, пусть повоюют и против них! Таких, между прочим, было 600 тыс. Даже де Голлю в его армию было послано 1500 плененных французов.

Перед началом войны с СССР Гитлер обратился к европейцам с призывом к крестовому походу против большевизма. Вот как на него откликнулись (данные на июнь—октябрь 1941 года, в которых не учитываются огромные воинские контингенты Италии, Венгрии, Румынии и других союзни-

---

ков Гитлера). Из испанских добровольцев (18 000 человек) в вермахте была сформирована 250-я пехотная дивизия. В июле личный состав принял присягу Гитлеру и отбыл на советско-германский фронт. В течение сентября-октября 1941 года из французских добровольцев (примерно 3000 человек) был сформирован 638-й пехотный полк. В октябре полк был направлен под Смоленск, а затем под Москву. Из бельгийцев в июле 1941 года был сформирован 373-й Валонский батальон (примерно 850 человек), переданный в подчинение 97-й пехотной дивизии 17-й армии вермахта. Из хорватских добровольцев были сформированы 369-й пехотный полк вермахта и Хорватский легион в составе итальянских войск. Примерно 2000 шведов записалось добровольцами в Финляндию. Из них приблизительно 850 человек участвовали в боевых действиях под Ханко, в составе шведского добровольческого батальона. К концу июня 1941 года 294 норвежца уже служили в полку СС «Нордланд». После начала войны с СССР в Норвегии был создан добровольческий легион «Норвегия» (1200 человек). После принятия присяги Гитлеру он был послан под Ленинград. К концу июня 1941 года в дивизии СС «Викинг» было 216 датчан, а также начал формироваться датский «Добровольческий корпус».

Особняком в пособничестве фашизму стоят наши польские «пановья». Сразу же после завершения германо-польской войны с идеей создания польской армии, сражающейся на стороне Германии, выступил польский националист Владислав Гизберт-Студницкий. Им был разработан проект построения польского 12—15-миллионного прогерманского государства. Гизберт-Студницкий предложил план отправки польских войск на восточный фронт. Позже идею о польско-германском союзе и 35-тысячной польской армии поддержала организация «Меч и Плуг», связанная с «Армией Крайовой».

В первые месяцы войны против СССР польские военнослужащие в фашистской армии имели так называемый статус NiWi (добровольные помощники). Позже Гитлером было дано особое разрешение на службу поляков в вермахте. После этого в отношении поляков категорически запретили употреблять название NiWi, поскольку к ним фашисты относились как к полноценным солдатам. Волонтером мог стать каждый поляк в возрасте от 16 до 50 лет, необходимо только было пройти предварительный медицинский осмотр. Поляков призывали наряду с другими европейскими нациями встать «на защиту западной цивилизации от советского варварства». Вот цитата из фашистской листовки на польском

языке: «Немецкие вооруженные силы возглавляют решающую борьбу за защиту Европы от большевизма. Любой честный помощник в этой борьбе будет встречен как соратник». Текст присяги польских солдат гласил: «Клянусь перед Богом этой священной клятвой, что в борьбе за будущее Европы в рядах немецкого вермахта я буду абсолютно послушным верховному командующему Адольфу Гитлеру, и как смелый солдат я готов в любое время посвятить силы для выполнения этой присяги».

Поразительно то, что даже самый строгий блюститель арийского генофонда Гиммлер разрешил формировать из поляков подразделения СС. Первой ласточкой был Горальский легион Ваффен-СС. Горалы — это этническая группа внутри польской нации. В 1942 году фашисты создали горальский комитет в Закопане. Был назначен «Goralenfehreg» Вацлав Кржептовский. Он и его ближайшее окружение совершили ряд поездок по городам и деревням, призывая их к борьбе со злейшим врагом цивилизации — «жидо-большевизмом». Было принято решение о создании горальского добровольческого легиона Ваффен-СС, приспособленного для действий в гористой местности. Кржептовскому удалось собрать 410 горцев. Но после медицинского осмотра в органах СС осталось 300 человек.

Другой польский легион СС был сформирован в середине июля 1944 года. В него вступили 1500 добровольцев польской национальности. В октябре легион базировался в Жехуве, в декабре — около Томашува. В январе 1945 года легион разделили на две группы (1-я лейтенанта Мачника, 2-я лейтенанта Эрлинга) и направили для участия в антипартизанских операциях в Тухольских лесах. В феврале обе группы были уничтожены Советской армией.

Президент Академии военных наук, генерал армии Махмут Гареев дал такую оценку участия ряда европейских стран в борьбе с фашизмом: «В годы войны против нас воевала вся Европа. Триста пятьдесят миллионов человек, вне зависимости от того, сражались они с оружием в руках или стояли у станка, производя оружие для вермахта, делали одно дело. За время Второй мировой войны погибло двадцать тысяч членов французского Сопротивления. А против нас сражалось двести тысяч французов. Мы также взяли в плен шестьдесят тысяч поляков. За Гитлера против СССР сражалось два миллиона европейских добровольцев».

«В этой связи по меньшей мере странно выглядит приглашение военнослужащих ряда стран НАТО принять участие в параде на Красной площади в честь 65-летия Великой Побе-

---

ды, — считает член Международной ассоциации историков Второй мировой войны, профессор Военной гуманитарной академии полковник Юрий Рубцов. — Это оскорбляет память наших защитников Отечества, погибших от рук многочисленных «европейских друзей Гитлера».

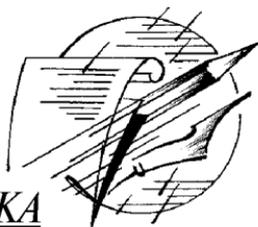
Итак, в годы Второй мировой войны против Советского Союза, имевшего первоначальную численность населения чуть более 190 млн. человек, воевала европейская коалиция численностью более 400 млн. человек, и когда мы были не россиянами, а советскими гражданами, мы эту коалицию разгромили.

Сайт «Русская сила»

ОККУПАЦИЯ

Прежде всего стоит подвести итоги российского невмешательства в украинские дела. К таковым я, разумеется, не отношу ДНР и ЛНР, которые защитили свой суверенитет от марионеточного киевского режима. Именно последовательное и принципиальное невмешательство во внутренние дела Украины развязало руки американским спецслужбам и западным агентам влияния, которые руками выращенных ими же неонацистов совершили разгром Русского мира в Малороссии, Новороссии и Карпатороссии. Стоило «русскому медведю» повести хотя бы бровью, неонацистский сброд и их олигархические хозяева немедленно поджали бы хвост в страхе перед общенародным восстанием 20 миллионов проживающих на Украине русских людей. И не было бы тогда ни бомбёжек Донецка, ни массовых убийств жителей Донбасса, ни раскола Церкви.

Масштаб этого разгрома не меньше, чем учинённый гитлеровцами в 1941—1944 годах. По оценкам экспертов Института экономики РАН, экономические потери из-за разрыва коопера-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

онных связей между российскими и украинскими предприятиями и прекращения торговли составляет от 80 до 140 млрд. долларов для каждой из сторон. В сумме для Русского мира — не менее 200 млрд. долларов. Обесценение совместных инвестиций — около 50 млрд. долларов. Людские потери оцениваются убитыми и покалеченными вследствие карательных операций — не менее 100 тыс. человек с обеих сторон. Ещё столько же — жертв политических репрессий. Не менее 10 млн. человек вынуждены были покинуть оккупированную проамериканскими неонацистами Украину. И это лучшие её граждане: инженеры, учёные, врачи — продуктивная элита народа. И его генофонд — прекрасные девчата и крепкие хлопцы, используемые сегодня в качестве рабов в Евросоюзе. А те, кто за них сделал «европейский выбор», захватили институты государственной власти, скакнув из необразованных гопников в «вельможные паны»: депутаты Верховной рады, руководители госпредприятий и силовых структур наживаются на разграблении оставшегося «державного майна». Наконец, идеологические потери. То, что не удалось сделать силой немецким фашистам, пытавшимся превратить народ оккупированной Украины в бандеровцев, американские кураторы сумели сделать путём промывания мозгов, превратив сотни тысяч украинских ребят в обезумевшее пушечное мясо, добровольно записывающееся в ВСУ для убийства своих же братьев.

Главный вывод: Русский мир понёс катастрофические потери, сдав почти без боя геополитическим противникам свою существенную и, не побоюсь сказать, по многим признакам (от климата до научно-технического потенциала) наилучшую часть. Пятилетняя оккупация Украины американскими спецслужбами под прикрытием марионеточного режима Порошенко стала завершающим этапом системной работы, которую они вели четверть века при попустительстве России. Нет сомнений, что вдохновлённые этим успехом, они используют захваченный в историческом центре Русского мира плацдарм для его дальнейшего разгрома. Я думаю, уже в ближайшее время следует ожидать переноса майданных технологий в крупные российские города, а также усиления американского давления на государства Евразийского экономического союза. Первые результаты усиления этого давления уже налицо: например, смена кириллицы на латиницу в Казахстане, которая призвана отсечь от Русского мира второе по площади и экономическому потенциалу после Украины постсоветское государство.

Ещё раз подчеркну, что оккупация Украины русофобскими силами стала возможной только вследствие нашего попустительства. Мы не только принципиально не вмешались и не пытались противодействовать геноциду русского населения Украины, но и фактически подыгрывали преступлениям киевского режима — признавая Порошенко президентом, а узурпировавшую власть Верховную раду — парламентом. Некоторые наши СМИ интерпретировали действия этих преступников как политику легитимных властей Украины, не отдавая себе отчёта в том, что эта политика велась по указанию американских спецслужб вопреки воле и интересам подавляющей части народа. Тем самым в российском обществе провоцировались антиукраинские настроения, продолжающие дело необандеровцев. Вместо того чтобы помочь народу Украины развернуть освободительное движение против узурпировавших власть американских марионеток, мы «повелись» на их провокации, многократно ухудшив положение русского населения Украины. В ответ на антироссийские действия контролируемых США киевских властей мы вводили санкции против всей Украины, не понимая, что они бьют прежде всего по ориентированному на Россию населению южных и восточных областей «незалежной». Достаточно взглянуть на список попавших под российские санкции предприятий и граждан Украины, среди которых оказалось немало наших партнёров и союзников.

Сами по себе выборы нового президента Украины ситуацию не меняют. Вспомните, на оккупированных гитлеровскими фашистами территориях, включая Украину, тоже проводились выборы. Население «избирало» бургомистров, сельских старост. А в оккупированной западной и центральной Европе сохранялись даже национальные органы государственной власти. Очевидно, что в первой тройке кандидатов, набравших большинство голосов в первом туре президентских «выборов», не было ни одного кандидата, не присягнувшего на верность американским оккупационным властям.

Есть, конечно, нюансы, связанные с неоднородностью интересов западных «кукловодов». Возможно, ставка на Зеленского, сделанная задолго до этих выборов, связана с общим креном администрации Трампа в сторону крайне правых сил в Израиле. Вероятно, они поставят перед обновлённым киевским режимом новые задачи. Я не исключаю, например, возможности массового переезда на «зачищенные» от русского населения земли Юго-Востока

Украины уставших от перманентной войны на Ближнем Востоке жителей Земли обетованной — так же, как бегущих из исламизирующейся Европы христиан. Это, кстати, в этом регионе уже было при Екатерине, основавшей родной для новых киевских руководителей город. Так что выдача украинцам российских паспортов может оказаться весьма кстати...

Могут быть и другие сценарии — в зависимости от расклада сил и интересов в западной политической, деловой и идеологической элите. Инвариантным останется русофобский характер оккупационных властей, своевременно меняющих одних марионеток на других. Порошенко своей радикально русофобской политикой противопоставил себя подавляющему большинству граждан Украины, о чём наглядно свидетельствуют результаты голосования во втором туре выборов. На продолжение этого безумия украинское общество могло ответить бунтом. Сейчас Западу нужно стабилизировать социально-политическую ситуацию с целью закрепления полученных результатов разгрома этой части Русского мира. Как говорится, мавр сделал своё дело — разрубил сердце Русского мира, разорвав гуманитарные, хозяйственные, религиозные узы, соединяющие Россию с Малороссией, Новороссией и Карпатороссией. Теперь мавр может уходить, предоставив своему преемнику закрепить и легитимизировать этот раскол. Преемник тут же подтвердил эту миссию, заявив, что у Украины с Россией осталась общей только граница.

Так что пока нет никаких оснований ожидать существенных перемен: американский оккупационный режим с марионеточным правительством сохранится и, скорее всего, укрепится, приобретая легитимный и respectable характер. Зеленского ничего не связывает с явными преступниками, которые узурпировали власть в результате госпереворота в 2014 году. На нём нет крови невинных жертв неонацистского режима, хотя его партнёры организовывали и массовое сожжение людей в Одессе, и карательные батальоны на Донбассе. Он, скорее всего, дистанцируется от них и при необходимости даже может сдать их международному трибуналу, если захочет пойти на второй президентский срок. У него есть уникальный шанс очистить органы государственной власти от бандитов, коррупционеров и помешанных на русофобии придурков. Попытайтесь «привнести» не только писсуары и гей-парады на улицах столицы, но и более привлекательные стороны «европейского выбора». Но делаться это будет силами западных хозяев. Они будут приватизировать украин-

---

ские земли, скупать заводы, консультировать органы государственной власти, направлять СМИ, руководить культурой и образованием. В отношении России, возможно, будет сохраняться изоляция, а недовольным русским людям будет предоставлена возможность получить российский паспорт и покинуть свою землю.

В военной стратегии самое страшное — это недооценка противника. Зеленский, несомненно, талантливый, умный, циничный и расчётливый политик. В ближайшие пару лет он будет стабилизировать ситуацию, помогая врагам Русского мира удержать достигнутые в геноциде русских на Украине результаты. И сам геноцид проголосовавших за Зеленского избирателей Юго-Востока Украины продолжится.

Но может случиться и чудо. Ведь изначально некоторые из взорвавших Российскую империю большевиков были не меньшими русофобами, чем поставленные американцами княжить в Киеве марионетки. Троцкий превратил русский народ в пушечное мясо и топливо для разжигания мировой революции. Но произошло преобразование власти — из Джугашвили вырос Сталин, который в 1945 году благодарил русский народ за одержанную над европейским фашизмом Великую Победу. Но наш народ выстрадал это чудо ценой огромного количества жертв, лишений, экстремального напряжения всех духовных, творческих и физических сил.

Как и предупреждал Достоевский, бесы раздули в России пожар мировой революции, в котором, с учётом трёх войн, голода и разрухи, русский народ «потерял 100 миллионов голов». Сегодня бесы сталкивают между собой две части русского народа. Если мы и дальше будем попустительствовать этой бесовщине, ежедневно позволяя чертям всех мастей сталкивать нас между собой, то потеряем ещё 100 миллионов. Останется как раз 50 миллионов — оптимальное, с точки зрения многих влиятельных лидеров западного мира от Гитлера до Олбрайт, количество русских для обслуживания интересов западного капитала.

Чтобы предотвратить разгром Русского мира, мы должны осознать своё неразрывное единство с той частью русского народа, который сегодня безмерно страдает от притеснений на Украине. Преступления, ежедневно совершаемые американскими марионетками в Киеве, — это преступления против нас. Мы несём ответственность за судьбу миллионов русских людей, ставших жертвами геноцида со стороны выращенных спецслужбами государств НАТО необандеровцев.

Оккупация Украины — это военная операция, проведённая США и их союзниками против России. В этой гибридной мировой войне ставки столь же высоки, как и в мировых войнах прошлого века. В своей русофобии американские политики мало чем отличаются от гитлеровских стратегов. Методы они используют другие, соответствующие современным технологиям манипулирования сознанием, финансовыми рынками, политической ситуацией. Не нужно истреблять миллионы людей, если их можно подчинить «мягкой силой» и заставить вести себя должным образом вопреки собственным интересам. Мы не должны обольщаться видимостью благоприятных перемен в поведении врага. Нам нужно проводить системную политику освобождения Украины от русофобствующего неонацистского режима в интересах её собственного народа. Понятную, легитимную, открытую, последовательную и честную*.

«Завтра», 6 мая 2019

---

* Прошло три месяца со дня первой публикации статьи С. Глазьева, но она осталась не менее актуальной и не менее справедливой. — Ред.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ПРАЗДНИК ЖИЗНИ

На выезде из села, у моста через тихую речушку, открылась забегаловка «Надежда». Место здесь оживлённое, хорошее — мимо единственного моста никому не пройти. Окна вечерами заманчиво светятся, приглашают, и железные двери на пружинах то и дело лязгают обеими створками, словно челюсти фантастического насекомого: зазевался — хват! — поглотило кого-то насекомое и переваривает.

В ночь с шестого на седьмое января, в самое Рождество, в пустом родительском доме тосковал одинокий отставной майор военно-воздушных сил Филиппыч. Выйдя на пенсию, он решил, наконец, вернуться на свою родину и поселиться в отчем доме, где печь. Родители умерли, детей нет, брат остался дослуживать в Таджикистане. А жена кого-то себе завела и сбежала, как только поняла, что её муж-пенсионер, кроме как гонять на штурмовиках, ничего не умеет в жизни делать.

Филиппыч с дороги бродил по селу, тешась воспоминаниями былой счастливой юности, которые живут здесь в каждом закоулке, в каждом овраге. Селяне подозрительно коси-

ПРОЗА

лись на незнакомого человека с чемоданом, на его бушлат цвета пасмурного неба. Филиппыч не встретил ни одного знакомого лица. Село изменилось. Дома окривели, стали ниже, люди — старше. Даже церковь, где они мальцами курили, прячась от одноногого школьного директора, изменилась: там, где прежде на кирпичных сводах зеленели заросли клёна, теперь оцинкованная крыша. Вокруг храма — забор.

Филиппыч хотел было зайти внутрь, посмотреть, целы ли фрески, которые он так любил разглядывать в детстве, но постеснялся. А любопытно было бы. Там, на западной стене тогда ещё просматривались страшные серые черти — «ефиопы», как называла их покойная мать. Они мучили грешников. Кого заставляли лизать красную, раскаленную сковородку греховным языком, кого варили в большом казане. А некоторых, особенных, испытывали нестерпимым холодом. Те, помнится, будто бы в самом деле коченели, дрожали и поджимали тощие ноги, словно воробьи, от бесплодного желания согреться. Эту часть ада старушки называли «тартар». Жуть, как там холодно.

Майор добрёл до своего дома, забрал у соседки ключи, протопил печь и немного вздремнул. Когда проснулся, врубил телевизор в надежде развлечься, а там, как назло, ничего интересного — Патриаршая служба. Попы снуют взад-вперед, поют что-то. Тоска...

Лётчик выключил телевизор, посмотрел на часы — без пяти двенадцать. Высунулся с крыльца — мороз! Узкий-узкий умытый месяц сидит на соседской антенне. Церковь вовсю трезвонит. Зима тихо едет над кроткими хатами. По окрестным полям рассыпались бриллианты, переливаются. Тихий праздник на всей планете, и звёзды, звёзды... Сплошные звёзды!

Филиппыч снял с печки свои армейские ботинки, надел бушлат и в раздумье, чем бы заняться, вышел на улицу.

— Куда бы податься? Друзей — никого. На дворе Рождество, нужно бы отметить, а где? Не в церкви же, в самом деле.

Тут Филиппыч вспомнил о новом кабаке, который увидел днём у моста, когда гулял. В кармане у молодого пенсионера пока еще шуршало...

Когда за спиной майора лягнули железные челюсти «Надежды», ему почудилось веселье: пошлый свет озарял столики, за которыми не было свободных мест. Воздуха, кажется, тоже не было — в плотный сизый дым вросла облезлая ёлка. Он разглядел в дыму стойку и уселся. Рыжий труженик бара долго пристально всматривался в лицо Филиппыча. Наконец выдавил:

— Воробей? Ты, что ли?

Ух!.. Запахло почти забытым, ведь это его — Филиппыча — дразнили в детстве «воробьем».

— Рыжий?.. Рыжий!!!

— Воробей! — и давние приятели кинулись обниматься.

— Мужики! — заорал Рыжий, — Мужики! Воробей приехал!

Из-за ближнего хромого столика выскочили три небритых мужика, упакованных в рваные фуфайки.

— Воробей!

— Гусь! Славка! Бабуин! — Филиппыч узнал своих одноклассников, — с Рождеством вас, пацаны!

— С Рождеством! С приездом! Четверть века не видались!

За липким столиком для Филиппыча нашлось лучшее место. Он зашуршал в бумажнике. Магнитофон заблажил про лесоповал, и друзья чокнулись:

— За Рождество!

— За Рождество! Святое дело!

Потом гремели тосты «за встречу», «за баб», «за дружбу», «за родителей» и еще какие-то... Много всяких. Когда водки от души наелись, Рыжий принес по кружечке пивка. Выпили за «доблестные военно-воздушные силы!». Опрокинув кружку, Филиппыч вскочил и заорал в потолок:

— Становись! Р-равняйся!

Потом, обратился к двоящимся друзьям:

— А вы хоть в армии-то б-были? Вы хоть знаете, что это, а?

Я вот пробегаю утром по плацу, солдатики стоят. Я им: «Р-равняйся!» — Филиппыч козырнул, — а они только мэ-мэ-мэ. «Да я вас всех!!!» — говорю, а что с них возьмешь, с таджиков?

— С таджиков?

— Так точно!

Пьяный Филиппыч держался за стол и орал так, что в кабке посматривали на него с опаской. Когда он повёл, перекрикивая магнитофон, о том, какво жарко в тех местах, где он служил, то стало вдруг и впрямь жарко. Он решил снять ботинки. Отцепившись от залапанного стола, Филиппыч рухнул. Он возился лёжа, развязывал шнурки. Когда его наконец подняли и усадили, Рыжий принес еще по кружке пива. Пить Филиппычу очень хотелось. Влив кружку в глотку, он закурил, а его левая рука сама намотала шнурки от ботинок на запястье правой...

...Гомон повис в дыму, мысли спутались. Где-то рядом грохнулся о кафель и разлетелся повсюду стакан. Стены текли. Где-то в липком мареве братались, уважали друг друга, всхлипывали невидимые люди. Где-то хохотали, орал. Торчала в дыму чужая серая ёлка. Под чужим потолком надрывался блатной магнитофон. Одиночество смотрело на бывшего лёт-

---

чика из пьяного пространства — сидит в гомоне тихое-тихое и пялит зелёные очи...

...Постепенно Филиппыч перестал понимать, кто он и где находится, кто с ним рядом. Навалилась тоска по детству, по друзьям. Не по этим хитрым пропитым рожам, плывущим напротив, а по тем искренним Славке, Гусю, Рыжему, Бабуину, с которыми он любил мечтать, любил прятаться в разрушенной церкви и, покуривая тыренный у отца «Север», разглядывать фрески про грешников и «ефиопов»...

Вдруг в голове Филиппыча заискрило и щёлкнуло — включился застарелый войсковой рефлекс. Он вскочил и заорал:

— Становись! А ну, узкоглазые, р-равняйся! — машинально взял «под козырек», и ботинки, привязанные к запястью, больно отоварили пьяного Гуся.

— Шшшшалава! — зашипел Гусь.

— Это кто тут «узкоглазые»?! — просипел Бабуин. А Славка ничего не сказал — просто встал, развернулся и треснул Воробья, хотя и пил целую ночь на его счёт. Прибежал Рыжий:

— Мужики, вы чего, эй! Сегодня в деревне ППС дежурит...

— Рыжая морда! — выдохнул Славка и засветил бармену в ухо.

Началась недобрая вязкая трескучая драка. Всё завертелось, побежало, споткнулось, опрокинулось... И погасло.

Потом грустный и мертвецки пьяный Филиппыч брел куда-то по большаку. Его разбитое лицо упиралось подбородком в грудь. В душе разлеглась пустота. Босые ступни обжигал ледяной накат. Бушлат остался где-то в «Надежде», и было очень холодно. Знобило, зубы то и дело начинали стучать. Слышалось, как в церкви звонят — там тоже встретили Рождество. Филиппыч приоткрыл левый глаз и увидел, как медленно поднимается перед ним дорога. Вот накат всё ближе и ближе. Когда дорога стукнула его и расквасила нос, он попытался её оттолкнуть. На секунду ему это удалось, но потом дорога поднялась так стремительно, что он не успел даже закрыться. После ледяного удара по лбу в голове Филиппыча загудело. Рыжие воробьи зашипели гусями в оба уха, перед глазами понеслись лица друзей. Тех друзей, настоящих. Живых и погибших, сбитых над «горячими точками» — родные лица. Вот и лицо покойной матери. «Это всё ефиопы, — объясняет она, — а там, — указывает, — грешники мерзнут, не могут согреться. Это тартар».

Да... Тартар...

Вдруг Филиппыч догадался, почему его знобит! Он протрезвел:

— Это же тартар, вот меня и морозит! Я же помер! Это, наверное, когда меня табуретом... Ох ты, Господи! А где же ефиопы?.. Мамочка! Ага, вот и они!

Медленно приближаются двое, метут хвостами, печатают копытами лёд.

Волосы зашевелились, глаза раскрылись в ночь, зубы заклацали сильнее. Даже на войне было не так страшно.

Филиппыч лёжа перекрестился — вспомнил, как в детстве умел. Встряхнулся, отставил панику, собрал мысли:

— Сдаваться без боя нас не учили.

Двое всё ближе... Мрачные, серые, как на фреске. Филиппыч изготовился:

— Пусть эти твари подойдут поближе, я их...

Когда два серых силуэта склонились к Филиппычу, он сунул одному кулаком в мохнатое рыло — промахнулся, а другого угостил увесистыми лёгкими ботами, привязанными к правой руке, прямо по рогам огрел, шапку сбил.

— О, наш клиент! — обрадовался один, — А ты всё «труп, труп!» — А другой, который получил армейской обувью, молча снял с ремня наручники и обидчика зафиксировал. Подъехал «бобик», и двое патрульных поволокли Филиппыча к нему.

— Куда вы меня тащите?! Не хочу-у!..

Даже там, над горами, когда его машину потрянуло, потянуло вниз, кабина заполнилась дымом и штурман обвис на ремнях, было не так жутко.

— Не хочу в тартар, не надо! Господи! Прости меня, грешного! Я исправлюсь! Не хочу-у-у! Не надо-о-о! Пожалуйста-а!..

В «бобике» уже ждали побитые Гусь, Бабуин и Славка.

— И вас в тартар, тоже? — спросил их Филиппыч.

— В какой ещё тартар-шмартар? — прошипел обеззубленный Гусь, — В ментовку в район! На шамое Рождество! У людей праздник...

Славка поддакнул:

— Ага, ничего святого, падла! — сплюнул, — Эй, вы, гады! Свободу!

— Это... Это... Значит, я жив?

Трясаясь в зарешённом «бобике», Филиппыч ликовал. Какая же она, оказывается, хорошая — жизнь! И как раньше это не замечалось? Ощущал себя явившимся на празднике, где всякому рады. И откуда-то в голове такое, будто кто-то свой ласково успокаивает: «Вот наконец и ты! Ну, проходи, живи с нами. Много всякого было, но только будет же и Святое утро, знаешь?» Филиппыч подозревал, что это — родился Бог.

— Ведь хорошо же, а? Живём, братцы!.. Живё-о-ом!

«Братцы» переглядывались, крутили у виска. Милиция приказывала заткнуться. Но Филиппыча невозможно заткнуть — всё окружающее удивляет, радует. Жизнь!..

— Когда отпустят, пойду каяться. Я вспомню, как.

Собутыльщики не поняли:

— Ш можгами-то в порядке?

— Так точно! — кивнул им Филиппыч. — Было не в порядке, да прошло.

Те отвернули головы, насколько могли...

В отсеке «уазика» тесно — ни повернуться, нидохнуть. Воняет бензином. Скачет козлом по ухабам милицейская машина — прыгает за решёткой удаляющееся село. А по окрестным полям рассыпались и мерцают драгоценные бриллианты. Всё в бриллиантовом блеске, вся бескрайняя земля сплошь в драгоценных россыпях! Скоро рассвет. Скачет за машиной месяц по лесным верхушкам. И звёзды, звёзды... Сплошные звёзды!

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ

Домовитых на селе уважают, потому и зовут их исключительно по имени-отчеству. Это в глаза. А вот как кличут подобных мужиков за их спинами, это от одного народного таланта зависит.

Ивана Сергеевича величали за глаза просто и без фантазии — Куркуль. Зато в лицо обращались уважительно — Иван Сергев, на местный манер так выходило.

При советской власти он, как и его соседи-односельчане, работал слесарем на заводе в райцентре. Соседи с полочки расслаблялись, а Иван Сергев — нет. Он спешил домой и непременно прихватывал с работы всякий непотребный сор — то пару-тройку электродов, то моток проволоки, то гайку. «В хозяйстве всё годится, нечего тут добру ржаветь». Когда пришла пора идти на пенсию, от подобного «добра» у него ломился чердак и лопался сарай. Его одноклассники-пенсионеры, старея, как один ударялись в рыбалку, а Иван Сергев глупостями не страдал: он варил по дворам угольные котлы и монтировал отопление. Работал не торопясь, благоговейно, будто священнодействуя. Сдавая работу, степенно кланялся, по три раза пересчитывал гонорар и прятал его в мешочек, что болтался на шее под одеждой. Прощаясь, желал хозяевам жить и богатеть. Он не отказывался, если просили сработать в долг. А потом, каждый вечер навещал должника. Будто просто так. Придёт покурить по-соседски, про погоду что-нибудь скажет, усядется у калитки с хозяевами и кряхтит. Так и ходит, пока должника от этих визитов не затошнит. Тогда уж несчастный займёт-перезаймёт, вывернется весь, но с Куркульём рассчитается.

Самодельные котлы в первую же зиму закипали и раздувались, батареи начинали течь. Тогда Иван Сергев подряжался это хозяйство ремонтировать. А что делать? Других спецов по этой части в селе всё равно не водилось.

Жил Иван Сергев с дочерью и внуком. Когда внук пошёл в школу, дочка решила записать его и на музыку тоже. Иван Сергев узнал, во сколько станет ему внукова музыкалка, и похолодел. Но потом кое-что подсчитал и согласился. Согласился, правда с условием, что внук непременно пойдёт по баяну. «Вырастет, на свадьбы станет наниматься. Баянист всегда деньгу зашибёт. И руки притом чистые». Внука в музыкалку не взяли, слуха не обнаружили. Иван Сергев узнал, что внук не заколотит барыша, и затужил. Но потом вспомнил, сколько кровных могло бы утечь на внуково обучение, и успокоился. Если б Ивана Сергева в последние двадцать лет кто-нибудь звал погулять на свадьбе, он бы знал, что в нынешний век компьютеров профессия свадебного баяниста навсегда умерла.

Так бы и жил, добра наживал слесарь-самородок, если бы в одну нехорошую весну в село не пришла жуткая беда под названием «газификация». По кривым сельским улочкам потянулись жёлтые трубы. Это был конец. Угольные котлы всё лето массово сдавались скупщикам лома, и знаменитый котельный кулибин оказался в пролёте. Иван Сергев тужил всё лето, и как жить дальше, ему не представлялось...

Как-то вечером он тосковал на лавочке возле двора. По селу несло дым — соседи палили ботву, вырыли картошку. Дочь пропадала на работе, внук где-то отирался. Иван Сергев глядел на остывающий сентябрьский закат, курил и вздыхал. С дальнего поля долетало ворчанье трактора — заезжий фермер осваивал заброшенные местные угодья. Возле бывшего котельного мастера затормозил на велике кум:

— Здорово, Сергев!

— И тебе не хворать. Далеко ли, на ночь?

— Да вон, слышу, пашут. Дай, думаю, доеду до тракториста, может, согласится огород вспахать. — Кум уложил велосипед, примостился на лавочке рядом, — У меня ж сорок соток. То дети из города наезжали, лопатили, а нынче что-то хитрят: «заняты», говорят. Ага.

— Конечно заняты. И я б тоже на их месте занятым прикинулся... Хех — сорок соток под лопату!

— Ну ты-то понятно, — ухмыльнулся кум. — А положи б тебе, скажем, по тыще за сотку?

— По тыще... Кто ж по тыще положит? Ты, что ли? По тыще ты и сам бы...

— Да вот. Ты не знаешь, почём нынче берут, чтоб трактором? Прошлый год, говорили, будто по три червонца?

— Не знаю.

— Ладно, как-нибудь договорюсь. Помнишь, как раньше — за магар. Что вот за магарыч бы не вспахать, а? Что им всем сделалось? Упёрлись все в эти червонцы! Ещё сват звонил, просил за его огород тоже спросить. Ладно, поеду.

— Давай. Кати.

Кум укатил. А Иван Сергев от нечего делать принялся умножать три червонца на сорок кумовых соток. Получалось не то, как за котёл, маловато. Потом вычел из результата стоимость солярки и расходы на амортизацию. Вышло уже совсем жиденько. Зато, когда умножил жиденский результат на количество огородов сперва на своей улице, потом на улице Ленина, прибавил огороды в Кривом переулке, на Ершовке и за Маминым оврагом, даже присвистнул. Трясущимися руками достал «Приму», закурил.

— Вот это ж какие деньжищи загребёт тракторист!

Солнце село, ветерок стих, дым с огородов придавило книзу, и глаза зашипало. Зависть изнутри больно торкала в рёбра, стучала в виски. В сумерках кум скрипел на своём раздолбанном велике обратно. Иван Сергев слышал, как он бросил кому-то через забор, что не договорился, и ещё добавил что-то склизкое про морду тракториста. Дочь вернулась с работы, прибежал внук. Иван Сергев докурил и отправился в хату. Ужинать не стал, прошёл сразу в свою комнатушку, поднял матрац, достал жестяную коробочку и долго пересчитывал её содержимое. Ночью Иван Сергев ворочался, вздыхал. Несколько раз выходил покурить, спотыкался, хлопал дверь. Утром, чуть свет, Ивана Сергева видели на остановке, откуда автобусы идут в райцентр...

Бабье лето в тот год получилось таким, как полагается. Было всё: и кленовое золото на взлобке за оврагом, и паутинки в лицо, и запах грибов в пёстром лесу. Народ сносил в погреба картошку, палил ботву — тянуло горьковатым дымком. Как-то на закате кум выполз на лавочку, закурил, задумался. Бог его знает, отчего. Так уж само получается — если погожая осень, то вечерами обязательно думается. Осеннее обострение, так нынче говорят.

Солнце незаметно село. За оврагом, под гаснущими облаками почернел лес. По просёлку, что выбегает к селу из леса, запрыгал огонёк. Вот огонёк спускается в балку — пропадает. Снова выныривает, дрожит. Потом огонёк провалился в овраг, а когда вылез, кум услышал трактор. Спустил пять ми-

---

нут ржавый раздолбанный МТЗ въехал в улицу, прокоптил мимо кума, дохнул в лицо соляничным теплом, звонко протряс развинченным четырёхкорпусным плугом, встал возле двора Ивана Сергева, уронил плуг и заглох. Дверей нет, морда набекрень, крылья и стёкла отсутствуют. В сумерках куму показалось, что подобную технику он уже видал: это когда внуки гостили, показывали ему боевик про апокалипсис и восстание машин. Из кабины высунулся сапог Ивана Сергева, стал нащупывать подножку. Не нашёл подножки и убрался. Взамен сапога из кабины показался промазученный зад тракториста, и тот же сапог — пяткой вперёд. Кум подошёл, пособил спуститься, кивнул на сельхозтехнику:

— Это чево?

— Чево-чево! Сам не видишь? — Иван Сергев сиял.

— Твоё, что ли... это?

— Моё.

— Купил?

— Ээ... Понимаешь... По дешёвке, грех было отказаться.

— Грех, говоришь, отказаться? А я всё думаю-думаю, как эта марка называется... А это — «Грех»! — кум ткнул пальцем в трактор марки «Грех» и загоготал. Единственный подбитый глаз — фара — примотан проволокой, вместо подножки к раме приварен кусок арматурины, под двигателем по земле растекается масляная лужа, тонкая струйка масла из трещины в шланге орошает отполированные до сияния отвалы и полусъеденные лемеха. Кум засомневался:

— Ну, и что с этой развалиной делать? Он же... — кум не договорил. Раздался хлюп, и на пожухлую траву из радиатора пролился кипяток.

— Ладно, положим, представим, что в порядок ты это приведишь. Но объясни мне: зачем? От скуки?

— Ээ, бестолковый! Я ж для вас стараюсь!

— В смысле?

— Ну, охота тебе твои сорок соток лопатить, а? А тут — раз, и всё!

— Ага. Ты его сперва заведи.

— Щас! — Иван Сергев достал с пола кабины тросик, намотал на пускач, напружинился, рванул. Пускач чихнул, трос вырвался, ожёт трактористу руку и засвистел на крышу дома. Иван Сергев собрался за ним лезть, но только тут обнаружил, что на дворе совсем стемнело. Приобретая, богатея и заботясь, он не заметил, как прошёл короткий день позднего сентября.

Кум кивнул ему: «Ну-ну», — и пошёл домой.

Скоро проснулась луна. Она выглянула из-за разрушенной силосной башни, осмотрелась, медленно встала и засияла.

Кум бродил дома по комнате, маячил, выглядывал из-за шторы. В лунном сиянии старый МТЗ возле соседского двора казался мастодонтом. Он подозвал свою старуху взглянуть в окно:

— Гляди, чего наш Куркуль учудил.

Старуха увидала мастодонта, облитого зеленоватым лунным светом:

— Эт чего, никак трактор?

— Ага. Куркуль говорит, что пахать на ём будет. Хех!

— Ну и молодец он. Это ты, обормот, всё чего-то шоркаешься. Шоркаешься, шоркаешься... И чего шоркаешься, дери тебя? А Куркуль всегда свою копейку возьмёт.

— Эт как? По три червонца-то? Ну да, много он возьмёт.

— Много не много, а ты прикинь: у тебя, дурака, по три червонца, в Кривом по три червонца, на Ершовке, опять же... Охо-хо...

— Эх, ты, мать честная! — удивился кум. Он вдруг озадачился, остолбенел. Старухина математика тлеющим угольком свалилась за пазуху, прямо в душу упала. Ох...

Когда включил новости, так и не углядел, что же там в Сирии, решили бомбить или как. Что-то жаркое припекает рёбра изнутри.

Старуха погремела на кухне, позвенела посудой и отправилась спать...

Огни на улице погасли. За оврагом выбрехала свою заботу последняя бессонная дворняга, и село стихло.

Луна медленно плывёт на запад. Над кумовым лежаком потукивают ходики — тик-так, тик-так, тик-так. Кум ворочается, скрутил, ёрзая, жгутом свою заплатанную простыню. Вздыхает:

— Эт сколько ж Куркуль загребёт? Ты подумай! В Кривом, на Ершовке... А ещё ведь наша улица есть, улица Ленина, опять же. Ещё и за Маминым оврагом огороды имеются. Эх, ты, мать честная! Охо-хо...

Всю ночь кум выходил на крыльцо, курил, мозговал. Хлопал дверью, скрипел половицами — будил старуху, и та ворчала. Позвонил свату, поделился. Сонный сват выслушал его молча и послал. А тлеющий уголёк в душе разгорался в большой всепожирающий пожар, и с этим пожаром надо было непременно что-то делать.

Когда проорали третьи петухи и за окошком побелело, он таки выдумал, как объегорить Куркуля.

Мешкать было нельзя. Вот-вот совсем рассветёт, Иван Сергев выйдет к своему мастодонту, примется дёргать пуск-кач. Наверняка у него и масло имеется — заправит свой

металлолом. Чего доброго, этот хлам и правда заведётся. И тогда...

— Эх, ты, мать честная! Не дай Бог! — Кум натянул штаны, влез в галоши и решительно шагнул с крыльца. Просунулся в сарай, долго там гремел — искал в сумерках потребный инвентарь:

— Мешкать нельзя! Нельзя мешкать!

Наконец он обрёл инструмент, который искал...

С лопатой кум вышел на огород, поплевал на руки и вогнал её в борозду:

— Сорок соток по три червонца? На-ка! Хрен тебе мои денежки! Предприниматель!..

Медленно-медленно поднялось снулое сентябрьское солнце, насилу пробудилось и уж тогда только разлилось повсюду. Мир начинал просыпаться. Где-то мычала корова, гремел своей цепью Барбос, во дворах хлопали двери. Живописное осеннее утро растекалось по миру, лилось по всей вселенной. В перелесках к последнему теплу лезли сквозь золото, торопились опята.

Кум потел, торопился, кум скрипел жёлтыми зубами, налегал на лопату:

— Этот жук придёт наниматься, а я ему — кровопийце — шиш!

Ладони у кума горели, отнималась нога, а край огорода ни вот настолечко не приближался. Зато костёр в душе затухал, жар унимался...

А на Ершовке в это время, матерясь и охая, налегал на лопату сват.

НА СТРАЖЕ

В час, когда утренняя смена прошла на комбинат, а ночная ещё не выходила, на проходной делается тоскливо. Охранник Гена Мохов — бывший прапорщик — со своим напарником-стажёром потягивают чай и таращатся в окно. Чай чёрный, осень за окном жёлтая. Над рекой Белой факел нефтехимкомбината выдыхает в серое небо тяжёлое малиновое пламя. Все кроссворды в мире разгаданы, все анекдоты рассказаны. В такие минуты хочется чего-то такого... такого... Но ничего такого на происходит. Часы «Электроника» светят зелёной тоской, уборщица бабка Шура трёт окно проходной снаружи.

— Скучно, — вздыхает охранник Мохов, и стажёр тоже вздыхает.

Но вот в неурочный час скрипнула дверь, и к турникету направился невысокий человек. Нелепое пальто, дурацкая шляпа, тёмные очки и портфель развеселили Геннадия. Он подмигнул стажёру и преградил человеку путь:

— Куда?

Человек кивнул в сторону комбината:

— Туда, — и попытался пройти.

Гена растопырился:

— Пропуск!

Человек приподнял очки, взгляделся в охранника, промямлил:

— Мне надо, — и снова попытался продвинуться. Но Гена стоял скалой, и человек в эту скалу упёрся:

— Мне надо, пропустите!

— Хе! — усмехнулся страж, — И мне надо, — указал на стажёра: — И ему надо, хоть он и без шляпы. И той бабке за окном надо. И поэтому у нас есть пропуска. А у тебя есть пропуск?

Человек озадачился и полез в портфель. Он там рылся и всё бурчал: «Где же он, был же, куда же он...», — потом проверил карманы, но так ничего и не нашёл. Впрочем, в кармане нашёлся бумажник. Человек вынул купюру, протянул охраннику, но Геннадий покачал головой и указал человеку на дверь. Посетитель ещё больше озадачился:

— Ну-у! — оценивающе оглядел охранника и вышел. Гена высунулся следом и узрел, как потешный человек несёт свой портфель вдоль забора в сторону Четвёртой проходной.

Мохов обернулся к напарнику:

— Видал клоуна? На Четвёртую пошёл...

Бледный напарник дрожал, протягивал Геннадию свёрнутую валиком многотиражку, которой раньше били мух. Гена развернул валик и оторопел: с чёрно-белого оттиска, сквозь размазанных насекомых на бывшего прапорщика Мохова глядел этот самый человек. Правда без пальто, маскирующих очков и шляпы. И выглядел он здесь не забавно, потому что это был директор комбината, так гласила надпись. За окном, крестясь на трубу цеха «Полистирол», сокрушалась набожная бабка Шура, которая всё видела. Мурашки пробрались под униформу Геннадия, забегали по спине. Мурашки свербили под форменной бейсболкой, шекотали под ремнём, на котором болталась кобура с сигнальным пистолетом...

Мохов не признал собственного директора, хотя видел его на трибуне ДК, видел по телевизору в местных новостях, да мало ли где видел! Но, чтобы здесь, на рабочей проходной? Такого еще не бывало! Всевидящий глаз камеры пялился с потолка. Это был позор.

Вскоре повалила отломавшая своё ночная смена. Охранник Мохов возвращал труженикам пропуска, а сам страшился взглянуть в их лица. Вдруг они уже прослышали о его конфузе? Здесь, на комбинате, слухи расползаются быстро. Стажёр поник. Гена ждал, что вот-вот зазвонит телефон, его вызовут в отдел кадров, где пристыдят и уволят. Но телефон молчал.

Когда ночная смена погрузилась в вахтовки и убыла, к сторожам вошла погреться уборщица бабка Шура. В далёкие сороковые она этот комбинат строила: мобилизовалась из деревни, жила в палатке, месила бетон, потом — у станка. Так и прожила. Из уважения старушку-ветераншу на пенсию не списывали, но кроме тряпок ей давно уже ничего не доверяли. «Её вот никогда не уволят», — позавидовал Мохов.

Стажёр предложил бабушке чаю, высыпал на стол пряники. Налил чаю своему шефу, себе, сел на подоконник и принялся хлебать. Геннадий по привычке сразу набил пряниками рот, но аппетита не было. Старушка огляделась и не найдя образов, принялась креститься на монитор охранной системы.

— Баб Шур, ты видала, как я с директором? — спросил Мохов.

Уборщица кивнула.

— Рассуди по справедливости, я прав?

— По справедливости прав, — глядя в чашку согласилась бабушка, — Только не по-людски это. По-людски-то — поговорить бы, расспросить.

Геннадий оправдывался:

— Бабуль, у меня инструкция. Ты ведь тоже свои заповеди это? Того? Значит, тоже инструкцию соблюдаешь? Правильно?

Старушка поставила ополовиненную чашку и вздохнула:

— Правильно.

— Зачем тогда инструкция, если с каждым вошкаться? Правильно? — утешался Мохов, и бабка согласилась:

— Правильно. Только, когда б тебя самого, дубинушку, по инструкции да по справедливости погнали, тебе б не понравилось.

— Как это?

— А так. Вон у тебя написано «За курение штраф 1000». Ты раз пять-то уже с утра покурил? Выкладывай за все разы! Пожарники тебя в камеру видят и молчат. Потому что вникают — скучно тебе, вот и по-людски. А если каждый станет курить, комбинат полыхнёт, а с ним полгорода?

— Ерунда какая-то, — удивился Мохов бабушкиным познаниям и покосился на камеру. — Хотя что-то в этом есть...

— Есть, есть. Заставь дурака Богу молиться... К людям подход нужен.

Геннадий не ожидал от старушки таких речей, удивился и решил бабушу подразнить:

— Баб Шур, а это у вас ещё из деревни? Чтоб перед едой молиться, да?

— А как же, не молившись-то? — ответила старушка и отхлебнула из чашки.

— В глухомани что, все так?

— Молятся-то? — не поняла бабка, — Не, не все. Люди только.

Гена оторопел от бабкиной остроты. Он хотел было как-нибудь съязвить в ответ, принялся мычать, перебирать в уме шуточки про старух, но тут зазвонил телефон: Мохова вызывали к директору. Он заволновался, поправил кобуру и шагнул за дверь...

Уборщица допила и отправилась тереть окно. Стажёр ополоснул чашки, покосился на часы, уселся и развернул газету с начатым кроссвордом. По горизонтали спрашивалось про рыбу семейства карповых. Выходило, что начинается эта рыба на «к», а заканчивается на «ась». Стажёр наморщил лоб, принялся грызть карандаш, но на «к» из всех рыб вспоминалась только камбала и почему-то катаракта. «Эх, а шеф эту рыбу с наскака бы уделал!» Нефтехимкомбинат, как всегда, гудел и дымил...

Шло время, день угасал. Вот уже стажёр самостоятельно запустил ночную смену, скоро дневная потянется к выходу, а Мохова всё нет. Злосчастная рыба семейства карповых совсем изъела мозг стажёра, когда хлопнула дверь и проходная озарилась улыбкой пьяненького Геннадия.

— Что я говорил? — пропел он напарнику, — Инструкция! — и прищёлкнул пальцами.

Бабка по-прежнему тёрла снаружи окно. Мохов расплющил о стекло физиономию и прокричал так, чтобы на улице слышала:

— Во! Инструкция! — извлёк из нагрудного кармана конверт и помахал им из-за стекла перед носом уборщицы. Потом обернулся к стажёру:

— Видал? Маринуюсь в приёмной, не знаю уже, что и думать, наконец вызывают. Вхожу. А он довольный-ый! Запись с камеры показал. Вот, говорит, какой ты у меня боец! Взятку не берёшь, говорит, и всё по инструкции! А это он нас проверял. Сказал, что на День химика грамоту выпишут, а пока вот, — Гена помахал конвертом, — Премия! И коньяку налил. Сам, — от Гены действительно тянуло коньяком, — А с Четвёртой всех уволил.

Напарник заёрзал на стуле, закричал. А Гена снова помахал бабушке в окно своей прибылью. Но бабушка не глядела, бабушка в сотый раз намыливала тряпку, её старенькая голова мелко тряслась...

...Охранник Мохов присосался, вдохнул, расправил плечи, потянулся. Истома растеклась по жилам. Нет, определённо в этой жизни что-то есть! И радость есть, и сюрпризы, и, главное, есть справедливость. Гена сунул конверт в нагрудный карман, похлопал по карману, ощутил возле сердца тепло. Скоро через его, Генину, проходную пойдут люди, много людей. И относиться к ним с подходом совсем не требуется, теперь-то уж это ясно. Будет возвращаться со смены жена. Гена выхватит конверт и при всех повертит у неё перед носом, будет сюрприз. И все увидят, какой он молодец. И пусть видят! А жена похвалит. Потом, дома...

Комбинатские трубы и установки зажигали рубиновые маячки, часы на проходной зеленели ярче: счастливый день завершался, а так хотелось, чтобы он не заканчивался!

Вскоре на выход потянулись уставшие дневные рабочие. Вот катится толстенький бригадир транспортного цеха, ноги колесом. Вот тянется перепачканный, как галоша, монтер из цеха «Мазут», неплохой, кстати, мужик. Вот едва волокутся Мардан Шаймарданов и Рафик Абдрафиков — операторы с производства «Синтез-спирт». Они громко уважают слесаря Гарифуллина, который повис на их плечах и сам уже больше уважать не в силах, а только ворочает глазами. К турникету выстраивается очередь. Мохов цветёт, выдаёт пропуск, отмечает в журнале. Народ тянется к домам, к семьям, к ужину, к чаю. Все идут. В мире всё куда-нибудь идёт, и потому повсюду порядок. Надо только знать, кого пропустить, а кого нет. А на это и есть инструкция. Вот наконец и жена! Она завхоз строительной бригады, женщина соразмерная. Геннадий обрадовался, сунул пальцы за конвертом и только тут заметил, что пуговицы на плаще жены подозрительно разъезжаются. Гена попридержал руку с пропуском и уставился на неё. Она загадочно подмигнула: потом, мол, всё объясню. И поманила рукой: давай уже пропуск. Гена смотрел на жену и ничего не понимал. За её спиной волновалась очередь. Жена расстегнула верхнюю пуговицу, и Мохов увидел под плащом старый спецовочный ватник.

Она наклонилась к охраннику и прошептала:

— Ватник списанный вот, на рыбалку тебе.

— А у меня, у меня... — замялся Гена... и нащупал пальцами конверт. Он хотел сказать: «Сюрприз», но тут его оконья-

---

ченный взгляд скользнул по всевидящей камере, и вместо «Сюрприза» он отрапортовал:

— Инструкция!

Всё верно, инструкция! Перед охранником стояла не жена, перед ним стояла расхитительница! И эта злодейка тянула преступную лапу к пропуску!

В очереди послышался ропот. Гена подбросил пропуск жены своему стажёру, а лиходейке скомандовал:

— Назад!

— Ты чего, Ген? — удивилась жена и сделала шаг к турникету. Бывший прапорщик выхватил сигнальную «Беретту», передёрнул затвор:

— Назад! Не положено! Инструкция! — и поднял оружие.

Жена оскорбилась, выпятила губу, сделала шаг навстречу непримиримому стражу. И напрасно.

— Предупредительный! — взвизгнул бывший прапорщик Мохов и бабахнул в потолок. Звонкая гильза запрыгала по бетону, глаза зашипал едкий пороховой выхлоп, зазвенело в ушах. Народ попригих, а в очах расхитительницы показались слёзы:

— Инструкция, говоришь? — Она расстегнула плащ, стянула с себя списанный мужской ватник и швырнула его в физиономию сторожа: — Вот тебе инструкция! Подавись! — Злодейка схватила Мохова за грудки, тряхнула и отбросила прочь. Гена отлетел, но устоял, — Придёшь домой, я тебе покажу инструкцию! Чтoб ни на кухню, ни к спальне — ни на шаг! Дубина! Остолоп! Инструкция! — и жена выскочила за проходную.

Очередь оскалилась и загоготала. Гоготал перепачканный, как галоша, монтёр из цеха «Мазут», гоготал округлый бригадир транспортного цеха, гоготали все. А Мардан Шаймарданов и Рафик Абдрафиков — операторы производства «Синтез-спирт» — не гоготали. Они молча сурово кивали, они били себя в грудь, они уважали охранника Мохова...

Вот уже над Белой проснулся золотой месяц, часы «Электроника» изумрудно зеленеют, показывают, что дежурство скоро окончится. Бабушка Шура в свете фонарей всё трёт и трёт оконное стекло, трясётся её старенькая голова. Геннадий вручает рабочему классу пропуска, Геннадия похлопывают по плечу, острят и хихикают. У Геннадия горит лицо. Где-то глубоко-глубоко в недрах его военизированного сознания зарождается смутное подозрение, что кое-какие поправки в его инструкции, кажется, всё-таки не помешали бы. Вот только, какие?..

И тяжёлое малиновое пламя факела отражается в холодной реке...

ЧЕРЕЗ РЕЧКУ БЫСТРУЮ

Свинья опять подрыла закуток и выбралась на волю. Сковырнула тесину, что покрывает завалинку, забралась внутрь, зарылась в опилки и похрюкивает. Нежится под летним солнцем, улыбается. Запах полуденного разноцветья кружит голову, дурманит. Косить в солнцепёк не с руки. Пётр спешит с колхозного надела передневать дома. Увидал в завалинке сопливый свиной пятак:

— Ах ты, лешая! Язви тебя! — огрел жирную граблями. Пёстрая свинья с визгом выскочила из опилок и понеслась... понеслась... Визг повис в полуденном зное...

— Батюшки! Задремала! — Авдотья за столом. Удивлённо трясёт головой, трёт глаза шершавыми руками. За окном избы ночь. Льёт как из ведра. На столе поскрёбками машинной отработки коптит каганок. Стопка из-под денатурата пахнет казённо, обочь — недогрызенная репа.

Этот сон про Петра преследует вдвою Авдотью не первый год — стоит лишь прикрыть глаза. И так в нём отраднo да ласково! Давно уж нет у неё свиньи. Опилки в завалинке осели, почернели, взялись плесенью. И Петра нет. Ровно четыре года назад его взяли на войну. Уходил с похмелья. Все пятнадцать красовских мужиков в то утро маялись. Лейтенант у конторы их строит, а они мычат. Спустя два месяца прилетела в Красово первая похоронка. Ещё через месяц — вторая — на её Петра. На остатнего пятнадцатого мужика — кума — через год. Время пролетело...

Сентябрь в победном сорок пятом вышел мокрым, холодным. Ботва в огородах почернела. Стёжка, что сбегает от хутора к реке, поросла за лето колким бурьяном — не пройти.

Кумовой дочке нынче четырнадцатый пошёл — хорошо куме. Добрая она — кума, угостила вот. А у Авдотьи раньше был сын, полугодовалый. Той же первой военной осенью схоронила. В ночь забил его кашель, утром — жар. Младенчик горячо сопел в своей люльке, а к вечеру затих. Авдотье в ту пору отчего-то не плакалось. Сама рыла могилку в грязи под дождём, сама и снесла его на ту гору, где погост.

Тесовая крыша над Авдотьей — что твоё сито. В ночи за печкой — кап, кап. Удвери капли звенят опрокинутым ведром. Огонёк тусклого каганка нет-нет и вздрогнет. Тени жмутся по тёмным углам, вздыхают. На подловке, где почти истлел Петин табак, будто шаги? — скрипит потолок. Дверь на крючке. Авдотья опять укладывает туманную голову на стол, подсовывает руку, смежает веки. Голова кружится, ночь куда-то плывёт... Делается сладко...

...Она сама разогнала докучливую свинью, укрыла зава-
линку, уселась. На руках посапывает младенчик. Он возит-
ся, кукуется, вот-вот проснётся. Авдотья его баюкает, колы-
шет. Вполголоса напевает малышу писклявую-распискля-
вую. Ту самую, за какую Петя её полюбил:

*Черезы речку быстро-у
Я мосточик выстраю...*

Малыш во сне беззубо улыбается. С луга тянет скошен-
ной травой. От переправы подымается Пётр, на плече коса
и грабли.

*...Ходи, ми-лый, ходи, мой,
Ходи летом и зимой.*

Пётр с солнца бронзовый. Соломенные волосы слиплись.
На рубахе пятна соли и присохшей пыли. Он улыбается, от-
чего-то идёт мимо. Песне будто не рад? Малыш завозился,
захныкал...

— Батюшки! Снова я что-то, — Авдотья подняла лицо от сто-
ла, со сна хлопает глазами. Отлежала скулу, растирает её шер-
шавой ладонью, мнёт, воспалёнными костяшками пальцев.

По стене ходят тени. В избе промозгло, солома в печи дав-
но прогорела, даже печку не просушила. В омшанике за сте-
ной словно кто-то дышит? В окне не хватает одной шибки —
Авдотья по весне её вынесла, когда неуклюже вынимала зим-
нюю раму. Заткнула тогда впопыхах прореху тряпьем. Теперь
тряпё отсырело, воняет плесенью. В окно из тьмы будто кто
засматривает? А ночь всё тянется, тянется, и нет ей края.

С трудодня ноет спина. Авдотья вытягивается на лавке
подле стола, глядит в потолок. Прямо над ней крик. На нём
раньше колыхалась люлька. В ней-то в ту первую военную
осень и затих её младенчик. В углу чернеет закоптелая паути-
на. На стене треснутое зеркало и Петина фотокарточка в рам-
ке. Авдотье припомнилось, как Пётр в тот предвоенный год
ходил на село смотреть расстрел тамошнего попа. Надо было
против попа что-то подписать — сулили помощь. Муки, что
ли, по три фунта, совсем не густо и похлебали-то. На это со-
бытие, помнится, наехал городской фотограф из газеты. По-
том, как с попом кончили, всех желающих и пофотографи-
ровал. И Петечку, вот... Ездили с ним после в город за карточ-
кой, морс пили на станции...

В трубе истошно взвыло. Ветер налёг на дверь, сорвал её с
крючка. В избу ворвался сырой сквозняк, погасил каганок.

Окно выплюнуло из прорехи волглое тряпье. Авдотья вздохнула, поднялась накинуть крючок.

А за окном такая круговерть! Ни огонька по хутору, ни собака не забрешет. Что-то кружит, что-то воет, скулит, шастает во мгле. Хозяйка нащупала на печи серники, запалаила каган. Лохматые тени разметались по углам и затаились. Тусклый свет замерцал в зеркале, задрожал под шербатым окном на мокрой покоробленной Петиной роялке. Авдотья потянула её за ремень, гармонь болезненно захрипела. Хозяйка уселась на сундук, приняла инструмент на колени, огладила. Зажмурилась, медленно вполсилы растянула слипшиеся мехи. Роялка гнусаво запищала: «Иии-ииии». Авдотья подхватила писк: «Ии-ии-ии... ходиии, мии-луйи, ходии, мойи... Ходи-ии...»

Уронила голову на грудь.

В ушах зазвенели кузнечики, в нос ударили летние запахи, солнце ослепило.

Свинья возобновила свой подкоп. «Батюшки, никак сызнова, лешая, принялась»? Из-под стены закутка показался её грязный пятак. Свиное рыло посовывается в расширяющуюся брешь, похрюкивает. Как пить, вылезет. «Ходи, Петя, ходи, мой! Гляди, чего делает!» Петя подымается от переправы, коса позванивает о грабли...

За печкой звякнула и грохнулась кочерга.

Авдотья с перепугу подпрыгнула, с силой отшвырнула от себя гармонь. Та загремела к двери, насорила щепками и долго уныло выдыхала. Тоска холодной змеёй поползла за пазуху, защекотала:

— Да за чево мне это... такое!? Петенька, ирод, за чево? За чево ты со мною... так?! Ууу!.. Ууу... — женщина завывала, залилась слезами.

На столе всё так же беспристрастно колеблется коптящий огонёк, освещает вдовью избу. Под столом отсвечивает золочёными ножками табурет, который покойный хозяин смастерил перед войной из резного церковного киота, преподнёс супруге.

Авдотья всё выла и ревела, потрескавшейся шершавой рукой размазывала своё горе по сморщенному подбородку. Её седеющие невымытые волосы слипшимися прядями выпалили из-под чёрной косынки, мотались по лицу, мокли в слезах. Крюк для детской люльки чёрным когтем повис над её бабьим житьём. Зайдясь в рёве, Авдотья упала на кровать, уткнулась в подушку, зажмурилась:

— Ууу... Ууу... ууу...

— Ты чево это, глупая? Чево, говорю, убивашься? — перед ней улыбается муж. На плече коса. Граблями он только-только-

---

ко запустил в жирную свинью, они валяются поодаль. Спелёнатый младенец дремлет в мураве у ног, звенит в зените жаворонок.

Авдотья упала мужу на грудь, рыдает, всхлипывает:

— Петь, и ты не помнишь, да?

— Чево ещё не помню, Дуняш?

— Я ведь нонче народилась, День рождение моё. Чай, не помнишь?

— Ааа, вона что! Ну?

— Ты вот, вишь, не поздравил. Одна кума только, добрая она. Денатурату поднесла, а я-то... я-то... Ууу...

— Да чево ты-то?

— Сама его, одна... Ты-то, вроде как помер?

— Ну-у, пошла горевать! Беда-то... Тебе ж нынче всего-то двадцать пять, чай, успеем ещё поприбавить, а? Жисть, Дуняша, впереди. Войну вот, решили...

Вдова всхлипывала, размазывала по мужней пропотевшей рубахе свою обиду — всё не могла надышаться. После пригрелась, обмякла на подушке.

...Луг белеет ромашками, рытвина под свиным закутом отдаёт землицей. Сосновая тесина валяется подле завалинки, смолится, блестит каплями на солнышке...

ВЕТЕР С ВОСТОКА

Ясным майским утром заводской курьер Саша Митрофанов получил задание быстро смотаться к смежникам под Челябинск, забрать там пачку нужнейших бумаг и в целости доставить. Три часа электричкой туда, три — обратно. Задание — не задание, а так, прогулка...

И вот уже за вагонным окном раскинулось и мелькает цветущее уральское предгорье, поезд весело бежит, мягко покачивает дремлющих дачников и баюкает Сашу.

Когда до конечной оставалось всего несколько станций, в вагоне нарисовались пёстрые цыганские юбки: «Помогите, люди добрые-е, украли документы-ы, сами мы не местные-е... Голодаем». Рыбак, дремавший всю дорогу, схватился за свои удочки, подмигнул Митрофанову, мол, погляди-ка на голодающих. Саша поглядел: из-под ярких шерстяных платков болтаются золотые серьги, золотые фиксы не помещаются в пухлый рот, пухлые ручки протянуты за подающим. Пассажир с граблями хохотнул, студенты отвлеклись от подкидного. Сердобольная старушка достала из корзинки и протянула нуждающимся пирожок — вагон сразу затрясло от

хохота. Митрофанов тоже прыснул в кулак и отвернулся от этой комичной сценки к окошку, где уносились назад двухскатные крыши придорожной деревни, плыла в солнце черёмуха, весенняя истома бликовала в полноводных канавах вдоль насыпи, а по холмам зеленела юная трава. Побирушки похлопали Митрофанова по кепке, потолкали. Он повёл плечом, отмахнулся, не хотелось оборачиваться. Да они и не настаивали: получили с пассажиров своё и убрались.

— Альпийское нищенство, — пошутил Митрофанову рыбак, — святое дело.

— Ага, — усмехнулся курьер.

...Завод, которым управляла Сашина жена, сносился через курьера Митрофанова со смежниками по всему свету. Саша по заданию и в Африку летал, и не только в Африку. И хотя в последнее время от поездок не было продыху, должность свою романтик Саша обожал. Даже эта однодневная командировочка — что бесплатная экскурсия: вот вдоль магистрали спешит холодная каменная река, по зыбкому подвесному мостику бабка тянет за рога упрямую козу. Бегущая назад деревенька повисла улицей над обрывом, на завалинке пригрелся лубочный дед с самокруткой. Всего в двух часах езды от большого города пестрит за окнами такая добрая сказка...

От созерцания Сашу оторвал пожилой контролёр. Митрофанов собрался было предъявить свой билет, но сколько ни рылся в карманах, ничего не нашёл. Контролёр оживился, предложил Саше заплатить штраф. Курьер охлопал себя, но к удивлению, бумажника тоже не обнаружил. Электричка затормозила у безлюдной платформы. Саша перетряс свой дипломат, вывернул всё, но ни билета, ни бумажника словно и не бывало. Поезд громыхнул сцепкой, тронулся — за окошком проплыли назад две цветастые юбки.

— Их работа, — ткнул в стекло рыбак, — альпийское нищенство.

— Их, — вздохнул Саша Митрофанов.

Опечаленный контролёр развёл руками — на следующей станции Саше приказано было сойти. Спорить и оправдываться не хотелось, и делать было нечего.

На следующем полустанке, где нет ничего, даже перрона, Саша соскочил с поезда. Невдалеке шумела на перекатах всё та же быстрая река, вовсю играло солнце. Там, где волны веками точили крутую скалу, кипело серебро. Мобильник не находил сети и растерянно попискивал. Саша сел на пень, снял кроссовку и достал из-под стельки заначку. Он всегда припрятывал в дорогу пятьсот рублей, зная, что когда-нибудь это пригодится. Вот и пригодились. Просто там, в ваго-

---

не, при посторонних, курьер рассекретится постеснялся. Теперь оставалось лишь дожидаться вечерней электрички и продолжить командировку.

Саша посидел, огляделся, освоился: гремучая вода огибает высоченную отвесную скалу и убегает от железной магистрали. По-над речкой тянется подсохший глинистый просёлок. Пахнет хвоей, пахнет прогретой землёй, пробудившейся жизнью. Воздух нестерпимо прозрачен...

До вечернего поезда ещё ждать и ждать, и Саша тихонько побрёл вдоль реки. Из зелени маленькими солнышками глядят одуванчики, мать-и-мачеха начинает лопушиться, грандиозное светило припекает макушку. На камне пригрелась ящерица, заторможенная с зимнего сна. Саша потрогал её хворостиной, оглядел со всех боков. Затем обогнул холм и увидел одноличную деревеньку, где царицей сидела над гремучей водой крайняя изба. От избы к мостку, с которого, наверное, удобно полоскать бельё, сбегала стёжка. Саша сел на краю мостика, разулся и опустил ногу в обжигающий речной хрусталь. Нога тут же покраснела. Саша обулся, уселся по-турецки и всеми своими городскими лёгкими втянул томящий вольный дух. Голова куда-то поплыла... Поплыла...

— Эй! Башка сейчас палкой мана! — Митрофанов вздрогнул, обернулся и увидел позади старушку в татарском платке. — Тебе мой насос воровать надо? — старушка потрясла над головой своим оружием. Саша растерялся, заморгал и увидел, что к краю мостка проволокой примотан насос, от которого к высокой избе протянут шланг, чего он сразу не заметил. А старушка всё грозила:

— Уже три насос украла! Хазыр убью мана!

Саша пожал плечами, объяснил боевой хозяйке, что он вовсе не жулик, рассказал, что сам пострадал от воря и вот выжидает время до вечерней электрички. Бабушка подобрела, опустила свою убивалку:

— Ай, молодес. Меня Амина зовут, Амина-апа.

Саша приободрился, тоже представился. Бабушка дружелюбно улыбнулась:

— Сразу совсем воруют. Три насос уже. Аллах не боится, — пожаловалась старенькая Амина. — Это как станция идёт, надо сильно окошко смотреть. Не смотрел окошко — всё, унесла. Уф, Алла, — вздохнула старушка.

Саша оглядел собеседницу: на все пуговицы застёгнут застиранный зеленоватый халат, шерстяной носок торчит из треснувшей галоши, седая прядь выпала из-под платка. Амина опёрлась на своё смертоносное оружие и переродилась из бойца в усталую поселянку с распухшими от жизни сустава-

---

ми пальцев. Апа по-детски прищурилась на свет, и Саша сразу к ней расположился:

— Ты что же, одна здесь кукуешь, бабуль?

— Одна. Дети уехала, муж леспромхоз задавило, давно. Мана живу шуть-шуть, — бабушка повернулась и пошла в гору к своей высокой избе. — Айда, чай пить тебе будет.

Саша обрадовался и поплёлся следом, чайку, и правда, хорошо бы...

От сгнившей калитки, через весь перемешанный скотиной двор к избе Амины ведёт всохшая в грязь доска. Вдоль изгороди пригрелись несколько ульев, в которых кипит жизнь. Посреди двора гудит вся в золотых пчёлах белоснежная черёмуха. Из расхристанного сарая глядит на гостя растопыренный гусиный клюв. С ароматом черёмухи мешается застарелый навозный дух.

Курьер Саша и думать забыл о своём железнодорожном происшествии, о командировке и обо всём прочем, что ещё утром его заботило. «Провались Африка! Вот где жить бы!», — подумалось ему. — «Косить бы корове, качать мёд, коптить гусей под Рождество...» Куда-то за реку, где зеленеет уральское предгорье, смотрит крохотным окошком кривая баня...

Хозяйка заскрипела дощатой дверью, пригласила в дом. Посреди татарского жилища громоздится огромная русская печь. Очарованный гость обошёл её кругом, приложил ладони, и остатки тепла от вчерашней топки проникли прямо в душу. На старой электроплитке сидит-посвистывает пузатый чайник, полусонно идут-бредут, спотыкаются ходики, из часового оконца высунулась и навеки уснула кукушка. К бревенчатой стене притулился хромоногий комод, в углу жмётся железная кровать, на которой свернулась в полоске света трёхцветная кошка. Вот и всё убранство.

Бабушка Амина выставила на стол мёд, хлеб и молоко, разлила по пиалам заварку. Пробормотала своё «бисмилля», указала гостю на вытертое кресло, которое одно здесь мешало лутошной гармонии.

Наверное, ни разу за свои сорок лет Саша не пивал такого вкусного чая! Мёд таял, растекался по языку, небо обволакивало жирное молоко, отдающее коровой. А под окном бесшумно неслась куда-то река и лилось с неба майское солнце.

Хозяйка много говорила на своём забавном языке без падежей и наклонений. Саша что-то понимал, но не совсем. Понимал про сына Амины, который пьёт где-то там, в городе, про старую подругу, которая привозит Амине новости из соседнего аула, где мечеть. Про овец, «который постригать

кирек» надо, а руки уже не те. Саша сидя задрёмывал, ронял голову и пробуждался, и снова слышал забавную баюкающую речь. Он оглядывал русскую печь. Наверное, на ней, когда-то давно-давно рос сын старой татарки, грелся здесь под овчиной суровыми зимами. Когда-то, наверное, болел, а потом умирал здесь задавленный леспромхозом хозяин дома. Вот уже часы пробили четыре, а Саша всё сидит, млеет. Вот, хозяйка развернула свой коврик и стала за печкой на намаз, а Саша всё не может очнуться, вот уже и третий чайник засвистел на плите.

— Ай, сине иди вода кадушка натаскай, — и Саша радостно хватает вёдра и бегает вверх-вниз между мостком и баней, натаскивает воду, потому что, оказалось, «насос провод воровали». А потом снова садится за чай...

Митрофанову всё здесь нравится...

А день тем временем угасает. Наверное, где-то там, в городе народ уже давится в маршрутках, едет с работы. Выстукивают повсюду тысячи динамиков, заколачивают в городские мозги всякую плесень. Ещё немного, и небо там загорится пыльным неоновым светом, засветятся телевизорами тысячи окон и по улицам закраснеют ночные тормоза миллионов вонючих машин. Как обычно, встанет где-нибудь в пробке жена Митрофанова — Ленка, и простоит до полуночи. А здесь так же будут спотыкаться ходики, и будет тихо молиться своему Аллаху старая татарка. Солнце медленно катится за пологий холм на том берегу...

Когда пробило шесть, Саша спохватился, что вечернюю электричку проворонил. Он было взялся за дипломат, но подумал, что если даже дунет на станцию вприпрыжку, к поезду ему никак не успеть.

Саша умиротворённо вздохнул — всё к лучшему: задание можно на денёк и отложить, мир не рухнет, а дома всё равно к его отлучкам давно привыкли, не расстроятся. Ничего...

— Амина-апа, я у тебя заночую?

Бабушка прибирала со стола, возила тряпицей, смахивала за гостем крошки:

— Кому заночую? Юк, совсем нельзя ведь.

— Что сразу юк-то? В сарае, на сеновале бы, а? — Саша, вспомнил как в детстве, когда вся предстоящая жизнь казалась ещё бесконечным праздником, он ночевал в деревне у деда, зарывшись в душистое сено, — На сеновале бы, а?

Бабушка опёрлась о стол:

— Нельзя сарайка. Если бы мусульман, тогда ночуй. А так гайбат будет. Мана подруг придёт, сплетня говорит, грех.

— Грех, что ли, на ночлег пустить? — не понял Саша.

— Ай, совсем ты мене покоя не дадут! Становись мусульман, приходи сеновал, заночуй.

Такой расклад курьера Сашу огорошил. Саша растерялся, задумался, в замешательстве поглядел на свой глухонемой мобильник, и как себе помочь, не представлял. Электричка только утром, знакомых, кроме этой вот хлебосольной бабушки, в округе нет, стучаться к кому-то в сумерках — можно и по шее схлопотать, такое нынче время. День, полный приключений, завершался ещё одним сюрпризом.

— Куда же я сейчас пойду? — уставился на хозяйку Митрофанов.

— Ай, подожди, — улыбнулась апа, — садись.

— Ну вот, — обрадовался Саша и сел.

— Гляди, — ласково заговорила Амина, — сине мёд кушала, молоко кушала, хлеб кушала, — бабушка загибала пальцы, — чай мана пила...

— Да, — благожелательно ответил Митрофанов, — спасибо.

— Ай, молодец! — Старушка радостно затопталась на месте, под ногами запели половицы, старенькие глаза засветились надеждой.

— Тебе, что ли, заплатить надо? — не понял гость.

— Заплатить, да! — расцвела хозяйка, — деньги совсем у меня ведь нету. Кончалось ведь.

Саша оторопел, молча вынул свёрнутую фиолетовую бумажку, положил на стол, разгладил. Он подумал было что-то сказать, но махнул рукой и вышел.

А над миром уже закатилось солнце, небо позеленело. В сумерках от холодной реки по окрестностям тяжело поднимался могучий озноб. Саша двинул было в сторону станции, но вспомнил, что там нет ничего, не приютиться, и встал. Он сокрушённо осматривался, пока не увидел высоко на холме чернеющий стожок, пошёл в гору, но скоро утомился и присел. Гул реки сюда почти не долетал, снизу из деревни еле-еле поднимался собачий лай. А холодало-то не на шутку! Саша резко выдохнул — изо рта вырвалось облако пара. Медленно-медленно выполз из-за гор месяц. Он зацепился за макушку скалы и превратил скалу в своеобразный минарет мечети с сияющим навершием. В продрогшем воздухе слышалось, как вдалеке по железной магистрали гремят по стыкам, проносятся поезда.

Саша поёжился и продолжил подыматься в гору. Когда он наконец достиг стожка и отдышался, то просто обомлел: отсюда с высоты, в свете месяца просматривался великолепный мрачный горный хребет, а внизу блестели рельсы и уносился вдаль скорый, весь в огнях. В кармане тюлюлюкнул

мобильник, нашёл сеть. Митрофанов выхватил его, отыскал Ленкин номер. Связь без конца затыкалась, но Саша упрямо тараторил в трубку про свою командировку, про цыган, про контролёра, про реку. Про Амину повторил два раза, про русскую печь помянул, про деньги не забыл.

— Здесь очень холодно, приедь за мной, — подытожил Саша.

— Нажрался? — сквозь помехи ответил телефон, — иди к своей Амине, пусть Амина тебя греет! — и отключился.

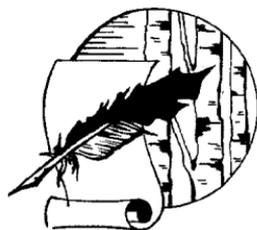
Ну что тут поделаешь... Беда...

Саша разрыл прошлогоднее волглое сено, попытался забраться в стог. А там оказалось, в глуби ещё крепко сидит зимний холод и Саша вылез. Он стучал зубами и жалел, что не курит — зажигалка здесь ох как пригодилась бы, сейчас бы костерок... И тут ему почуялось, что откуда-то вправду потянуло дровяным дымком. А это просто внизу, в деревне, топилась огромная добрая русская печь, которая веками всё грела и грела старые мусульманские косточки, не видя в этом никакого себе греха...

...Прилетел восточный ветер, пробрал до рёбер, принёс облака. Саша натеребил сена, как мог укутался и как будто согрелся. Узкий полумесяц оторвался от своего минарета, всплыл и теперь проглядывал из-за тучек. Чтоб не стучали зубы, Саша расслабляет мышцы, забывается, и ему временами мерещится, что там наверху вовсе не месяц, а золотая турецкая сабля. Вон же она, вон! — в руке Великого всадника, который бережёт свою верную Амину от лиха, стережёт её от греха. Всадник кому-то поёт, что нет на небе больше никого, есть только он, и есть в его руке победная гнутая сабля. Во всяком случае, так ему кажется...

Саша достал телефон, посмотрел на время: ночь только начиналась. Утешало лишь то, что оставался заряд — батарейки вполне хватало, чтобы с началом рабочего дня позвонить смежникам, всё объяснить и попросить, чтобы они его — курьера — отсюда забрали. Саша давно их знает. Они всё поймут, они вникнут, они заберут. Тут им и ехать-то всего несколько станций...

с. Орлово Воронежской обл.

Юрий ФАТНЕВ

Юрий Сергеевич Фатнев родился 10 февраля 1938 года в селе Акимовка Красношековского района Алтайского края в семье военнослужащего. Детство прошло в деревне Старые Дятлови-чи Гомельского района. С 1956 года жил в Казахстане, где работал библиотекарем, затем в Гомеле, Брянске, Москве, Ленин-граде, Гатчине, с 1990 года постоянно проживал в Гомеле. Ин-валид второй группы (во время войны у пятилетнего мальчика развился костный туберкулез, из-за чего последующие десять лет он был прикован к постели, его юношеские годы прошли на больничной койке, из гипса он «вышел» инвалидом).

Поэт и прозаик. Писал на русском языке. Первое стихотворе-ние появилось в печати в 1955 году (столбцовская районная газе-та «Промень»). Автор сборников стихов: «Любимое» (Алма-Ата), «Общий вагон» (Алма-Ата), «Глаза не умеют молчать» (Алма-Ата), «Поет рожок у Сожа» (Минск), «Лирика» (Москва), «Лунный час» (Тула), «Костер на пристани» (Москва), «День прозрения» (Москва), «Птицы ночи» (Гомель), «Еще оглянись на Отчизну» (Гомель), «Русская печаль» (Гомель), «Сны Земли» (Минск), «Се-дые небеса» (Минск). Автор ряда романов и повестей.

Печатался в журнале «Юность», в «Литературной России» и «Литературной газете». Отмечен международной литературной премией имени древнерусского песнотворца Бояна (г. Труб-чевск, 2008).

Последние два года его жизни прошли в Минске.

РОЗОВЕЮТ ЗДЕСЬ ФЛОКСЫ...

ИДИЛЛИЯ

Давно я не был в том краю, где рос.
А жизнь там продолжается, по слухам.
В ту деревушку забредает лось,
Когда огни последние потухли.

Чего-то ждет. А тишина окрест...
И к озеру лось повернет обратно.
А новости... Они, конечно, есть.
О них не пишет «Гомельская правда».

Пёс Рэд поймал гадюку меж кустов
И откусил башку ей на поляне.
И силуэты диких кабанов
Ночами там мерещатся в тумане.

На кукурузном поле им пастись
И благодарно вспоминать Хрущева.
И я скажу: была не хуже жизнь
До этой перестройки бестолковой.

Теперь нет школы. Съехал сельсовет.
А мужики на дачников батрачат.
В библиотеке пол гниет, и нет
Надежды — станет в будущем иначе.

Скорей всего, закроют и ее.
В Бобовичи свезут отсюда книги.
Ну чем, скажите, будет не житьё
Под тенью пролетевшей аистихи?

Да, жизнь там продолжается. Всего
Не разорить, не вывезти куда-то.
Появятся птенцы... Да что с того?
Кто рос до них — не вспомнят аистята.

ФЛОКСЫ

Что вздыхаешь, товарищ мой хмурый,
Навестив свой родительский дом?
Жил Абрам. Он держал смолокурню —
Так щемяще несло деготьком.

Было озеро — ныне болотце,
И разросся сегодня аир.
Эх, когда побывать вновь придется?
Начинался отсюда твой мир.

Ты рассказываешь. Ты увлекся.
Но навряд ли отыщешь ответ:

Для кого розовеют здесь флоксы?
Можно, мы наломаем букет?

У тебя мы — случайные гости.
Сливы рвем. Сад крапивой зарос.
И с тобою стоим на погосте
Среди сосен замшелых, берёз.

Вот и всё. Погуляли недурно,
Заглянув в мир, ушедший тайком.
Жил Абрам. Он держал смолокурню.
Жаль, не тянет уже деготьком.

Да, еще... Если мельком взгляну я —
Будут флоксы в квартире чужой
Осыпаться на тень кружевную
Лепестками, а может, душой.

* * *

Можно жить и здесь, беды не зная,
Обрести и славу, и уют.
Но, в Россию снова зазывая,
Облака на Брянщину плывут.

То Клинцы под ними, то Унеча,
То Трубчевск, то Стародуб, то Мглин.
Но нигде друзей своих не встречу,
Я один на родине, один.

И никто на Брянщине любимой
Не заметит, не расслышит зов.
Это я скользнул сегодня мимо,
А не только тени облаков...

АВТОГРАФ

Ждет смерти друг. Моей. Она в цене.
Не то что поэтические строфы.
Умру — продаст принадлежащий мне
За доллары гагаринский автограф.

Я помню снег. Да, снег слепил в горах.
Сторожка прояснялась из метели.

Брел мой отец. Был тяжек каждый шаг.
Двенадцать километров по ущелью.

А на столе, рассеивая мрак,
Свеча горела ярче, чем лучина.
Еще не знал того, что пишет Пастернак,
Но эту сам слепил я из вошины.

Да, брел отец. Всё тяжелей шаги.
А в мыслях: «Как обрадуется Юра!
Мальчишке, сочинявшему стихи,
Прислал письмо Гагарин с Байконура».

Как будто слава мировая вдруг
Меня в ущелье Каменном коснулась.
Тот огонек свечи давно потух.
Шел снег, и звёзд не разглядела юность.

Я о своих успехах помолчу.
Уж нет сторожки в Каменном ущелье.
За жизнь свою я не слепил свечу,
Какая б вечность на столе горела.

Ждёт друг, когда наступит мой конец.
Не за него, а за себя мне стыдно.
Бредет сквозь снег умерший мой отец,
А огонька свечи моей не видно.

Я не слеплю свечу свою теперь,
И никакая слава мне не светит.
Но «Почта космонавтов СССР» —
Я различаю штемпель на конверте.

КОНИ НА АНИЧКОВОМ МОСТУ

Слышу ржание грустное
Не из диких степей.
Здесь умеют обуздывать
Непокорных коней!

Эх, как гордые вздыбились
На чугунном мосту,
Как в предчувствии гибели,
Сбив копытом звезду!

Ждут всю ноченьку целую,
Чтоб украл их цыган...
Только ночи здесь белые,
Не хранящие тайн.

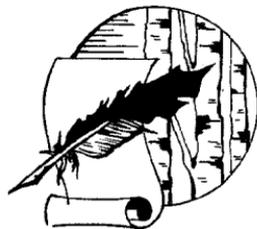
Не такое здесь видели...
Я не выдержу. Эй!
Как вас там? Укротители!
Не держите коней!

Сколько можно без повода
Виснуть на поводках
На глазах всего города?
Надоело им — страх!

Будет солнышко кубарем
Падать с грив на холмы.
Были — ваши и скульптора.
Стали кони — мои!

Дело ведь бесполезное
Караулить их жизнь.
В Диком поле поэзии
Им столетья пастись!

Им травую похрустывать,
Вспоминать свет огней,
Град, умевший обуздывать
Непокорных коней...

Татьяна ШОРОХОВА

ПУТЬ БЕЗ КОНЦА

НА РОДИНЕ ПРЕДКОВ

Ох, куда нас года носили!
Эх, как лихо они неслись!
Не пустыня вокруг — Россия!
Покатилась?! — теперь держись!!!

То ль с испугу рванул каурка,
то ль возница так подшустрил,
но от Крыма до Петербурга —
вереница родных могил.

Не на родине — прах родимых,
не на кладбище родовом...
Без людей одичали зимы
по-над предков моих гнездом!

Вот пришла в поминальной шали
да, незваная, и стою...
Где-то здесь её корчевали
горем — дедовскую семью.

Где-то тут, на этом просторе,
что берёт меня в оборот,
подрубили под самый корень
мой могучий Беловский род.

Не встречает даже крестами
внучку прадедов окоём!
Закудлатилась даль кустами,
как овечка — сухим репъём.

И не знала, что так люблю я
эту вымороченную даль,
и горюю над ней, целую
нищету её и печаль.

Но ни отзвука нет, ни вдоха
на безродных глухих полях...
Отвернула лицо эпоха.
безответно лежит земля.

Ни ручьёв, ни садов, ни пашен...
От прошедшего — ни следа,
словно жизни — да полной чашей! —
здесь и не было никогда.

ЦВЕТ РЫБИНСКОГО МОРЯ*

Словно пеплом припорошенный,
вжался в камыши
цвет угрюмый рек стреноженных,
цвет — как стон души.
Даже в ясные, в погожие,
в светлые часы
на лучи здесь тени брошены
от годин косых.
Гладь воды — стеной кладбищенской...
Как многоголос
этот цвет котомки нищенской
и сиротских слёз!
Чуткой совестью востребован
памяти патруль —
влажный цвет крестов серебряных
и свинцовых пуль.
Рыбим именем отмечена
пресная волна...
Здесь слезинка перед Вечностью
больно солона!
Серой мутью занавешена
русской скорби даль:
скукой пьяной, жизнью грешною
плещется печаль...

---

* Самое крупное рукотворное море мира построено в верховьях рек Волги и Шексны заключенными «Волголага». Под водой — два города, две тысячи сел, деревень и монастыри.

Но, как встарь, Россия выдюжит
древней тьмы полон!

...Не стихает в градах Китежах
колокольный звон!

* * *

Дорога, лето, старое село...
Забуду ведь! — но к сердцу прилегло.
Казалось бы, что в этой черепице
и кладке, где замшелый камень прост?
Как на пригорке — маленький погост,
как в церковке — бесхитростные лица.

...Свернёт дорога снова на шоссе,
и виться пыли, и мутнеть росе,
и травам осыпаться по кюветам,
а мне по бесноватым городам
на циферблат наматывать года —
но есть одно село на свете где-то...

УРОК ИСТОРИИ

Россия исцеляется от ран,
веселье любит, дружество, забавы.
...Земля ржавеет кровью англичан
на ратном поле возле Балаклавы.

Истаяли, пришедшие учить
Россию, как ей надо в мире жить.
На сытой почве гуще стали травы
на ратном поле возле Балаклавы...

РАССКАЗ МЕДСЕСТРЫ

Я сильной не знала боли.
Я в тонком ходила кружеве.
И вот — ташу с поля боя
бойца и его оружие.

Война мне ставит задачу —
попробуй не справишься с нею!

Я, знаешь, уже не плачу,
поскольку от слёз слабею.

И всё ж не могу я свыкнуться
с одним — в лихой круговерти:
когда я братишку вытащу,
а он достаётся — смерти!

У каждого где-то — милые...
Бросается в бой пехота!
Я столько убитых видела,
что сбилась уже со счёту!

Знай, братские их пристанища
потомкам сердца затронут!
...Сестричек хоронят рядышком —
с мужчинами не хоронят.

* * *

У бликов солнца одолжу тепла.
Переселюсь в несбыточные сроки.
И вспомню, как крапива обожгла,
как проступало утро на востоке...
Мои воспоминанья ни о чём —
судьбы незаселённые пределы
я не открою золотым ключом,
но первый снег припомню белым-белым.
И соглашусь прийти на тот порог,
где покидала плачущее детство,
где навсегда во мне оставил Бог
тех слёз непреходящее наследство.
Я проведу по детским волосам
ладонью — и расстанусь со вчерашним.
И не поверю собственным слезам.
И снова загрущу... о настоящем.

НА ПУТИ БЕЗ КОНЦА

Я жила, как умела. Абсурд превращала в нелепость.
И зерном рассыпала слова, не постигнув их смысл...
Оказалось, что я попыталась добраться до неба
по обветренным струям дождя, ускользящим вниз.

Я теперь у окна. И гроза лучше всякой подсказки
говорит мне о том, что душа заплутала в словах...
На пути без конца есть у каждого место развязки,
где расходится жизнь, как одежда на сношенных швах.

И куда ты теперь, ни земли не касаясь, ни неба,
понесёшься, душа, что за век не сумела доспеть?!
Из незрелых семян не испечь настоящего хлеба,
и печальную песню не станут на празднике петь.

...Вот и ливень иссяк. Из-за тучи ударило солнце!
Дивной радостью — быть! — в каждой капле сияет оно.
Слышу, сердце стучит...

Может, знает, что снова придётся
мне отправиться ввысь... по лучу, что струится в окно.

На пути без конца —

истлевают земная одежда...

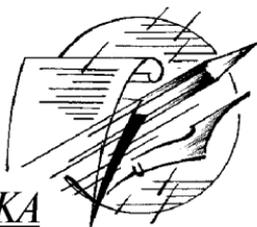
Сколько можно чинить и жалеть этот ворох старья?!
Боже, дай дотерпеть! Пусть меня согревает надежда
на последнюю милость, в которую верую я.

г. Севастополь

ЗАКАТ ЭКОНОМИКИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Модель экономики, созданная в ходе советской индустриализации (сталинская экономика), просуществовала примерно до середины 50-х гг. XX века. Со второй половины 1950-х гг. и вплоть до конца 1991 года сталинская экономика стала утрачивать такие свойства, как плановый характер, высокая централизация управления, преобладание физических показателей плана над стоимостными, ограниченный характер товарно-денежных отношений, доминирующие позиции государственной собственности, общенародный характер государственной собственности и др.

В период существования сталинской экономики в СССР осуществлялся целенаправленный процесс превращения частной и групповой собственности в собственность общенародную. В постсталинский период происходил обратный (неафишируемый) процесс превращения общественной собственности в групповую. Приведу вывод из статьи Н.О. Архангельской, посвящённой изучению изменений производственных отношений в СССР: «Если в период 1930—1950-х гг. экономика страны представляла собой единый ком-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

плекс, работавший на общий результат, то в 1960—1980 гг. этот комплекс перестал существовать, уступив место массе обособленных предприятий и их коллективов».

Можно выделить три этапа демонтажа сталинской экономики: 1) эксперименты Н.Хрущёва; 2) реформа Косыгина—Либермана и «застой» эпохи Л.Брежнева; 3) «перестройка» М.Горбачёва.

После смерти Сталина наметилась медленная, незаметная (маскируемая псевдосоциалистической пропагандой) трансформация социалистической модели экономики в модель государственного капитализма. Начался этот процесс при Н.С. Хрущёве, продолжился при Л.И. Брежневе и А.Н. Косыгине, а завершился при М.С. Горбачёве. Причины данной мутации, связанные с духовно-нравственным состоянием общества, а также политические причины, лежат за пределами экономики.

Сталин пытался ещё до войны укреплять политический фундамент новой модели экономики путём создания системы народовластия. Контуры этой системы просматриваются в Конституции СССР 1936 года. В ней основная роль в управлении страной отводилась Советам народных депутатов; правительство должно было стать исполнительной, т.е. подчинённой по отношению к Советам ветвью власти. **А партия вообще должна была отказаться от непосредственного участия в управлении государством, в том числе экономикой.** Народовластие должно было бы стать гарантией того, что государственная собственность на средства производства будет использоваться в интересах всего народа, работать на укрепление всей страны.

Без создания политической системы народовластия существовал риск того, что социалистическое общество постепенно трансформируется в государственный капитализм. Это означает, что средства производства формально останутся в собственности государства, но используются в интересах не всего народа, а лишь узкой группы государственной бюрократии (К.Маркс называл такую модель «азиатским способом производства»). При этом социалистическая риторика может сохраняться и даже усиливаться. Ярким примером такого государственного капитализма является сегодня Китай.

Однако попытки Сталина создать систему народовластия не увенчались успехом. Крепкого политического фундамента у новой модели экономики не было и на момент смерти вождя. Сталин много раз повторял: «Без теории нам смерть». Обществоведы же продолжали пережёвывать догмы «исторического материализма», а любые свежие идеи восприни-

---

мались как ересь и жёстко карались. Даже дискуссии по «азиатскому способу производства» велись почти подпольно. Власти боялись этой темы. Так сложился опасный стереотип: государство — значит социалистическое. Этот стереотип не преодолен и сегодня. Национализация — необходимое, но недостаточное условие построения в России справедливого общества и независимой экономики. Во время последнего финансового кризиса в США и Великобритании правительства этих стран в целях спасения тонущих банков Уолл-стрит и Лондонского Сити закачали в них громадные суммы бюджетных средств, по-тихому была произведена национализация банковских гигантов, но это была национализация в интересах финансового капитала. После пика финансового кризиса государство стало выходить из капиталов банков.

Ставя стратегическую цель создания политической системы народовластия, Сталин решал и такую задачу, как **нейтрализация чрезмерно активной роли партии в управлении экономикой страны**. Он пытался преодолеть существовавшее «двоевластие», которое выражалось в том, что экономикой в 1920—1930 гг. одновременно управляли и правительство, и партия. Такое двоевластие дезорганизовывало экономическую жизнь, снижало темпы индустриализации, размывало принцип личной ответственности. В преодолении «двоевластия» Сталину удалось немало. Партия незаметно отодвигалась от решения экономических вопросов, ей отводилась решающая роль лишь в двух сферах: формирование идеологии и отбор кадров для социалистического строительства. Однако всё вернулось на круги своя при Хрущёве.

Активное возвращение партийной номенклатуры к руководству экономикой началось с разгрома в 1957 году «антипартийной» группы. А в неё как раз входили фигуры, которые на тот момент были уже больше хозяйственными, чем партийными руководителями — Г.Маленков, Л.Каганович, М.Сабуров, Г.Первухин, В.Молотов. На втором круге «чистки» были убраны со своих постов такие талантливые хозяйственные руководители, как министр финансов А.Зверев, председатель правления Госбанка СССР А.Коровушкин и многие другие. Впрочем, «зачистка» хозяйственных руководителей началась даже не в 1957 году, а ещё раньше. Речь идёт о Л.Берии, арестованном и расстрелянном в 1953 г. Не берусь оценивать его как политика и партийного деятеля, но как хозяйственный руководитель он внёс неоценимый вклад в создание сталинской экономики.

В экономику возвращалось даже не двоевластие, а многовластие. При Сталине доминирующим был отраслевой

принцип управления экономикой. Подавляющая часть министерств была отраслевой. После смерти Сталина строгая вертикаль централизованного управления экономикой стала размываться. В 1957 г. Хрущёв начал реформу управления народным хозяйством. Суть её заключалась в резком усилении территориального принципа управления. Создавались советы народного хозяйства (совнархозы) в так называемых экономических административных районах (всего — 105). Одновременно было ликвидировано большое количество отраслевых союзных министерств. В начале 1960-х гг. были созданы совнархозы в союзных республиках, в 1962 г. учреждён Высший совет народного хозяйства СССР (ВСНХ). Реформа продолжалась до смещения Хрущёва в октябре 1964 г.

Вертикаль государственного управления экономикой стала ослабевать также в результате сокращения набора плановых показателей, обязательных для выполнения министерствами, главками, производственными объединениями и предприятиями. Число показателей народнохозяйственного плана при Сталине постоянно увеличивалось. В 1940 году оно составляло 4744, а в 1953 г. достигло 9490, т.е. удвоилось. А затем число показателей стало непрерывно сокращаться: 6308 в 1954 г., 3390 в 1957 г., 1780 в 1958 г. Кстати, против такого ослабления централизованного планирования выступала «антипартийная группа»; за сокращением числа показателей не было серьёзного научного и идеологического обоснования.

Как известно, никаких товарно-денежных отношений в группе отраслей «А» модель сталинской экономики не допускала. А вот Хрущёв это табу нарушил. При Сталине тракторы и сельскохозяйственная техника поступали из машиностроения не в колхозы, а на государственные машинно-технические станции (МТС). Колхозы были лишь пользователями этой техники на основе договоров с МТС. По настоянию Хрущёва с 1957 года прекращается распределение сельхозтехники по МТС, а в 1958 году распускаются и сами МТС, техника передаётся на балансы колхозов. Постановлением Совмина СССР от 22 сентября 1957 года все орудия и средства производства сельскохозяйственного назначения включаются в систему товарно-денежных отношений. Как и предвидел Сталин, произошло сильное распыление средств производства в сельском хозяйстве, техника стала использоваться без полной загрузки, необходимого ремонта не производилось, техника начала быстро выбывать из эксплуатации. Это, в свою очередь, вызвало необходимость резко увеличить

объёмы производства такой техники. Начались сплошные потери. Уже не приходится говорить о том, что далеко не все колхозы были способны выкупать у МТС, а затем покупать у производителей сельскохозяйственную технику.

Волюнтаристское решение Хрущёва о ликвидации артелей (производивших значительные объёмы некоторых потребительских товаров и услуг) привело к тому, что часть артельщиков превратилась в теневиков. Именно при Хрущёве появились «цеховики» (теневое производство) и «барыги» (теневая торговля), возник подпольный капитал. Теневики оказались востребованными, ибо в результате экономических «экспериментов» в торговле возникли дефициты потребительских товаров. Число таких «корректив», разрушавших при Хрущёве модель сталинской экономики, измеряется десятками.

Доламывался механизм сталинской экономики во времена экономической реформы А.Косыгина—Е.Либермана (1965—1969 гг.). Официальный старт реформе был дан постановлением ЦК КПСС и Совмина от 4 октября 1965 г. «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». Об этой реформе написано много, отмечу коротко четыре принципиальных момента.

Во-первых, данная реформа окончательно сделала разворот в сторону стоимостных показателей, а количество натуральных показателей даже по сравнению с хрущёвскими временами резко сократилось. Это создало для предприятий возможность добиваться выполнения планов такими способами, которые не увеличивали, а, наоборот, снижали интегральный результат экономической деятельности в масштабах всей страны. Ориентация на валовые стоимостные показатели способствовала накручиванию предприятиями вала, что окончательно уничтожило противозатратный механизм сталинской экономики.

Во-вторых, от общественных форм распределения дохода (общественные фонды потребления, снижение цен в розничной торговле) начался переход к частно-групповым формам. Привязка денежных доходов работников к прибыли предприятия незаметно приводила к тому, что принцип органического сочетания личных и общественных интересов уже не работал. Раньше критерием эффективности экономики был интегральный результат (доходность) на уровне всего народного хозяйства, теперь главным критерием стала доходность (прибыльность) отдельного предприятия. Это не могло не ослаблять страну. Заметим, что в постановлении ЦК КПСС

и Совмина от 4 октября 1965 г. о снижении себестоимости продукции как плановом показателе деятельности предприятий уже не упоминалось. Хотя возникшие в деятельности предприятий «искривления» оказались столь серьёзными, что потом показатели себестоимости пришлось восстановить.

В-третьих, одним из проявлений частно-групповых интересов была ведомственность. Она существовала всегда (даже в сталинской экономике), но в результате реформы 1965—1969 гг. она приобрела гипертрофированные формы. Освобождение отраслей от многих натуральных плановых показателей создало для министерств широкие возможности «оптимизировать» свою деятельность. Появились разнообразные фонды министерств и ведомств, наполняемость которых зависела от финансовых результатов деятельности отраслевых предприятий и пробивной силы руководителей ведомств (корректировка планов, выбивание финансовых и материальных ресурсов в Госплане, Минфине, Госнабте и т.д.). Возникла неафишируемая конкуренция между министерствами и ведомствами за раздел «общего пирога». Вот что пишет по поводу резко усилившейся ведомственности М. Антонов: «...государственная собственность на средства производства, находившаяся в распоряжении хозяйственников, не была чем-то единым. Она была разделена между монополиями — министерствами и ведомствами, а внутри каждого из этих подразделений — между предприятиями и организациями. Каждое ведомство зорко наблюдало, чтобы не были ущемлены его интересы, как правило, не совпадавшие с интересами смежных ведомств. В итоге проведение каких-либо решений, оптимальных с общегосударственной точки зрения, наталкивалось на сопротивление ведомств, что нередко вело к громадным излишним затратам» (Антонов Михаил. Капитализму в России не бывать! — М.: Яуза, Эксмо, 2005, с. 174).

В-четвёртых, введение для предприятий платы за фонды усилило противопоставление общества и производственных коллективов. Планово-прибыльные предприятия должны были вносить в бюджет плату за основные и нормируемые оборотные фонды. Возникла странная ситуация, при которой фонды как бы отчуждались от государственных предприятий, последние становились не более чем пользователями фондов. Фактическим же владельцем фондов оказывался бюрократический государственный аппарат. Так складывалась очертания государственного капитализма.

Дух потребительства, воцарившийся в России, стал культивироваться уже реформой Косыгина—Либермана. Появились иждивенческие настроения, желание жить за счёт дру-

---

гих. Это были ещё не явные отношения эксплуатации одного человека другим, но уже неосознанное желание такой эксплуатации. О погоне предприятий за прибылью (следовательно, за максимальной долей «общественного пирога») убедительно свидетельствует официальная статистика: с 1960 по 1980 г. прибыль государственных предприятий в СССР выросла в 4,6 раза, а производительность труда, по официальным данным, в промышленности всего-навсего в 2,6 раза, в сельском хозяйстве и строительстве ещё меньше.

Следует особо обратить внимание на реакцию по поводу реформы за рубежом. Запад воспринял её с восторгом, зарубежные СМИ того времени восхваляли изменения, начавшиеся в СССР. И происходило это в разгар холодной войны. Станут ли наши геополитические противники хвалить нас, если мы укрепляемся? Нет! Нас хвалили за то, что мы добровольно себя ослабляли.

Окончательное уничтожение остатков сталинской экономики произошло в годы правления М. Горбачёва. В это время закладывалась идейная основа тотальной приватизации 1990-х гг., начался бум учреждения частных коммерческих банков, появились мелкие и средние частные предприятия, всячески пропагандировались преимущества «рыночной экономики» и огульно охаивалась сталинская модель (ей дали уничижительное название «административно-командная система»). Если эксперименты Хрущёва и реформа Косыгина—Либермана способствовали трансформации модели сталинской экономики в государственный капитализм, то реформы Горбачёва подготовили почву для капитализма частнособственнического.

Фонд стратегической культуры

ДВА РАССКАЗА

СМЕРТЬ ОТЦА

Ленька был последним дезертиром в семье: так строгий отец обозвал его в последний вечер, когда посидели за столом и вышли покурить на крылечко. Августовская ночь дышала запахами скошенных хлебов и засахарившейся на корню смородины с малиной в большом неухоженном саду за домом. Ягоду собирали, и большими кастрюлями на временной печке под сарайчиком мать варила всякую всячину, но год удался на садовые кустарнички, и ягода сыпалась прямо на землю к великой досаде отца, Якова Васильича.

— Где-нибудь люди бедствуют без сладкого, а тут всё под ноги. Несправедливо мир устроен.

— Да вы уж перестроили было, да ничего не вышло, — ушипнул его кум Прокопий. — Под коммунизм-то все сроки уходят, а каждому по потребности нету.

Отец не обижался, у них с кумом давний спор, да и не спор вовсе, а повод поговорить по серьезному вопросу: отец с войны партийный, а кум ему в оппозиции, правда, только кухонной. Зная, что тобольский конвой шуток не любит, разбирались дома и тихонько.

ПРОЗА

— Вот ты сам и ответил, почему не дошли до коммунизма. Ты же не сказал, что надо каждому до невозможности работать, чтобы достигнуть, а начал с потребности. И кто тебе чего припас, если ты сам пролежал?

— Где это я пролежал, интересно знать? — вяло возразил Прокопий. Три стопки самогонки расслабили его, он уж и не хотел связываться, да отступить неловко, подумает Яшка, что крыть нечем. — На работу хожу, как все, плотничаю. Чего еще надо? Сказали бы прорабу, как этот коммунизм строить, мы бы его за сезон смаздрячили.

Отец сухо сплюнул, он всегда так реагировал на чью-то глупость, повернулся к Лёнке:

— Не передумал еще на производство ехать?

— Нет, батя, не передумал.

— Плохо тебе дома?

— Батя, ну чего ты опять?

— Ладно, будет об этом. Хлын ты, и дезертир, последний с фронта бежишь.

Ленька уехал в Тюмень, жил у товарища, работал на аккумуляторном заводе. После деревни было тошно, ненавидел очереди на остановках и толчею в автобусах — кругом все чужие, поздороваться не с кем. Платили хорошо, через полгода дали место в общежитии, вроде и в транспорте стало свободнее. Ленька писал домой письма и получал короткие записки от матери, что всё нормально, только отец хмурый, «уж хоть бы загулял, а то и самогонку гнать перестал». Отца было жалко, Ленька вырос около него, летом с трактора не слазил, в кабине и спал в ночную смену. Когда подрос, стал подменять батю: бывало, смену и пропашет, а отец в это время дома работу делает.

Два старших брата после школы тоже в тракторной бригаде работали, а из армии домой не вернулись. Один махнул на Север и сейчас роет траншеи под трубопроводы, второй подался в военное училище и служит как-то странно, в письмах совсем ничего, только жив-здоров. Фотокарточку прислал, отец разобрать не мог, то ли он в форме, то ли в нижнем белье, погон нет, значков нет, не воин, а бич после выпрезвителя. Три года они не бывали дома, мать перестала плакать, отец тоже назвал хлыном и того, и другого, правда, заочно.

После смены Ленька, перепрыгивая через тонкие лужицы на асфальте, зашел в пивнушку. Пиво тут было получше, чем в других местах, может, потому что молодая девчонка торговала, не научилась еще жидким чаем разводить или пенной шапкой прикрывать недолив. Она три кружки, как положено, пускала про кругу, одну отталкивая клиенту, вторую доли-

---

вая, а третья ждала своей очереди: опадала пена, потом — на долив. Такого Ленька и ребята больше нигде не встречали, хотя знакомый по пивной Виссарионич кивал, мол, правильно делает, так и положено. Виссарионичем он не был, это прозвище дали за усы, как у Сталина. Такое впечатление, что он не выходит из пивной — не помнит Ленька, чтобы Виссарионич отсутствовал.

Ленька взял пару кружек и поискал место за стойкой. Виссарионич перехватил взгляд, кивнул. Ленька прошел к нему.

— У меня вобла есть, примыкай, — густо сказал Виссарионич. — Любишь с воблой?

— Откуда! — хмыкнул Ленька. — У нас только карась, с вяленным карасиком пиво хорошо идет.

— Угости при случае. А пока соси воблу, деликатес.

Ленька помял во рту кусочек незнакомой рыбы, никакого удовольствия не испытал, но для уважения кивнул соседу, что хорошо.

— Карася скоро не обещаю, отпуск только зимой, а батю неловко просить, чтобы выслал.

— Он у тебя рыбак?

— Нет, дядя Проня рыбак, а батя на меня злится, что уехал из дому.

Виссарионич важно отхлебнул пива и блаженно зажмурился. Ленька тоже пивнул и закашлялся, не в то горло попало. Помолчали.

— Отец-то старый?

— Старый, к полсотне.

Виссарионич засмеялся:

— Полста для мужика не возраст. Не отпускал?

— Не то, чтобы... Не хотел. Нас трое, братьевьев, а они с матерью вдвоем остались. Скучно, наверное.

— Скучно в кино бывает, а им тоскливо. Тоска, милый мой, самая опасная для человека болезнь. С тоски мрут.

В пивной тихонько гудели мужики, пьяных не было, кружки звенели, и Настенька, так звали буфетчицу, почти не закрывала кран, наполняя кружки. Ленька на нее заглядывался, но боялся, все-таки городская, с которой стороны к ней? Виссарионич спросил:

— Настена нравится тебе? Не темни, и мне нравится тоже, но я стар, а ты поактивней, посмелей. Настя! — крикнул он через весь павильон. — Свежую бочку открывать — меня позови!

— Позову! — крикнула в ответ Настя.

— Ты не спеши с пивом, пойдешь, поможешь ей, вот и познакомишься.

— Да ладно, — безразлично сказал Ленька и покраснел.

Ждать пришлось долго, Ленька совсем было собрался уходить, да Виссарионыч придержал, а потом и Настенька крикнула.

— Пошли! — скомандовал сосед и подхватил Леньку под мышки. — Мы тебе, Настена, вдвоем с другом поможем, друг у меня объявился.

— Знаю такого, частенько заходит. Ты кроме пива ничем не балуешься?

— Нет, что ты, Настена, он не балованный, сельский паренек, скромный.

— Ага, дядя Виссарионыч, все они скромные, пока не стемнело.

— Ты парня не смущай, он и так света не видит. Бери молоток, Леня, выбивай пробку.

Бочку вскрыли, она обдала ароматом свежего пива, жидкость метнулась было в отверстие, но Виссарионыч опытной рукой быстро заткнул его резьбовой пробкой насоса и провернул несколько раз.

— Готово, Настена, торгуй!

— Дядя Виссарионыч, по кружке за услуги.

— Не откажусь, спасибо, дочка. — И, отвернувшись от Леньки: — А к Лёшке-то присмотришь, паренек ладный, да и ты ему глянулась.

Настя потянула Виссарионыча за воротник, дыхнула в ухо:

— Пусть к закрытию подходит, к десяти, передай ему.

Ленька краснел и кивал головой, залпом выпил свежую кружку и побежал в общежитие. Помыться надо и приодеться: такая девчонка, и вроде как не зря присматривался.

На вахте ему молча сунули телеграмму. «Ленька, помираю, торопись, а то нехватишь. Отец». Он много раз перечитал две строки, вахтерша смотрела с сочувствием и молчала. Заскочил в комнату, переоделся, вспомнил о Насте, как о чем-то далеком и несбыточном, спустился на вахту, позвонил на вокзал: из-за утреннего дождя автобус в район не пойдет. Надо выбираться на выезд из города и ловить машину. Оставшиеся от аванса деньги сунул в карман пиджака.

Машин было мало, и они не останавливались. Ленька беспокоился, что стемнеет, тогда вовсе никто не подсадит, он выскакивал на дорогу, но шофера мотали головой: не берут. Остановился «Урал», большая машина с огромным кузовом, в кабине трое.

— Тебе так быстро надо, что под колеса кидаешься? — беззлбно спросил водитель, стоя на подножке. — Куда тебе?

— В деревню под Голышманово, батя при смерти, боюсь, не успеть.

— Ладно, залазь в кузов, там скамейка, только гляди, бочка может покатиться, дорога неважная.

В кузове грязно и много железа, бочка стоит в углу, рядом тяжелые ящики. Не глядя, сел на скамейку, машина тяжело шла по грязной дороге.

«До района доеду, а дальше пешком. Среди ночи какой транспорт... Придется стороной идти, по большаку замучаешься...»

Об отце думать боялся, никак не мог допустить, что тот беспомощен, он же сильный и молодой, зря ляпнул Виссарионычу, что старик. Ленька видел покойников и похороны в деревне, это всегда событие, провожать все приходят. Но отец... Не может он помереть, никак нельзя. Леньке стало так тоскливо на душе, так больно, он заплакал, уткнув лицо в рукав пиджака. Машину тряхнуло, железо оглушительно сбрыкало, бочка подпрыгнула, ударившись о борт, свалилась на бок, крутнулась и скатилась к кабине. Ленька едва успел убрать ноги, вскочил, пододвинул к бочке ящик, успокоился.

Темнело, стало прохладно, Ленька пожалел, что в спешке не взял плащ, кутался в пиджачок, но тот не спасал. Машина вдруг остановилась, шофер высунулся в открытое окно:

— Айда в кабину, там смерзнешь!

Мужики сжались, уплотнились, кое-как сели. Ленька почувствовал себя неловко: стеснил людей.

— Тебе от трассы-то далеко?

— Пятнадцать.

— С отцом что случилось, болел, что ли?

— Нет, не болел вроде. Не знаю, мать писала, что он изменился, но не сказать, чтоб болел.

Они кричали, чтобы перекрыть гул мотора. Ленька вдруг вспомнил слова Виссарионыча про тоску, вспомнил и похолодел: тоска и сгубила его, а тоска потому, что Ленька уехал, совсем один остался батя. От этой догадки Леньке стало стыдно, как будто и впрямь его вина в смерти отца. Он оттронулся от дурных мыслей: «Обойдется всё; батя, может, специально такую телеграмму дал, чтобы я приехал». Эта спасительная мысль ослабила сердце, он ловил ее и не отпускал, она согревала, давала утешение.

Мужики дремали, болтая головами и поминутно вздрагивая. Шофер не обращал внимания на товарищей, машину болтало по большаку, он ворочал баранкой, ставя ее на середину.

— Я тебя довезу до деревни, не переживай, нам все равно к утру надо быть в Ишиме, успеем.

Ленька кивал головой с благодарностью, не понимая, что шофер ничего не видит:

— У меня деньги есть, я заплачу.

— Ладно.

Свернули с большака и поехали лугом, привыкший к тряске, сидевший рядом с Ленькой проснулся.

— Ты, Филя, все-таки поехал?

— Дремай, — посоветовал шофер.

— У тебя подремлешь! Я бы лучше в вагончике покемарил, а не в этом гробу.

Ленька вздрогнул от страшного слова.

— С тебя пузырь, — мужик повернулся к Леньке.

— У меня деньги есть, я рассчитаюсь.

— Деньгами пьян не будешь, ты пузырь ставь.

— Найдем, у матери есть, — ему хотелось, чтобы мужик замолчал. — «Если отец плох, то действительно, мать припасла».

— Ты всегда матерью зовешь? — спросил шофер. — Мамой надо звать, мамой, и никак больше. Понял?

— Я зову.

— Ну, как же? Сейчас назвал матерью.

— Так за глаза.

— Все равно! Мама! По-другому никак нельзя.

Беспокойный мужик добавил:

— Ты вот к отцу едешь, а я мать схоронил месяц назад, потому и вспомнил, как надо звать. Раньше тоже не особо знал.

Шофер взревел:

— Да замолчишь ты, наконец!?

— Молчу! — Мужик уткнулся носом в плечо спящего соседа.

У деревни шофер остановил машину, сказал, что дальше не поедет, не хочет улицу раздавить. Ленька вытащил деньги из кармана и протянул шоферу десятку. Тот отмахнулся и велел скорее вылезать. Мужик проворчал, что остались без водки. Ленька спрыгнул на землю и поскользнулся на липкой грязи. Машина обдала его несгоревшей соляжкой и ушла в темноту.

В ограде дома горел свет, Ленька перебежал на другую сторону улицы, чтобы сразу увидеть ворота: если они открыты, то всё... Совсем не к месту вспомнилась поговорка «Пришла беда — открывай ворота». Вот почему в таких случаях ворота открывают, чтоб все знали, что в этом доме горе. Тесовые ворота были закрыты, сквозь щели высохших досок выбивался свет со двора.

Мать вышла сразу на стук калитки, видно, и не спала, Ленька остановился в потерянности, мать заплакала:

— Третью ночь не спит, мается.

— Медичку вызывали?

— Была, да толку-то... Говорит, надо в район везти, а он запретил. Айда, он ждет.

Отец лежал на большой семейной кровати, да и не лежал, а полусидел на высоких подушках: глаза открыты, тихий ночничок едва светит.

— Батя! — Ленька упал на колени. — Ты чо надумал, тятя? Ты чо?

Отец повернул голову:

— Ленька. Приехал. А братовья?

— Нету их, отец, емя дальше ехать, — сказала мать.

Яков Васильич кивнул:

— Не успеют. Буду без них помирать.

— Тятя!

— Мать, покорми парня с дороги, я отдохну.

Какая еда? Леньку трясло, как в лихорадке, мать налила ему полстакана водки, он выпил немного, занюхал соленым огурцом.

— Я боюсь, мама, — сказал он виновато.

— Да чо уж там, не чужой, своя кровь. Не бойся.

Они опять вошли в комнату, отец кивнул:

— Садитесь рядом. Феша, ты помнишь, как я на тебе женился?

— Помню. К чему это ты?

— Расскажи.

— Ну вот, придумал.

— Расскажи.

— Ну, пришел с фронта, на сеномётке увидел меня, узнал, я тогда совсем молоденькая была, ночью постучал в окошко да и увел.

— А Тришка-бригадир — правда баловался с тобой?

— Ну вот, придумал. — Она смутилась, посмотрела на сына. — Домогался, дак ведь ты знашь, что ничо не было.

— Домогался... Ладно. Ты иди, мать, я с сыном...

Ленька сидел на стульчике рядом с изголовьем, слышал тяжелое дыхание отца, лежащим рядом рушником вытер пот с его лба.

— Водку пил? — неожиданно спросил отец.

Ленька испугался:

— Мама налила, глонул.

— Ленька, слушай и братовьям скажи: пить можно, только ум не надо пропивать. Бойся.

Он помолчал. Залетевший на свет комар звенел над ночником одиноко и тонко. Ночная прохлада вытягивала из комнаты тепло, оно уходило неохотно, прощально шевеля занавески на окнах.

— Ленька, у меня в груди всё сожгло, на работе схватило, кое-как домой пришел. Про мать ты не думай, на ней греха нет, я грешен, доводилось с бабами вошкаться. Еще, сын: не ври никогда, соврать порой выгодней, а ты не ври. Обожди...

Он закрыл глаза. Ленька опять вытер холодный пот с отцовского лба. Кукушка из кухонных часов прокричала три раза. Мать не заходила.

Отец вдруг приподнялся, обеими руками ухватил Ленькины руки, сжал их крепко:

— Ленька, запомни, нет правды на земле! Я знаю, я всю жизнь верил и гордился, что знаю правду, а ее нет. Запомни!

Он откинулся на подушки и затих. Ленька не сразу понял, что отец умер, а когда понял, то не испугался, даже сам себе удивился, что страха нет, провел ладонью по его влажному от пота лбу, как видел в кино, и молча благоговейно смотрел в родное лицо. Мать вошла и вскрикнула, Ленька предостерегающе поднял руку: нельзя кричать и плакать, это он точно знал. Мать села на край кровати и не вытирала слез, они так и капали на расстегнутую отцовскую рубашу.

ВОЛЬДИК

Условия тендера на строительство спортивного комплекса в своём родном городке Владимир Порфирьевич увидел в Интернете случайно, и хоть давно оттуда уехал, а после перевез и родителей, но неожиданная находка как-то встревожила, даже взволновала, ночами вдруг стали приходиться картины, которые никогда до этого не вспоминал. Он окончил строительный институт, дослужился до главного инженера строительного треста, перспективы открывались необозримые, но всё пошло кувырком, у треста не оказалось заказов, потом финансирования, начальник как-то утром сухо с ним попрощался и уехал в Москву, насовсем. Правда, после выяснилось, что он успел продать все запасы стройматериалов, но тогда это никого не взволновало. Владимира Порфирьевича пригласил крупный чин из администрации области и предложил без тени смущения: отдай мне базу комплектации, а всё остальное забирай себе. Как забирать — он не знал, но юристы администрации в несколько дней оформили нужные документы, и три городские организации стали его собственностью.

Скоро «Стройсервис» Венгеровского стал ведущей кампанией в городе, он без труда выигрывал конкурсы на самые выгодные объекты, научился давать на лапу и даже сам устанавливал проценты отката. Новый мэр города попытался приручить бизнесмена званием депутата законодательного собрания, но на встрече в его кабинете поздним вечером Владимир Порфирьевич после рюмки коньяка сказал, что его совершенно не интересует общественное положение, что его задача строить и строить. Мэр вежливо согласился, но тут же возразил: строить Венгеровский будет только тогда, когда этого захочет он. Владимир Порфирьевич быстро сообразил, что тональность надо снижать, и напрямую спросил, сколько надо мэру, в месяц. После минутных торгов сошлись на сумме, и через пару месяцев главный строитель стал депутатом.

Когда коммунистическая газета опубликовала большую статью о мутных делах в «Стройсервисе» с указанием заработной платы каменщиков, монтажников, отделочников и годового дохода хозяина, его отец, фронтовик и партиец, всю жизнь проработавший слесарем в железнодорожном депо, весь вечер крыл сына матом и называл жуликом. Дело кончилось полным разрывом. Владимир Порфирьевич вызвал из деревни сестру, купил ей большую квартиру и перевёз туда отца, назначив хорошее содержание.

Дети выросли и проучились в Европе, но Владимир Порфирьевич не увидел в них помощников и обоих сыновей отправил в столицу, хорошо проплатив их теплые места. Домик себе он построил на первые серьёзные доходы в пяти километрах от города и жил там с женой, тайно от неё имея скромный коттедж в центре для гостей и женщин, с которыми время от времени уединялся, предупредив всех, что уехал по делам. Он никак не вмешивался в политику, не давал интервью и даже издевался над коллегами-депутатами, которые не упускали возможности полепетать с экрана телевизора. У него не было друзей и врагов, ничто за пределами строительного бизнеса его не интересовало, и такую жизнь он считал единственно возможной и интересной.

Известие о строительстве стадиона в родном городке стало всё незаметно менять. Вспоминались школьные товарищи и друзья юности, уютный городок, с которым простился, уходя на службу в армию, и бывал там пару раз, пока учился в институте. Всё давно забылось. Ан нет — вдруг всплыл в памяти одноклассник Толя Синилов, постоянный конкурент на спортивных соревнованиях, в одиннадцатом классе вырвавший у него победу в кроссе на последних метрах, чем вызвал стойкое неприятие и злобу. Ещё невзрачный Витя Кизе-

---

ров вспомнился, оказавшийся соперником в симпатиях к Настеньке, милой и скромной девушке: дружбы с ней искали все парни, но только с Володиёй она гуляла после школьных вечеров отдыха. Витя совсем было выпал из его интересов, но Настенька стала избегать Володи, а на выпускном вечере открыто призналась в чувствах к этому веснушчатому и не особо броскому пареньку. Володя был тогда сильно обижен, напился портвейна и наговорил гадостей Настеньке. Впрочем, с Витей у неё ничего не получилось, ему писал кто-то, что Настенька вышла замуж за своего однокурсника в пединституте.

Понимая, что просто так ничего не бывает, Венгеровский справедливо отнес свое внезапное беспокойство к проискам наступающей старости: всё-таки далеко за пятьдесят, и хоть плоть ещё крепка, два отпуска на заморских пляжах и постоянная забота личного доктора дают результат, но есть ещё нечто, способное перевернуть устоявшуюся жизнь и разбудить чувства, о которых и не подозревал. Скоро стало ясно, что в родной городок придётся ехать и купить право на строительство стадиона. Его не интересовала материальная сторона, пусть даже фифти-фифти сработает на этом объекте, но он его построит, пусть наездами, но побывает в городке: возможно, встретит знакомых, встряхнётся, успокоит душу.

Предварительно договорившись о встрече с главой городка, Владимир Порфирьевич выехал рано утром, чтобы к обозначенным тринадцати часам быть на месте. Водитель Роман, молодой, но за отдельную плату прошедший подготовку в учебном центре спецслужбы, уверенно вёл джип по истерзанной большегрузами дороге. Венгеровский не дремал, вопреки обыкновению, с удовольствием смотрел на выходящие из-под снега поля, на потемневший от набрякших почек лес, радовался чему-то, как будто впервые видел. До родных мест ещё далеко, но волнение уже охватывало его, в таких вот лесках, прострельных, берёзовых, мальчишки почти деревенских пригородов пропадали целыми днями, не просто убивая время, а добывая кой-какое пропитание к скромным семейным достаткам. На берегу вот такой же речушки загорали после купания, тут же ловили окуней и раков. Венгеровский вовремя ощутил слезу, скатившуюся по щеке, подобрал её платком и отвернулся от водителя, чтобы, не дай Бог, не заметил.

Главе города он сказал, что готов на любые условия получения подряда, тот ответил, что наслышан о мощной строительной кампании и будет очень рад, если она возьмётся за комплекс, но его смущает выраженное желание господина

Венгеровского, ведь объект в пятистах километрах от «Стройсервиса» — это такие затраты и сложности управления. Тогда Владимир Порфирьевич открылся: это мой город, и я хотел бы поучаствовать в его обновлении, и тут же предупредил, что вынужденное откровение должно остаться в кабинете.

Глава пригласил специалистов, на широком полированном столе разложили проект, Владимир Порфирьевич быстро оценил степень его сложности, глянул на итоговую цифру сметной стоимости. Когда ушли специалисты, Венгеровский написал на листке и сказал, что даст в заявке эту цену, она значительно меньше сметы, так что соперников не будет. Он тут же добавил, что готов вознаградить хозяев, если его просьба будет удовлетворена. Глава смутился, попросил на эту тему больше разговора не заводить и предложил зайти в конце рабочего дня: к этому времени он постарается решить все вопросы, чтобы дать земляку положительный ответ.

У ресторана он отпустил водителя, потому что хотел побыть один, заказал обед, выпил рюмку коньяка. Обслуга, знавшая своих постоянных клиентов и видевшая шикарный автомобиль гостя, старалась угодить и мешала думать. Он только что ездил к своей школе, её нет, стоят два уродливых коттеджа, но густые заросли черемухи и сирени сохранились в дальнем углу: вот тут пятиклассниками они играли в чикку, а в девятом классе он целовался с девочкой из восьмого, она потом до последнего звонка за ним бегала, но чувства не было, а по-другому юность не может. Как её звали? Валя... Галя... Катя... кажется, Катя. А она любовно звала его Вольдиком, откуда взяла такую форму имени? Скорее всего сама придумала. Венгеровский улыбнулся: какой замечательный пласт своей жизни он упустил, совсем забыл. Хорошо, что случай выпал и свёл с дорогим прошлым. Надо поручить юристам, чтобы нашли одноклассников, а потом устроить встречу, учителей найти, кто ещё жив, расходы он возьмёт на себя.

Владимир Порфирьевич погулял по центральной улице, она не очень изменилась, мало новоделов, старые дома кое-как приведены в порядок, но зелени, как и в те годы, с избытком. Вглядывался в лица, порой попадались напоминавшие кого-то, но он знал, что такое бывает, потому не придавал значения. Да и встречаться с кем-то сейчас не очень хотелось.

Из кабинета главы городка он спускался по широкой мраморной лестнице чуть усталый, но довольный положительным решением своего странного вопроса; глава заверил, что вопрос согласован с губернатором и подряд будет передан

«Стройсервису». Рабочий день окончен, уборщица в синем халате уже трет пол вестибюля, но яркий свет ещё заливает парадный марш. Венгеровский осторожно ступил на влажный мрамор, боясь поскользнуться.

— Вольдик!

Он вздрогнул и остановился, в тот же миг пронеслось в голове издевательское: до глюков довели воспоминания.

— Вольдик, это ведь ты, не исчезай!

Венгеровский оглянулся: уборщица в синем халате с улыбкой далёкой восьмиклассницы смотрела на него. Он кивнул:

— Да, я Венгеровский. А вы — Катя, Екатерина?

Она обрадовалась:

— Да, Катя, а почему ты со мной на «вы»?

Он смутился:

— От неожиданности. Извини.

— Ты откуда приехал? На приёме был? Не переживай, если отказали, они теперь нашего брата не понимают. Говорят, капитализм.

Он согласно кивнул.

— Ты спешишь? Я столько лет тебя не видела! Давай выйдем в сквер, посидим на скамейке. Фрося, я потом домою, ладно?

Они вышли. У Кати только улыбка осталась от прошлого, глаза потухли, лицо посерело, она ссутулилась. И голос тоже остался прежний.

— Как живешь, Катя? — спросил Венгеровский, чтобы хоть как-то поддержать разговор.

— Живу, Вольдик, как все. Пенсия плохонькая, но и за то спасибо. Работаю вот. Муж у меня больной и сын в тюрьме сидит, после Чечни на рынке торгашей погонял. Я после того совсем не своя стала. А ты как?

— Да живу... — неопределённо буркнул Владимир Порфирович и добавил нелепо: — Как все.

— Тоже тяжело, выходит. Сам выкручивайся, Вольдик, сюда не ходи, им не до нас. Я вот бычью голову сегодня купила, у частника, так что и язык целый. А то брала у хачиков — язык выдран, а это же деликатес. Я тебе подскажу, Вольдик, как голову обрабатывать надо, ты свою жену научишь. Первое — проси, чтобы глаза сразу убрали, я не могу, когда она на меня смотрит, жутко. Потом с челюстей мясо ножом срежь, а челюсти выбрось, зубы варить тоже неприятно. Пипку сразу отруби, ни к чему она. Дальше топором разделай коробку и водой залей, вымочи хорошо, в нескольких водах. Мясо тогда красивое делается, белое. Потом варить на тихом огне, часа два-три, только кроме соли ничего не

клады. Пусть остынет — и в таз, кости выберешь, а мясо, мозги, всё, что там есть, через мясорубку пропусти и в банки. Потом хоть суп варить, хоть в кашу добавить, вкусно. Язык я отвариваю и, как картошку от мундира, освобождаю от кожи. А потом в салат вместо колбасы хорошо, колбаса-то сейчас — не пойми что, зато деньжищи... А это натуральное и своё. Запомнил?

Венгеровский тупо кивнул.

— Тебя ждут, наверно. Ты иди. Вольдик, я тебя всю жизнь помню, всё помню до ниточки. Хорошо, что ты со мной не связался, а то мучился бы сейчас. Я, видно, проклята при рождении. Ты иди, мне ещё мыть надо гектар.

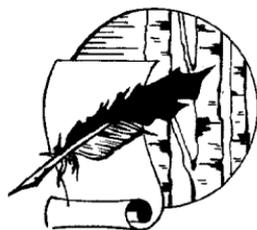
Он встал. Как уходить? Попрошаться или сказать до свидания? Пообещать, что ещё увидимся? Соврать?

— Прощай, Вольдик, ты мне как в награду привиделся. Прощай.

Она не стала дожидаться ответа, медленно пошла к освещённому крыльцу.

В машине он долго крепился, потом обхватил голову руками и завыл. Водитель с испуга резко затормозил, выскочил из машины, открыл дверь со стороны шефа. Владимир Порфирьевич низко опустил голову и рыдал. Роман предусмотрительно отошел в сторону. Через несколько минут шеф окликнул его знакомым командным голосом и приказал забыть всё, что тот сегодня видел.

д. Каратаевка Тюменской обл.

Зоя КОЛЕСНИКОВА

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЛУНА

* * *

На родине другие облака...
Офорт небесный каждый миг иной:
то явится широкая река,
то лес встает темнеющей стеной,
чудной, непостижимый, необъятный...
Чем ближе ночь, тем речь его невнятной...
Глядит провинциальная луна,
вуаль набросить на чело не смеет:
она в своей провинции одна
и час, и век мою судьбу лелеет.
Невидимая птица в камышах,
как тысяча кузнечиков, стрекочет,
и до любви душе один лишь шаг,
который совершить она не хочет...

* * *

Я перестала думать о любви.
И говорить о ней я перестала.
Она в углу, забытая, в пыли
лежать, приговорённая, устала.
Ноябрьский день был полон суеты,
но светлый час напоминал о лете...
И падал луч, и согревал цветы —
те самые, что лучше всех на свете...
Деревья принимали образ твой,
сквозило в них доверие и память.
Подумалось: увидимся зимой.
А если нет? — Погашенное пламя
ни ясеня, ни клена не зажжется.

Напрасно пробивается к ним солнце.
И вот тогда мне очень страшно стало.
И думать о любви я перестала.
Но в храм вошла — и там её застала...

* * *

Наверное, — весна, коль вишня зацвела.
Наверное, — судьба, коль по ночам не спится...
А в ранние часы звонят колокола —
наверное, пора нам о душе молиться.

Мне снился дикий сад. Там тихо. Даже птицы
давно уж не поют, почувствовав разлад:
не надо повторять, что можно притвориться
и даже защититься, пусть без щита и лат.

Тебе сходить с ума, а мне заметно вянуть
среди людей чужих, среди холодных стен.
Шагнуть, чтоб не упасть. Мучительную память
вдвоем стереть с листа. И ничего — взамен.

* * *

Раскрываются почки навстречу грядущему дню...
Никого никогда я в уходе своем не виню,
Ничего он не значит среди многих и множества лет...
Улыбаются мимы, их радует солнечный свет...
Собирая особый весенний нездешний уют,
Средь Галактики звезды как птицы-синицы поют...

Раскрываются ставни... И неба раскрыты глаза...
Где душистые листья, там будет сегодня гроза...
Там разложены ноты на дивной палитре весны,
Накануне тепла в ней цвета и оттенки нежны...
И смешно и нелепо глядеть, как всегда, на восток.
Пробивается к свету живой неуклюжий цветок...

* * *

Мысли о смерти, мальчик,
как суету, гони...
Где твоей жизни ларчик,
там и её огни...

А в небосводе завтра
грянут колокола...
Чем бы ты ни был занят,
ангельские крыла
будут тебя лелеять,
будут тебя беречь...
Будет ещё светлее
в храме от слов и свеч!..
Будут летать букашки,
будет янтарный свет..
Будет совсем не страшно
думать, что смерти нет.

* * *

Когда-нибудь в тебе воскреснет лето,
Как свет всеослепляющий во мгле,
И женщина, воспетая поэтом,
Пройдет по засыпающей Земле.
Но и тогда уже за гранью света,
Как струны, память тихо теребя,
Та женщина, любимая поэтом,
Однажды станет вечной для тебя.

БЕЗ ТЕБЯ

Что вы, деревья, мне скажете?
Что мне нашепчет трава?
В этой пожизненной пажити
тонут и тают слова.
Сохлые тонкие ветви ли,
выводок уток в пруду
самозабвенно поверили
в праздничную ерунду.
Желтое, колкое слишком,
так одичавшее впрок,
смотрит глазами мальчишки,
не выучившего урок.

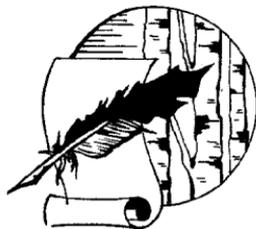
* * *

И вода успокоилась к осени.
В ней лучи, как пчелиные соты,

полонив её, сети набросили
на мои молчаливые ноты.
Прикорнули две лодки. Отрадно им
так лежать и глядеть в небеса.
В поле где-то работают тракторы,
а за полем темнеют леса.
Здесь особое небо. Поверь ему.
О тебе, обо мне, обо всех
всё вместить ему надо, безмерному,
и простить неосознанный грех.
Эту синь так впитали глаза мои,
что, смятенная прежде, душа
по небесным законам-экзаменам
стала жить, и любить, и дышать.

г. Воронеж

Хизри АСАДУЛАЕВ

РЕКА ВРЕМЁН

ЗЕМЛЯ ОТЦОВ

По отцовской земле столько верст безудержно протопав,
В суете серых будней поняв, как страшна суета,
Я заметил не раз — много было великих потопов,
Смыло целые страны, но так же стоит Карата.

Научился дружить... И мой самый надежный товарищ,
Стоя вместе со мною у древних кладбищенских плит,
Удивленно изрек: «Столько было великих пожарищ,
А твоя Карата, молодея, в огне не горит!»

Знаю, много аулов исчезло и горных селений:
То война, то пожары, то скалы трясутся — беда!
Но на отчей земле будто не было землетрясений
И, Всевышним хранимая, гордо стоит Карата.

И когда засыхали поля и не знали соседи,
Чем кормить в лютой голод своих разнесчастных детей,
В Карате находилась хоть горстка какой-нибудь снеди,
И беда отступала в безудержной злобе своей.

Отчего ж так ведется, что вечно здесь всё — честь по чести,
Что здесь дышится вольно и хочется снова вздохнуть?
Каждый мыслит свое... Но давайте подумаем вместе,
Если думают вместе, скорей проясняется суть!

Может быть, потому, что все люди — из разного теста,
И когда для гнездовий себе выбирали места,
Побродив по земле, предки выбрали райское место,
Каратою назвали... Не в этом ли есть правота?

Ну а если враги к Карате приближались со злобой,
И бряцали оружием... Помня про горскую честь,
Поднимались мужчины:
«Травинку здесь тронуть попробуй!...»
Как один поднимались... Секрет, может, в этом и есть?

А красавицы наши?! — Нет женщин нежней и вернее,
Что очаг сохраняли со скорбною складкой у рта.
Пусть заботы сгибали их хрупкие плечи и шеи,
Только пламя не гасло... А в этом и есть правота!

Каратинский язык, на обычаи предков помножен,
Пронесли сквозь века, а в нем слово высокое: «Честь!»
Нам родимое слово в беде и в удаче поможет,
Только помни его... А секрет, может, в этом и есть?

Все три тысячи лет каратинцы характер ковали
И не знали позора... И в Лету струилась вода...
Старики, уходя, молодым свою честь завещали —
Так идет сквозь столетья... А в этом и есть правота!

Снова ветер шумит... Снова звезды гуляют по крышам.
Снова аист приносит в селенье счастливую весть.
Так давайте же мы и потомкам об этом напишем —
Больше нету секретов, лишь память и Родина есть!

РУССКИЕ ПТИЦЫ

*Заслуженной учительнице России В.С. Шилковой,
посвятившей себя обучению грамоте дагестанских детей*

Звенел июнь... В ночи кричали птицы.
Вдали остался вечер выпускной.
В руках — диплом... Но мысли хмурят лица.
Распределенье... Сосланы страной...

О, девушки поры пятидесятих,
Каким вам зрится солнечный Кавказ,
Куда, лишь с чемоданчиком помятым,
Учить детей страна послала вас?

Ведь было прежде столько разных планов —
Москва... Аспирантура... Целина...
А это край мечетей и имамов,
Где между скал лишь зной да тишина.

Твердили мамы: «Пару лет промчатся...
Вернёться... Скоры в юности года...»
И мысли нет, чтоб там потом остаться,
Тем более — остаться навсегда...

О, русские учительницы-птицы,
Вас занесло на Северный Кавказ,
Где дети жаждут русскому учиться,
Где в класс войдешь — полсотни темных глаз

Мгновенно ловят то, что ты сказала,
Гортанно повторяя русский стих,
Врагов Руси свергая с пьедестала,
Рассказов вдоволь выслушав твоих...

Оставить их?.. Уехать?.. Нету силы,
Почувствовав — здесь дом, а не приют,
Когда слабеешь, встретив Исмаила,
И с нежностью в глазах глядит Махмуд.

Когда кувшин с водой односельчанки
Приносят утром: «На, попей-поешь...»
И чувствуешь себя чуть-чуть горянкой,
И детвора не путает падеж.

А там — живой к живому! — письма маме,
Что замуж вышла... Не о чем жалеть.
И первенцу с кавказскими чертами
По-русски колыбельную пропеть...

И годы мчатся... Деток уж четыре...
Да что-то сильно расхворался муж...
Но на уроках — о «Войне и мире»,
И русский стих — родник в любую сушь.

Не уберег и Пушкин... Волос белый...
Все дали черных сделались черней...
И не стара, но рано овдовела...
И родила, но отнял Бог детей...

И снова мысль — уехать... Но могилы
С собою вдаль, увы, не увезешь...
Учительница... Птица... Сиротлива
В великих книгах праведная ложь...

Что им осталось?.. Книги да уроки...
Уйти в себя и жить не напоказ.
Да росчерк в небе чёрных гор высоких,
Да ставший близким Северный Кавказ...

Дверь распахнут, платком прикрыв седины...
Шагают, неприступные на вид.
И слышат, как орел, вспорхнув с вершины,
О чем-то им по-русски прокричит...

* * *

Идут, бегут гурьбой,
Неся в портфелях книжки,
По улицам прямым
И горною тропой,
Беспечно-веселы,
Девчонки и мальчишки,
Забыв, про страшный век,
Про этот рок слепой.

Вдруг рядом ухнет взрыв...
Вчерашний забияка,
Худюш и большеглаз,
Шиит или суннит,
Веселый, разбитной
Мальчишка из Ирака
Останется лежать —
Убит...
Убит...
Убит...

Но детство озорно,
Но детство так беспечно,
Что тянет малышню
Смеяться и играть.
Веселою гурьбой
Бегут под небом млечным,
Чтоб вслед смотрел отец,
Чтоб улыбалась мать...

Но тут опять разрыв...
Качается планета.
И рухнув головой
На злую серость плит,

Мальчонка замолчал...
В живых мальчонки нету...
Из Сирии пацан
Убит...
Убит...
Убит...

О, как кричала мать!
Но толку в этом крике,
Когда заткнули слух
Обамы всех времён...
И материнский крик,
Беде равновеликий,
Лишь в прорези небес
Бедою вознесён.

А, значит, снова взрыв...
От горя гнутся спины.
Почти звериный вой
Над кладбищем стоит.
Двенадцати годков
Пацан из Украины
Наемником шальным
Убит...
Убит...
Убит...

О, женские глаза —
Мне им ответить нечем...
В них отсветы смертей
Неправедных времен.
О, двадцать первый век!
И к власти рвется нечисть,
Своих детей спеша
Отправить за кордон...

* * *

Эх, Река времён, таинственная сила,
Непослушная и страшная река.
Ну, куда же ты, куда ты уносила
Части суши, отрывая берега?

Отрывая по кусочку от Отчизны
И славянские, и прочие края,

Что живут, порой один другим не признан...
Неужели, это Родина моя?

Нынче «ненька Украина» забывает,
Кто ей выкупил поэта-кобзаря...
И дома по Новороссии пылают
Там, где танками раздавлена заря...

* * *

Пять яблонь посадил однажды брат
И был тому с годами сам не рад.

Хоть прожил жизнь, не знал он до этих пор —
Где яблоко, всегда ищи раздор.

Деревья сеткой он огородил —
Не стало тропки, где любой ходил.

Мы так привыкли близким всё прощать...
Тропинки нет?.. Помиримся опять...

Наивные... Увы, не понял брат,
Что от родни не может быть оград.

Зима пуржила... А пришла весна —
Не сетка между нами, а стена.

Стену, конечно, можно обойти —
От сердца к сердцу прерваны пути.

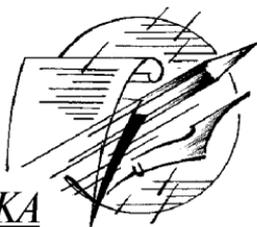
Перевел с каратинского Анатолий Аврутин

Алексей ШВЕЧИКОВ,
доктор философских наук

ВПЕРЕД — К СОЦИАЛИЗМУ

На конференции президента В.В.Путина с российскими и иностранными журналистами в декабре 2018 года ему был задан вопрос: как он относится к идее возвращения России к социализму. Путин ответил, что он не видит смысла в этом возвращении. А между тем, накануне конференции был проведен опрос населения России, который показал, что 66% населения изъявляют желание в таком возвращении, имея, очевидно, в виду, что это будет не калька советского социализма, а его обновлённый вариант, лишенный изъянов как сталинской, так и хрущевско-брежневской эпох. Но если ушедший с исторической арены общественный строй не проклинают и не осуждают, а о нем помнят и сожалеют, что он ушел, значит, в нем было что-то такое, чего нет в том, который пришел ему на смену. В этом случае у людей появляется желание вернуться туда, где человечнее, уютнее, теплее, где человек человеку не волк, а товарищ и брат, где он чувствует свою нужность людям и обществу. Вот и наши люди посмотрели на окружающую их вопиющую социальную несправедливость, на беспощадное воров-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ство, бездушие и цинизм властей по отношению к людям, на беспросветную нищету большого слоя населения — и их охватила ностальгия по прошлому. И начали возникать в памяти его картины, когда ни у кого не возникало проблем хлеба насущного, когда знали, что завтрашний день будет не хуже сегодняшнего, когда все были обеспечены работой и жилплощадью, когда тебе безусловно окажут медицинскую помощь, где бы ты ни жил, когда твои дети гарантированно пойдут в школу по месту жительства, а тебя не лишат работы.

Всё ли было в том социализме гладко и благостно? Разумеется — нет. Немало было и того, чем не принято похвалиться. Но не было главной беды — хамского отношения к человеку, унижения его человеческого достоинства, отношения к человеку как к быдлу, как к твари дрожащей. За высокомерие и хамство чиновников больно били и по партийной и по административной линиям, лишали их должностей. В современной России хамство и унижение страждущих стало повседневной нормой, а с работы увольняют (точнее сказать — изгоняют), даже не объясняя причин увольнения.

Многое изменилось в жизни большинства населения России не в лучшую, а в худшую сторону. Человечность и справедливость в социалистическом советском обществе стояла несоизмеримо выше, чем в современном Российском социальном государстве. При всех его недостатках, жить в нём абсолютному большинству населения было более комфортно, чем в современной России.

Убиение советского социализма

Умер советский социализм не естественной смертью. Его убили. Убило внутреннее разложение советского общества снизу доверху. Активно поучаствовали в этом убийстве и внешние империалистические силы, злобно ненавидевшие первое в мире реальное социалистическое общество. Само его существование стало кошмарным сном для мирового капитала, ибо стало для него реальной угрозой попытки своих трудящихся классов перенять опыт социалистической революции в России. Спасаясь от возможных социальных потрясений, западный капитализм был вынужден поделиться с рабочим классом и другими слоями трудящегося населения частью своих прибылей, пойти на серьезные уступки в социальной и правовой сферах. Цель этих мер была совершенно прозрачной — добиться более высокого уровня жизни в своих странах по сравнению с СССР и этим показать превос-

---

ходство капитализма над социализмом. В материальном смысле им это во многом удалось.

Внешняя политика империалистических стран Запада была устойчиво враждебной по отношению к СССР. Фактически СССР во все годы своего существования находился под гнетом экономических и политических санкций. Они то ослаблялись, то усиливались, в зависимости от слагающейся конъюнктуры, но никогда не отменялись. Другим важным рычагом давления на СССР было навязывание гонки вооружений, которую СССР был вынужден принимать и жить под угрозой реального военного нападения в целях уничтожения первого в мире социалистического государства. Таковы в общих чертах внешние причины, приведшие к краху советский социализм.

Кроме внешних причин, которые по сути второстепенны, советский социализм стал активно разлагаться изнутри. Честно говоря, он начал разлагаться сразу после смерти Сталина, когда к власти прорвался Н.С. Хрущев, авантюрист-реформатор, по серости ума возомнивший себя творцом реального перехода от социализма к коммунизму, провозгласивший, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Было очевидно, что «святая» идея коммунистов, их «голубая мечта» превращается в фарс. Но партия, вышколенная Сталиным, не по уму, а по инерции безусловного подчинения воле вождя, поддержала эту авантюру. Партия сделала вид, что она забыла про гений Сталина, и повиновалась «гению» авантюриста, который никогда в своей жизни серьезно не учился и самообразованием не занимался. Зато умел лихо отплясывать перед Сталиным гопака, а Сталин иногда тыкал его в толстый живот пальцем и задавал многозначительный вопрос, не ожидая ответа: «Ну шо, Мыкыта?»

На десятилетку хрущевского правления задела сталинского социализма еще хватило, а дальше начались сбои. Названная нашими либералами «хрущевская оттепель» закончилась, начался т.н. «брежневский застой». А движение к «светлому будущему», стало базой для острословов. Партийная и советская верхушка стала активно разлагаться. Экономическое развитие затормозилось, а Запад, наоборот, наращивал темпы развития. Стала очевидной необходимость проведения радикальной экономической и политической реформы, на чём настаивал А.Н. Косыгин, но Политбюро его не поддержало. Выходит, что руководство КПСС осознанно притормозило экономическую реформу, чтобы дать народу «спокойно пожить». Но как можно спокойно жить в

век автоматизации производства, когда твой вероятный противник успешно занимается автоматизацией, а ты в это время пребываешь в состоянии сладкой полудрёмы и ждешь у моря погоды. Очевидно, что ты отстанешь и будешь битым. Скоро стало очевидным то, что СССР не в состоянии тянуть на себе одновременно: социалистический лагерь, многие страны «третьего мира», международное коммунистическое движение, Варшавский договор и тягаться с блоком НАТО в гонке вооружений и в космосе.

Вера в «светлое будущее» и в то, что мы «догоним и перегоним» развитые капиталистические страны по всем показателям, из народа ушла, стал уходить и трудовой энтузиазм. Народ омещанивался, началось рвачество, кумовство, коррупция, теневая экономика и прочие «прелести». Приход к высшей власти М.С. Горбачева породил вначале иллюзорные надежды на то, что погруженная в полусонное состояние страна встряхнется, расправит плечи, засучит рукава и, как в годы первых пятилеток, начнет ударную работу по восстановлению утрачиваемого могущества и величия. Не получилось.

К руководству партией и страной пришел не патриот-новатор, а заурядный предатель, который сдал страну Западу и положил начало перехода социалистического Советского Союза в капиталистическую Россию и среднеазиатский феодализм. Под непосредственным руководством западных (в основном американских) советников, новая российская власть учинила разгром советского промышленного потенциала, передала за символическую плату в частную собственность гиганты советской промышленности, угольные разрезы, нефте- и газодобывающие предприятия. У частных лиц, завладевших всем этим богатством, появились баснословные деньги. Начал формироваться отечественный олигархат. Быстрыми темпами пошел процесс невиданного социального расслоения общества. Стала формироваться правящая элита. Россией начинали править денежные мешки.

Современная российская правящая элита, снизу доверху вскормленная правовым, финансовым, экономическим и политическим «беспределом», сосредоточила в своих руках огромные богатства, нажитые, как правило, нечестным путем. Ошалевшая от дармовых денег и приобретенного имущества, она не слышит биения пульса своей страны и своего народа, которые потеряли для нее всякую ценность. Но и биения пульса всей современной цивилизации, внутри которой происходят потрясающие глубинные изменения, дающие основания говорить об исторически скором закате денежно-

---

материальной капиталистической системы, уничтожающей сегодня земную цивилизацию и человека как Божьего творения и превращающей его в «кочевника», полуробота с последующим полным исчезновением его с лица планеты Земля, — она тоже не слышит. Вот куда нас хотят увести либеральные вожди и постоянно растущие численно наши отечественные миллиардеры-интернационалисты и безбожники-либералы, торгующие своей страной оптом и в розницу, продажное чиновничество, постоянно путающее свой карман с государственным, прикрывающее свою профессиональную непригодность густой демагогией. Ни христианская духовность, ни христианская нравственность к этой либерализованной публике никакого отношения не имеют, ибо либерализм — это тот же атеизм, только припудренный демагогией о свободе, демократии и прочих «либеральных ценностях». Либерализм — безусловный и коварный враг религии. Атеистическое безумие, допущенное советским социализмом, должно быть забыто, как кошмарный сон, как позорная и трагическая страница в книге нашей истории. Ленинский «воинствующий атеизм» внёс большую лепту в бесславную кончину советского социализма. Трагические страницы мировой истории раскрывают нам картину великих потрясений, вызванных нарушением Христовой заповеди: отдавать телесную жизнь земной власти, а духовную — Богу.

Но правящие элиты Запада посчитали, что они ничего не должны отдавать христианскому Богу, ибо христианство не их религия, а религия бедных. Под этим лозунгом и начался процесс расхристианивания Западной цивилизации, замены христианства либерализмом.

Христианство — религия бедных и угнетенных

Христианство родилось как религия народных низов, бедных людей. Когда богатый юноша пришел к Христу и спросил его, что он должен сделать, чтобы стать его учеником, Христос ответил: всё, что имеешь, раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною. В процессе своих проповедей и других форм обращения к людям, слушающим Его, Христос постоянно подчеркивал, что Его речи и мысли обращены прежде всего к простому народу, его тяжелой доле в земной жизни. Он давал ему надежду на то, что за тяготы земной жизни Бог воздаст великую милость простому народу: сделает его обитателем Царства Небесного, и рассказывал притчу о нищем Лазаре (Лук. 16: 20-26).

Социализм тоже озабочен прежде всего положением низших слоев населения, но, в отличие от христианства, он обещает бедному, эксплуатируемому господствующими классами трудовому населению счастливую, полноценную жизнь не на небе, а на земле. Вопрос о том, кто здесь больше прав: религия или социализм, — бессмысленный вопрос, ибо *хлеб и дух* — два главных условия жизни человека как человека. Когда его лишают хлеба насущного, он умирает физически, когда его лишают религии и культуры, он умирает духовно и превращается в животное. Решить позитивно проблему гармонического соединения материальной и духовной жизни за всю семитысячелетнюю историю земной цивилизации человечество так и не смогло. Пожалуй, ближе всех к ее решению были древние египтяне, создавшие первую в истории человечества духовную цивилизацию. В.В. Розанов с восторгом и сожалением зафиксировал этот факт такими словами: «Всё началось в Египте и всё закончилось в Египте».

Новый шаг к преодолению разрыва целостности материальной и духовной жизни человека предприняло христианство. Оно отвергло претензии на светскую власть. Уже при испытании Христа в пустыне, когда искуситель разложил перед Христом все царства мира и их славу и предложил Христу царствовать над ними, Иисус ответил: «Отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Мф. 4: 10).

Иисус словом и делом дал понять, что Он ни под каким предлогом не хочет обладать мирской властью. Когда иудеи увидели и убедились, что Иисус творит чудеса, непосильные земному человеку, то они посчитали, что Он и есть тот Мессия, которого они так жадно ждали, ибо считали, что он станет их Царем и освободит их от ига римлян. Иисус же отвергал такое толкование своего предназначения и говорил: «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф. 20: 28).

Отвергая личное участие в осуществлении мирской власти, Иисус, тем не менее, не отвергал мирской власти и считал ее необходимой.

После рождения Византийской империи ее первый император — Константин, приняв умом и сердцем христианскую веру, посчитал, что вопрос взаимоотношений государства и Церкви есть вопрос наиважнейший. Государство должно как зеницу ока оберегать Церковь от внутренних разногласий, подрывающих не только ее, но и государство. В процессе имперского строительства в Византии сформировались твер-

---

дые представления и принципы взаимодействия мирской и церковной властей. Обе эти власти, несмотря на различие в предназначении и исполняемых функциях, решают одну общую задачу — достижение благоденствия жизни в своей империи. В процессе развития и накопления опыта соработничества государства и Церкви в Византийской империи сформировался принцип симфонии властей. Исходя из этого принципа, «Патриарх обязан предостерегать императора и наставлять его на путь истинный в случае греха, — считал Патриарх Фотий, — потому что, если ошибки царя и властей останутся не изобличенными, народ легко приходит к подражанию недолжному; наоборот, при надлежащем вразумлении главы государства народ, склонный к преступлению, удерживается от подражания злему». «... Патриарх есть живой образ Христа, запечатляющий истину в словах и делах. Цель Патриарха в поддержании религиозности и нравственной жизни между порученными ему от Бога людьми». «Император есть законное предстательство, благо всех подданных, он наказывает и награждает всех без пристрастия. Его задача — благодеяния. При этом он обязан приводить в исполнение все заповеди Священного Писания, определения семи святых Вселенских Соборов. В Православии и религиозной ревности Император должен отличаться перед всеми. При издании законов он должен утверждать существующие обычаи, но противные канонам нравы не должны быть терпимы». Кроме того император должен был воздерживаться от вмешательства в дела Церкви. (Лебедев А.П. История Византии. М., 2005, с.17—18).

«Симфония властей» в Византии не стала просто благим пожеланием Церкви или государства, она была закреплена законодательно в «Шестой новелле» свода государственных законов Византийской империи по инициативе выдающегося византийского законодателя, императора Юстиниана Великого в середине VI века. Предисловие к «Шестой новелле» гласило: «Величайшие дары Божьи, данные людям высшим человеколюбием, — это священство и царство. Первое служит делам Божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят от одного источника и украшают человеческую жизнь... Когда священство беспорочно, а царство пользуется лишь законной властью, между ними будет доброе согласие», т.е. симфония.

Шестая новелла законодательства Юстиниана — документ исключительной глубины и смелости. Он не только не устарел за давностью веков, а приобрел сегодня снова актуальное значение и современное звучание. К сожалению, утвер-

---

дить принцип симфонии властей, в качестве постоянно действующего в Византийской империи не удалось. Подавляющее большинство византийских императоров открыто отвергли этот принцип, ибо он мешал их произволу и распушенности. Константинопольские патриархи, наоборот, стремились к его реализации как буквы закона государства. Можно совершенно безошибочно утверждать, что не будь в Византии господствующей христианской Церкви, империя не продержалась бы и 300 лет, а она простояла более 1000. Этот исторический подвиг христианской Церкви в Византии можно объяснить двумя факторами: наличием нерушимого духовного фундамента, созданного святыми отцами Восточной христианской Церкви и ее безусловной широкой поддержкой своей паствы. Благодаря этой поддержке были отбиты все попытки мирской власти очернить Церковь и ее иерархов. Церковь выдержала, направленные на нее удары и выстояла в этой неимоверно трудной борьбе за правду Христову.

Византийская христианская (православная) Церковь выстояла не только в борьбе с самодурами и извращенцами императорами. Она выстояла в борьбе за чистоту христианской веры с западной (римской) христианской Церковью и сохранила свою самостоятельность. Вместе со своей паствой она вынесла шесть грабительских крестовых походов, добывающих тысячелетнюю империю. Великой заслугой Византийской православной Церкви является то, что она взяла под свое крыло процесс христианизации Древней Руси, которая в последующем стала ее преемницей, Третьим Римом. Своими корнями Русское Православие уходит в византийскую почву и держится на ней. Это подтверждает и то, что мы, спустя пятьсот с лишним лет после гибели Византийской империи, обращаемся к ее христианскому достоянию — принципу «симфонии властей».

Возможно, что реанимация этого принципа, рожденного в шестом веке от Рождества Христова, покажется надуманной, не имеющей под собой достаточных оснований. Мы же считаем, что именно восстановление и реализация этого принципа позволит нам нормализовать и укрепить уважительные, плодотворные для общества отношения между государством и Церковью, реанимировать и усовершенствовать бывший советский вариант социализма, вернуть религии в новом социализме ее законное место главной духовной силы общества, не заменяемой никакой идеологией. Нам необходимо глубоко и всесторонне уяснить, как и в силу каких причин государственная власть, установленная после победы социалистической революции в России, где абсолютное большин-

---

ство населения было религиозно, власть принимает решение в сжатые сроки вырвать с корнем религию из сознания и жизни 130 с лишним миллионного населения России. При этом речь шла не об уничтожении только Православия — религии государственнообразующего русского народа. Под каток уничтожения подпадали все без исключения религиозные организации, действовавшие на территории бывшей Российской империи.

По решению богоборческой власти место главной духовной силы в обществе должна была занять атеистическая идеология, именуемая марксизмом-ленинизмом. И здесь еще раз стоит напомнить о том, что позиция основоположников марксизма по освобождению социалистического (коммунистического) общества от религии существенно отличалась от позиции Ленина и Троцкого с их ненавистью к религии и стремлением к ее уничтожению. Маркс и Энгельс не призывали к насилию над религией, тем более к варварскому уничтожению религии и ее служителей как опасного классового врага. Они считали, что религия постепенно будет терять свое влияние. Кроме того, они обращали внимание на наличие общих целей и средств между христианством и социализмом. В работе «К истории первоначального христианства» Энгельс писал, что в своем начале христианство выступало как религия униженных и угнетенных. Он писал далее, что «христианство и рабочий социализм» проповедуют грядущее, хотя видят его по-разному: христиане — в Царстве Божьем на небе, а социалисты — в радикальном переустройстве общества на земле. Общее между ними и то, что и те, и другие «подвергались преследованиям и гонениям. Их последователей травили, к ним применяли исключительные законы: к одним — как к врагам рода человеческого, к другим — как к врагам государства и общественно-го порядка. И вопреки всем преследованиям, а часто даже непосредственно благодаря им, и христианство и социализм победоносно прокладывали себе путь вперед» (Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9 т. Т. 6. М., 1987, с. 431).

Энгельс утверждал, что параллель между христианством и движением народных низов просматривается не только на начальном этапе истории христианства, но и в Средние века в крестьянских восстаниях и восстаниях городских плебеев. «Эти восстания, — писал Энгельс далее, — как и все массовые движения Средних веков, неизбежно выступали под религиозной оболочкой, в форме борьбы за восстановление первоначального христианства...» (там же, с. 432).

Несмотря на явно выраженную симпатию к бедным, христианство — религия, а не политическая партия. Оно не при-

---

зывало к насильственному разделу имущества и репрессиям против богатых. Но оно призывало богатых делиться частью своих доходов с бедняками. Оно осуждало несправедливость социального неравенства и предупреждало, что богатому трудно надеяться на место в Царстве Небесном. Оно предупреждало богатых устами апостолов и пророков, что Бог не на их стороне, потому что бедные богаче их верой. Обращаясь к своей пастве, апостол Иаков говорил: «Послушайте, братия мои возлюбленные: не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его? А вы, — обращался он к богатым, — презрели бедного. Не богатые ли притесняют вас, и не они ли влекут вас в суды?» (Иак. 2: 5-6).

Попытки соединить социализм с христианством, точнее — построить социализм на христианской основе не прекращались и в индустриальную эпоху. И это не случайность, ибо люди чувствовали и понимали, что христианство по своим корням, по своему духу социалистично, что оно и есть первый защитник простых людей-тружеников, больных и несчастных, всех, кому тяжело живется в этом несправедливом земном мире. Этим и объясняется тот факт, что даже в период расцвета капитализма (60-е годы XIX века) в Европе развернулось массовое христианское движение с программами, ссылающимися на христианские ценности. Эти организации ставили перед земной властью требования государственного вмешательства в социальные отношения с целью их более справедливого устройства, требовали более широкого развития благотворительного движения и иных социальных преобразований. Однако западная (католическая) церковь, погрязшая в земных грехах и внутреннем нестроении, раскололась на две конфессии и очень серьезно подорвала свой авторитет в обществе. По причине этого появились идеи серьезного обновления христианства как религии будущего. Так считал и Сен-Симон, призывая к созданию «нового христианства». Обращаясь к пастве будущей религии, он писал: «Государи! Внемлите гласу Бога, говорящего вам моими устами: станьте вновь добрыми христианами, перестаньте считать наемные армии, дворянство, еретическое духовенство и нечестных судей своей главной опорой. Объединенные во имя христианства, сумейте выполнить все обязанности, которые оно налагает на власть имущих. Помните, что оно предписывает употребить все силы на то, чтобы как можно быстрее увеличить социальное благополучие бедняка» (Утопический социализм. Хрестоматия. М., 1982, с. 236).

Сен-Симон считал, что у обновленного христианства главной социальной задачей должно быть увеличение социального благополучия самых бедных слоев населения. Советский социализм осуществил эту его мечту. На заключительном этапе существования первого в мире социалистического общества в нем не было ни голодных, ни бездомных. Не было и богачей, кроме подпольных «цеховиков», которые преследовались по закону. Это было впервые в истории человечества — таким был уровень социальной защищенности, справедливости и заботы о людях в первом в истории человечества социалистическом государстве. Многие социалистические ценности жизни в СССР вполне совпадали с христианскими ценностями. Это совпадение подтверждало генетическую связь христианства и социализма. Однако вместо того, чтобы укреплять и развивать эти ценности совместными усилиями религии и мирской власти и достигать значительных результатов в их практическом осуществлении, «руководящая и направляющая сила» советского социалистического общества — Коммунистическая партия попыталась убедить общество в том, что религия не только не соратник социалистическому государству в строительстве социализма, а его опасный и злобный враг, который подлежит полному уничтожению. Это была одна из самых тяжелых и трагических ошибок советской власти. Естественно, что при такой установке ни о какой симфонии государства и Церкви не могло быть и речи.

Иная ситуация образовалась в России в настоящее время. Ее главное отличие от ситуации советского времени состоит в том, что государственные гонения на религию прекратились. Быть верующим перестало быть позорным.

В 1993 году была принята Конституция уже капиталистической России, замаскированной под «социальное государство». Статья 14-я Конституции гласит: «Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». Тут ничего нового не произошло. Это же самое было записано в первой программе РСДРП(б). Это то же самое, что записано во всех Конституциях буржуазных демократий Европы и Америки.

Искренних, заинтересованных, равноправных государственно-церковных отношений в западных странах не сложилось. Католическая церковь возомнила себя земным бо-

---

гом и посчитала, что ей всё позволено. Для того чтобы пресечь церковный волюнтаризм, западные демократии пошли на радикальную меру — законом отделили церковь от государства.

Не обошлась без проблем в церковно-государственных отношениях и наша Православная Церковь. Во второй половине XVII века, в 1652 году, Патриархом Московским и всея Руси стал митрополит Новгородский Никон — близкий друг царя Алексея Михайловича. Человек активный, деятельный и достаточно хорошо богословски образованный, Никон начал жестко и настойчиво наводить порядок в Церкви. Одним из главных направлений своей деятельности он избрал *сверку* текстов богослужебных книг РПЦ с текстами греческих богослужебных книг. Сверка показала, что русские тексты не согласуются с греческими. Взяв греческие тексты за эталон, Никон распорядился внести поправки в богослужебные книги РПЦ, опираясь на греческие тексты. Это вызвало непонимание и возмущение части церковного клира. Началось открытое сопротивление этим новациям в церковной жизни. Никон, в свою очередь, начал репрессии против бунтовщиков. Знаменем оппозиции стал протопоп Аввакум, который в своем «Житии» описал те нечеловеческие муки, которым подвергся он сам и его семья за преданность старой вере.

По всей стране началось массовое сопротивление верующих никоновской религиозной реформе. Начались массовые самосожжения сторонников старой веры в срубах. Итогом раскола стало создание «древнеправославной старообрядческой церкви» во главе со своим Патриархом. Это была трагедия не только РПЦ, но и русского православного государства и народа. И, как потом оказалось, это убило всякую надежду на устроение в православной России симфонических отношений между Самодержавной властью и Православной Церковью. А между тем именно в эту эпоху возникла такая ситуация внутри православного русского царства, когда в нем были реальные предпосылки для утверждения симфонических отношений между царской и церковной властями. Царь Алексей Михайлович был человеком богобоязненным, глубоко и искренне верующим и истово почитающим все церковные обряды. Вот что написал об этом архидьякон Павел Алеппский — родной сын Патриарха Антиохийского Макария, который в середине XVII века с делегацией посетил Московское царство. Посещение было длительным, и поэтому делегация имела возможность увидеть своими глазами все стороны православной жизни в Московском

царстве. То, что они увидели, потрясло их, и они сделали заключение, что такого верующего народа, как народ Московской Руси, в православном мире больше нет. Особенно поразили их своей верой царь Алексей Михайлович. Вот что написал о религиозности русского царя архидьякон Павел: «На богослужении, — сообщает архидьякон, — он стоит от начала обедни до конца с непокрытой головой, как всякий другой человек, и непрестанно кладет поклоны перед иконой... ударяя челом о землю с плачем и рыданием. Так поступает он перед людьми. Внутри же своего двора он и царица, как рассказывают, ведут образ жизни превосходнейший, чем святые, в постоянном бдении и молениях в своих церквях по целым ночам. То, что мы сообщили, составляет лишь малую долю слышанного нами о царе и виденного своими глазами» (Павел Алеппский, архидиакон. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алепским. М., 2005, с. 329—330).

Таких боголюбивых царей, как Алексей Михайлович, среди Романовых больше уже не было. Первые годы совместного управления Московским царством царем Алексеем и патриархом Никоном вполне можно назвать симфоническими. Они были искренне привязаны друг к другу. Царь называл Патриарха «собинным другом», т.е. самым близким, дорогим ему человеком. Они сообща решали важные государственные вопросы, обсуждая их заранее, всемерно поддерживали друг друга и публично демонстрировали свои братские отношения. И государственные дела пошли хорошо, как внутренние, так и внешние. К сожалению, эта благодать в отношениях царя и Патриарха продолжалась недолго. Начало охлаждения, как считают многие исследователи жизни и деятельности царя Алексея и Патриарха Никона, положил Патриарх. Никон, будучи человеком властолюбивым и гордым, стал требовать к себе особого внимания и почитания. Он, в частности, потребовал называть себя, как и царя, Государем. С окружением царя вел себя высокомерно, часами держал в прихожей пришедших к нему на прием высокопоставленных бояр из знатных родов. В отношениях с людьми часто проявлял грубость. Это поведение Патриарха вызвало ропот у московской знати, которая стала требовать у царя укротить спесивого Никона. Царь не мог не реагировать на эти претензии своего окружения. Отношения царя и Патриарха стали омрачаться, а потом испортились окончательно. Так бесславно закончился первый опыт российской симфонии властей. А сын Алексея Михайловича — Петр вообще уп-

---

разднил патриаршество и тем закрыл проблему симфонических отношений Церкви и государства в России. Он вообще закрыл Церковь как самостоятельную организацию и подчинил ее государству, назначив вместо избираемого Церковным Собором главы Церкви Патриарха государственного чиновника — обер-прокурора. Чтобы как-то подретушировать насильственный захват власти над Церковью, Петр милостиво разрешил создать при Церкви коллективный орган, состоящий из священнослужителей и названный Священным Синодом. Но этот церковный орган не мог давать Церкви никаких распоряжений, не одобренных его главой — обер-прокурором. Это «пленение» Церкви продолжалось до 1918 года и закончилось страшным погромом и чуть не полным уничтожением РПЦ и других конфессий, действовавших на территории бывшей Российской империи. Большевики не только не собирались сотрудничать с религией в той или иной форме, а провозгласили своей целью полное уничтожение всякой религии.

Сегодня, может быть, как никогда, со времени святого князя Владимира — Крестителя Киевской Руси, мы не стояли так близко к возможности реализации принципа симфонии в отношениях государства и Церкви. Кому-то это утверждение о такой возможности покажется бесплодным мечтанием или, хуже того, авантюрой. Напомним скептикам, что у Бога всё возможно, когда речь идет о добром деле. Но реализация этого доброго дела возлагается на людей, которые проникаются непреклонной верой в то, что такая реализация возможна. Вот и мы, православные люди, должны проникнуться глубокой верой и убеждением в том, что истинный социализм может быть устроен не на атеистических основаниях и принципах, а на прочной и нерушимой основе христианского вероучения, в котором есть вся полнота земной жизни человека и пути в жизнь вечную. Надо признать, что несмотря на воинственные отвержения христианских принципов жизни, коммунистическая идеология и пропаганда была вынуждена принять на вооружение многие христианские ценности, часто жульнически выдавая их за свои.

Время работает на социализм

Наша убежденность в возможности возвращения России к обновленному, «симфоническому социализму» основывается не только на благих пожеланиях и вере в «светлое будущее». Она рождается на основе учета целого ряда действующих как внешних, так и внутренних факторов, способных

активно повлиять на превращение этой идеи из возможности в действительность. Какие конкретные факторы мы имеем в виду? Начнем с того, что в мире на различных уровнях звучат признания того, что индустриальный уклад отжил свой век, а вместе с ним отжили и его формы. Переход к новому информационно-цифровому укладу (цивилизации) произойдет в мире, ориентировочно, в течение последующих 25—30 лет. Остановить процесс распада денежной цивилизации никто (в том числе и США) не может, ибо здесь действуют законы, не подвластные человеку. Никто пока, более или менее определенно, не обозначил те формы, в которых будет функционировать грядущая цивилизация, то есть каким будет государство, какие формы собственности будут определяющими, что будет представлять собой политическая система и т.д. А главное — как будет чувствовать себя в новой социальной системе человек, какое место в ней он будет занимать и как изменятся его функциональные обязанности и возможности? Если новая цивилизация будет социально справедливой не на словах, а на деле (т.е. реально социалистической), то нам (России) будет значительно легче ее освоить, имея свой 70-летний опыт социалистического строительства. Нет сомнения в том, что либерально-глобалистские силы будут делать всё, чтобы затормозить или сорвать естественное движение процесса развития мировой цивилизации, или, по крайней мере, не допустить в него дух социализма. Но нет сомнений и в том, что если страны и народы примут социалистическую идею и начнут строить у себя социализм или что-то подобное ему, это строительство займет значительный исторический период. Но в том, как пойдет этот процесс, много неясного и неопределенного.

Однако ясно и определенно то, что в случае выбора новой парадигмы развития земной цивилизации странами и народами мира в форме социализма, Россия должна стать духовным лидером процесса социализации мира. И дело не в том, что мы страстно хотим этого лидерства, что нас охватывает некая гордыня быть водителями человечества, а в том, что мы, во-первых, имеем горький опыт урезанной при социализме духовности, когда насильственным путем из духовной жизни общества была удалена ее основа — религиозная составляющая. Жестокая расправа над Церковью дорого обошлась советскому социализму и, несомненно, стала одной из главных причин его гибели. Мы считаем, что наш трагический опыт станет наглядным уроком не только для нас, но и для тех стран и народов, которые встанут на путь социали-

---

стического строительства. Они должны хорошо понять, что ставить религию вне закона — преступно и наказуемо.

Сегодня в мире складывается такая ситуация, которая вполне может подойти под известную ленинскую формулу: «Верхи не могут, а низы не хотят жить по-старому». Человечество сосредотачивается и осознает, что дальше в таком мире, где царит культ грубой силы, беззаконие и произвол, вопиющая социальная несправедливость, жить нельзя, что нужны радикальные перемены. И они грядут. Они уже фактически начались.

Капитализм уходит с мировой арены вместе с американским долларом. Вместе с ними рушится его духовный стержень — рационализм, бывший методологической основой научного познания в течение почти 300 лет. Он стал также методологической основой атеистической критики религии. Он загнал в угол чувственную сторону познания жизни человека и сделал последнюю бесчувственной. Рационализм санкционировал превосходство материального над идеальным, рационального над чувственным. Он растлевал душу и превозносил разум. Просвещенный разум творил чудовищные преступления. Рационализированный Запад Европейского континента, используя свое техническое и военное превосходство, создал огромные колониальные империи. Он выжимал из колонизированных им стран все жизненные соки, наживая на этом огромные богатства. Рационализм бесчувствен и потому безжалостен. Духовно он атеистичен и претендует на абсолютную истину. Однако Б.Паскаль предупреждал, что существует бесчисленное множество вещей, превосходящих разум, находящихся, следовательно, за пределами возможностей их познания разумом. С уходом с исторической сцены индустриальной цивилизации и приходом новой информационно-цифровой роль человеческого разума в функционировании общества значительно ослабнет в связи с тем, что многие операции рационального порядка станут выполнять роботы. Новая цивилизация не будет рационально-материалистической, какой была уходящая. Она будет душевно-духовной.

Чувственная сторона жизни станет приоритетной и оттеснит на второй план рациональную сторону жизни. Центр земной цивилизации неизбежно сместится с Запада на Восток, то есть в Азию. Основой этого Центра станет союз России, Китая и Индии. Тут уместно вспомнить ленинское пророчество о том, что будущее земного мира зависит именно от союза этих великих держав. В связи с актуализацией чувственной стороны жизни произойдет своеобразная религиозная

революция, ибо всякая религия стоит на вере, вера — на обряде, а обряд — на чувстве. Рациональная сторона религии второстепенна. Для того чтобы стать глубоко верующим человеком, не обязательно знать доказательства Фомы Аквинского о бытии Бога. Чтобы стать истинно верующим человеком, мало признать факт того, что Бог действительно есть. Это признание — еще не вера и даже не полверы. Настоящая вера приходит к человеку тогда, когда почувствует Бога в своем сердце, в своей душе.

Трагедия русской веры в том и состоит, что ей никогда не удавалось добиться такого состояния, когда бы она неразрывно соединила в себе рационализм и чувственность. Что показала наша религиозная история? Когда мы опирались в своей христианской (православной) вере главным образом на ее чувственную сторону в духе восточной (византийской) традиции, оставив в тени ее рациональную сторону, мы добивались поразительных высот в вере. Но это, несомненно, было крайностью, а крайность неизбежно порождает тяжелые последствия. В нашем случае она привела Церковь к расколу. Внешне раскол был вызван стремлением Патриарха Никона провести сверку богослужебных книг и внести в текстах старых книг исправления. А если брать глубже, то можно было рассматривать этот акт как попытку подложить *рациональную бомбу* под основы установившейся веками обрядовой веры. Такой бомбой стала деятельность Петра I, который существенно разбавил заснувшее после раскола русское православие *протестантским рационализмом*. Он похоронил мечту РПЦ о симфонических отношениях между Самодержавной властью и Православной Церковью. Результат рационалистического пленения Церкви, издевательство над ее обрядовой стороной был трагичен. Лишенная своего главы, Патриарха, Церковь оказалась в плену Самодержавной власти, лишилась самостоятельности и свободы. Она стала одним из элементов государственной структуры, подчиненной царю. Церковь ушла в себя, в свой внутренний мир, в ней снова восторжествовал дух обрядности в ущерб рациональной стороне веры.

До сих пор так и не удалось ни западному, ни восточному христианству достичь истинной гармонии в вере. Западное христианство болело рационализмом, а восточное — чувственностью. А в итоге одно и другое болели односторонностью. Истоки этой болезни надо искать во взаимоотношениях государства и церкви, материальной и духовной жизни. Если государство отделяет от себя религию с помощью закона, оно фактически признает свое безразличие к духовной

сфере жизни своих граждан, ибо именно религия является главным носителем духовности, ее наставником, ее истоком. Отделение религии от государства есть одновременно отделение ее от светской культуры, духовной основой которой она является, основой, а не элементом культуры, как считают многие современные культурологи — как зарубежные, так и отечественные. Нет сомнения в том, что отделение церкви от государства наносит непоправимый ущерб многим, если не всем, сферам жизни общества.

К сожалению наши либеральные «всечеловеки», рвущиеся в колонну «цивилизованных» государств, поспешили вписать в Конституцию России главу 14, которая гласит: «Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». Понятно, что при наличии такой статьи в Основном законе страны говорить о симфонических отношениях между Церковью и государством — пустое дело.

В западном мире проблема симфонии властей не стояла никогда. Западное христианство прошло два этапа церковно-государственных отношений. На первом этапе всю полноту власти захватила римская (католическая) церковь. После религиозной Реформации и раскола этой церкви на две конфессии светская (государственная) власть овладела всей ее полнотой, церковь была отделена от государства. Освободившись от непосредственного влияния церкви, буржуазное государство дошло до того, что стало доказывать непричастность христианской Церкви к развитию Западной цивилизации. Сегодня наступает время, когда Западу придется платить по счетам за массовые уничтожения коренных народов Азии, Африки и Латинской Америки, за развязанные войны на территории самой Европы. Расплата может оказаться очень тяжелой. Ждать осталось, по всей видимости, недолго.

Что касается России, то возвращение народа в Церковь у нас началось сразу после падения богоборческой советской власти. Фактический запрет на религию был снят. В стране началось настоящее религиозное возрождение. За эти 30 лет в стране восстановлены и построены тысячи храмов. Восстанавливаются старые и создаются новые приходы. Растет число прихожан, всё больше заполняются верующим народом православные церкви. Главной религией России и русского народа остается Святое Православие. Русская Православная Церковь, восставшая фактически из руин, набира-

---

ет былую силу и авторитет. Радикально поменяла свое отношение к Церкви государственная власть. Это вызвало злобную критику нашей либеральной челяди, завопившей, что нас, мол, опять тянут в «средневековое мракобесие» и тратят государственные средства на организацию, которая к государству не имеет никакого отношения, ибо она по закону отделена от государства. Напомним им, однако, что именно по воле социалистического государства рушились православные святыни.

Сегодня инициатива восстановления симфонических отношений между Церковью и государством принадлежит Церкви. Русская Православная Церковь не забыла и не отвергла идею византийской «симфонии властей». В августе 2000 года на Архиерейском соборе были приняты «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», в третьем разделе которой рассматриваются церковно-государственные отношения, в том числе и возможность установления симфонических отношений между Церковью и государством в современной России. В Концепции отмечается, что «в современном мире государство обычно является светским и не связывает себя какими-либо религиозными обязательствами. Его сотрудничество с Церковью ограничено рядом областей и основано на взаимном невмешательстве в дела друг друга».

По мнению Собора, при устройении симфонии властей Церковь не берет на себя функций, принадлежащих государству, а государство не вмешивается в жизнь Церкви, в ее управление, вероучение, литургическую жизнь, духовническую практику. Суть же симфонии Собор видит в том, что между Церковью и государством состоится «обоюдное сотрудничество, взаимная поддержка и взаимная ответственность без вторжения одной стороны в сферу исключительной компетенции другой... Государство при симфонических отношениях с Церковью ищет у нее духовной поддержки, ищет молитвы за себя и благословения на деятельность, направленную на достижение целей, служащих благополучию граждан, а Церковь получает от государства помощь в создании условий, благоприятных для проповеди и для духовного окормления своих чад, являющихся одновременно гражданами государства».

Для России проблема социализма неразрывно связана с православием. Не случайно Достоевский утверждал, что русский социализм и есть Православие. Единение государственной власти России с Православием принципиально и необходимо. Поэтому принимать решение о возвращении к нему

без участия РПЦ и других религиозных конфессий неверно. Совместно принятое решение по этому вопросу повысит его значимость и авторитет.

Вместо заключения

Нет никакого сомнения в том, что определенная часть нашего общества даже не помышляет о возвращении в социализм и относится к этой идее отрицательно и враждебно. Это крупный, средний и отчасти мелкий бизнес, либералы всех мастей и оттенков, часть успешной интеллигенции.

Противоречия в стране растут, социальная атмосфера накаляется. Возникающие проблемы часто не решаются, а загоняются внутрь. Большие проблемы в системе здравоохранения и торговли. Внутри общества копится негативная энергия, которая может взорвать общество. «А вы тут еще со своим социализмом лезете», — скажут нам. Так мы и не лезли бы, быть может, со «своим» социализмом, если бы вы не довели нас до такого состояния. И тем не менее доводить дело социализма до очередной вооруженной свалки недопустимо.

Переход к социализму должен быть осуществлен мирным путем в рамках существующего законодательства. Действующая на территории России Конституция дает нам возможность мирного перехода от капитализму (если принимать современную Россию за капиталистическую) к социализму. Пункт 3, Гл. 3 Конституции РФ гласит: «Высшим непосредственным выражением власти народа является референдум и свободные выборы». Этим путем и следует идти.

УКОЛ «РАПИРЫ»

РАССКАЗ

Андрей Степанович проснулся с первыми лучами от очередного утреннего громахания артиллерии. Громовые раскаты пушек и систем залпового огня на окраинах города стали теперь ежедневной и ужасной нормой жизни осажденного Луганска. Он подошел к окну и посмотрел на безлюдную улицу, где кроме бродячих собак не было ни души. Эхо психического лая, разрывая июльский рассвет и отталкиваясь от бетонных стен многоэтажек, каскадом летало над кварталом.

Андрей Степанович стоял у окна и смотрел с высоты восьмого этажа на посеченные осколками кроны деревьев. Накануне рядом с его домом разорвался снаряд и огненные жала впились в абрикосы, которые он посадил много лет назад. По весне, рассыпая снежную россыпь цветов, деревья первыми расцветали и, после зимних холодов, радовали глаз людской, а потом щедро одаривали пахучими, сладкими плодами всех жильцов его дома. Теперь дорогие абрикоски понуро стояли с изломанными ветвями и, как показалось Ан-

ПРОЗА

дрею Степановичу, плакали. Осколки снаряда, огненно прошипели сквозь хрупкие ветви деревьев, веером разлетелись во все стороны, облизали стены, влетая в окна квартир, пробивая и щедро выкусывая куски бетона панелей дома вплоть до шестого этажа. Верхним этажам досталось поменьше, но несколько небольших осколков долетело и до квартиры Андрея Степановича. Один осколок насквозь пробил двойной стеклопакет окна и на излёте упал на пол, ещё несколько застряли в раме. Колючий кусочек железа, как подарок от украинских братьев, теперь он хранил в своем кармане.

Андрей Степанович наскоро позавтракал и выкатил из коридора своего железного коня, продел в раму велосипеда плечо, грузно зашагал вниз по лестничному маршу. Обесточенный лифт давно застрял между этажами, поэтому, идя на работу, ему приходилось на себе таскать велосипед.

С началом активных боевых действий вокруг Луганска город был практически парализован и обезлюдел, редкие маршрутки и такси в светлое время суток проезжали по улицам соединяя районы города, но в основном теперь повсюду громыхала военная бронетехника, тяжелые «Уралы» и «КамАЗы» ополчения. Больше недели на шахтерский посёлок Юбилейный не ходил общественный транспорт, и пожилой горняк, механик стационарных установок Андрей Степанович Кондауров каждый день, по пять километров, крутил педали до шахты «Луганской».

На площадке пятого этажа на корточках сидел сосед и курил.

— Привет, Степанович. Ты всё продолжаешь ездить на шахту?

— Здорово, Юрка. Что поделаешь, воду качать нужно, затопит кормилицу, а потом кто шахту восстанавливать будет?

— Её хоть так, хоть иначе затопит.

— Типун тебе на язык!

— И как ты не боишься, Степанович, ездить по посадкам и полям, ненароком пристрелят, если не нацики, так ополченцы могут долбануть.

— Устал я бояться, Юрка, а шахту я до последнего не брошу, тебе же, оболтусу, может быть, ещё придется там поработать.

— Наверяд ли, я с заместителем главного инженера Петровым вчера разговаривал, так он говорил, что шахтную подстанцию разбомбили, обесточена твоя кормилица, всё встало: и подъем, и вентиляция, и водоотлив... Людей с третьей смены ночью через «Машинку» выводили из шахты. Ты что, не знаешь?

Андрей Степанович снял с плеча велосипед.

— Не бреши.

— Вот тебе и не бреши! Не веришь, поезжай сам посмотри...

Кондауров отработал на шахте больше тридцати лет и давно был на пенсии, но продолжал трудиться. Он был мастером своего дела, и руководство предприятия ценило его как знающего и добросовестного специалиста. Полный кавалер «Шахтерской Славы» давно подготовил себе смену, но шахта тянула, не отпускала старого шахтера. Жена частенько, вздыхая, говорила, что пора бы уgomониться, но Андрей Степанович отмахивался: «Ещё малость поработаю, а там видно будет...»

Так он и встретил гражданскую бойню четырнадцатого года на посту механика стационарных установок. На плечах Кондаурова были практически все агрегаты жизнеобеспечения шахты.

Андрей Степанович с тревогой в сердце напрямую ехал по грунтовой дороге в сторону предприятия. Из-за посадки выглядывал копёр, стометровая башня, которую венчала огромная красная звезда, упиралась в небо. Солнце устало высывалось из-за горизонта, и утренний птичий гвалт в зарослях посадки постепенно утихал в прохладной свежести. Совсем скоро вся округа заполнится жаром июльского дня, птицы спрячутся в тенистых кронах и степь укроет знойным маревом.

«Дождика бы надо...» — подумал Кондауров. Почти изпод самого колеса велосипеда вылетели две куропатки и, описав дугу, упали в придорожную траву. Степанович от неожиданности нажал на тормоза. Заблокированное колесо с шипением, поднимая пыль, проползло по грунтовке. Дорога в этом месте расходилась, одна колея шла к оврагу, а другой рукав наезженного пути, огибая пригорок, вился среди кустов шиповника и упирался в пахотное поле, а затем поворачивал к широкой лесополосе. Андрей Степанович увидел, что со стороны оврага выехали три бортовых «Урала», машины тащили длинноствольные пушки. Колона подъехала к развилке и остановилась. Кондауров оттащил велосипед в сторону и посмотрел на сидящих в кузове бойцов. Это были ополченцы. Неплохо экипированные, вооруженные автоматами, солдаты также смотрели на Степановича, не совсем понимая, что он делает здесь с раннего утра. Из кабины высунулся бородатый мужик, облаченный в бронезилет поверх тельняшки.

— Дед, ты что здесь катаешься?

— На шахту еду, на работу.

— Какая работа, навики к Юбилейному прорвались! Ты бы ехал, от греха подальше, домой.

— Не могу, мне на шахту надо...

Ополченец махнул рукой, и тягачи, тяжело урча двигателями, с трудом вписались в развилку, прижав колесами противотанковых пушек придорожные кусты, запылили в сторону шахты. Андрей Степанович, минуту подождал, пока осядет пыль, запрыгнул на велосипед и поехал следом за пушкарями.

Кондауров крутил педали и думал: «Неужели и правда шахту обесточили? Беда! Центральный водоотлив и так захлёбывался на одном насосе, сегодня нужно сальники поменять на резервном. Срочно нужно менять... Тьфу ты! Какие сальники, если вся шахта без электроэнергии! Да, беда! Вот и заползла война в город. Что же будет теперь?..»

Он ещё месяц назад отправил детей и внуков в Россию, уехала с ними и жена Полина. Как ни звала она Степановича, как ни причитала, но Андрей Степанович стоял на своём: «Не брошу я шахту! Всё, точка! Да и за квартирой присмотр нужен. Утихомирится, и вы назад приедете...»

«Не утихомирится, вот увидишь, что не утихомирится!» — смахивая слезу со щеки, говорила жена.

«Видать, права была Полина, не утихомирится...» — рассуждал Кондауров.

За широкой посадкой на окраине посёлка в километре от шахты в поле между двух бугорков знакомые Андрею Степановичу пушкари разворачивали орудия. Кондауров проехал мимо позиции. Артиллеристы, не обращая внимания на велосипедиста, занимались своим делом: выкатывали пушки на танкоопасное направление, разгружали ящики со снарядами, окапывались.

Андрей Степанович не знал, что несколько десятков украинских танков вчера подошли к обороне ополченцев, тяжёлая техника наступала на Луганск с западного и юго-западного направления, огибая шахтерский посёлок. Севернее в районе Александровска и Металлиста шли позиционные бои. Жарко было и на южной окраине областного центра в Георгиевке и Роскошном. Готовился штурм города. Украинские силовики отрезали все дороги на Донецк, чтобы оттуда защитникам Луганска не пришло подкрепление. Оставалась единственная дорога на Краснодон, которую также укронацисты пытались перерезать в районе Новосветловки и Хрещеватого. Одним словом, положение защитников города было — критическим.

Противник атаковал блокпосты, прикрывающие входы в город. Ночью украинские силовики разрушили заслон на

подступах к посёлку Юбилейный и танки вплотную вышли к шахте. Штурмовые группы украинских силовиков проникли на территорию угледобывающего предприятия и на копре «Луганской» оборудовали наблюдательный пункт, там же засел артиллерийский корректировщик. С высоты стометрового шахтного копра до самого центра столица Луганской Народной Республики была как на ладони. Начался методичный обстрел города. После удачной ночной атаки укры по какой-то причине не стали продвигаться в глубь Луганска, но рассредоточились и остановились.

Кондауров подъехал к шахте со стороны частных гаражей. У бетонного забора автостоянки его остановили ополченцы.

— Батя, ты куда прёшь, с ума сошел! — схватил Степановича за плечо боец.

— На шахту..

— Какая шахта тебе, укропы там, очумел что ли, старик! Ложись, снайпер работает.

Андрей Степанович бросил велосипед и присел у забора рядом с ополченцами. Недалеко от шахтной столовой с неистовым шипением упали две мины, раздались оглушительные взрывы.

— Ус, Индеец, вперед! — подал команду старший. Ополченцы, перебежками огибая здание столовой, добрались до комбината, за ними в здание ворвалось ещё пятеро автоматчиков и гранатомётчик. Кондауров оказался в самом эпицентре огневого боя.

— Батя, лежи здесь пока и не рыпайся, понял? — сказал ополченец и побежал вслед за бойцами.

На шахтном дворе и в районе лесного склада началась интенсивная стрельба из автоматического оружия, звуки очередей постепенно откатывались в сторону обогащательной фабрики. Со стороны посёлка к шахтной стоянке подъехал два бронетранспортера, десант ополчения быстро спешился и рассредоточился на территории предприятия. БТРы проехали дальше по асфальту к часовенке и ударили из крупнокалиберных пулемётов по верхнему этажу шахтной канторы, со стен здания посыпались стекла и облицовочная плитка. Протяжное эхо тяжёлой очереди на некоторое время заглушило автоматную стрекотню, с окон второго этажа комбината повалил густой дым. Одна бронемашина, проломив забор у обогащательной фабрики и скрываясь за бетонными стенами недостроенного здания, открыла огонь из башенных пулеметов в сторону лесного склада. Бой постепенно откатывался к электроаппаратному заводу.

Андрей Степанович перетащил велосипед за забор автостоянки и осторожно выдвинулся в сторону механического цеха. Он прошел мимо подстанции. Истерзанное здание ударом вчерашнего авианалёта и артиллерии изрыгало зловоние горящего масла, дымили трансформаторы. Оборванные высоковольтные провода гирляндами свисали с металлических опор и изоляторов. Кондауров добрался до своей мастерской в здании механического цеха. Он вошел в нарядную и столкнулся в дверях с Барсуковым, слесарем участка Андрея Степановича Кондаурова.

— Степанович, ты как здесь оказался?

— Видишь, на наряд приехал, — хмуро улыбнулся Кондауров.

— Ну ты даешь! — удивился Барсуков. — Тут такое творится, страсть!

— А ты, Иван, что на шахте делаешь? — спросил механик и подошел к своему столу, на котором лежали новенькие сальники для насоса.

— На наряд пришел! — попытался в такт отшутиться слесарь.

Кондауров хозяйски, даже с какой-то нежностью потрогал сальники и вздохнул:

— Не пригодились... Рассказывай, Иван, каким ветром тебя занесло на шахту.

Иван Барсуков жил в Сабовке неподалеку от Юбилейного. Живописное село на берегу реки Белая несколько раз за последнее время подвергалось жесткому обстрелу с обеих сторон, практически все жители покинули насиженные места и разъехались кто куда, только Иван не оставлял своего подворья и говорил, что пусть меня похоронят здесь, но я не брошу дом и хозяйство. Барсуков присел на лавку, тяжело опустил голову и смотря под ноги, прокручивая в голове пережитое, начал рассказывать о своих приключениях.

— Я ночью пришел. Вчера в час дня на окраине Сабовки началась сильная стрельба. Ополчение отошло к Александровску. Я спустились в погреб, часа через два в селе появилась украинская пехота, они заехали в Сабовку, бронетранспортерами выламывали заборы, врывались в дома. Жуть сколько много их было. Вели себя нагло, хозяйничали, грабили, но оставшихся жителей не тронули. Стояли недолго, уехали вдоль реки к мосту. Вечером бомбили шахту и блокпост ополчения на въезде в Луганск. Остаться в селе стало совсем опасно, и я пошел в сторону Александровска, но там всю ночь гроыхало, и мне пришлось повернуть к «Луганской», а сегодня утром и здесь началось, сам видишь, что творится... Степаныч, не знаешь, под землей людей нету?

— Скорее всего нет, слава Богу. По моим данным, ещё вчера успели вывести всех через Машинский блок.

— Что делать будем, Андрей Степанович?

— В Луганск пойдём, у меня пока перекантуешься, а там видно будет.

Хлопнула железная дверь, и в механический цех вошли ополченцы. Они внесли тяжело раненного в грудь бойца. Увидев шахтеров, старший крикнул:

— Мужики, помогите!

Кондауров и Барсуков подхватили ополченца и уложили в нарядной на лавку. Раненый тихо стонал и был в сознании, он смотрел на Андрея Степановича гаснущими глазами. С бойца сняли разгрузку и бронежилет, Степанович ножом разрезал футболку и увидел, что пуля прошла сверху вниз чуть ниже левой ключицы и, раздробив лопатку, застряла в бронежилете. Кровь залила всю спину.

— Как больно... — прошептал ополченец, закрыл глаза и умер.

— Суки! — прохрипел старший.

В мехцех вошли ещё несколько бойцов. Кондауров накрыл убитого шахтёрской робой. Командир ополченцев, настойчиво выкрикивая позывные, пытался с кем-то связаться по рации. Краткие фразы с шипением вылетели из динамика; было понятно, что бой не закончился, а нарастал с новой силой.

— Повтори, не понял! — кричал старший.

— Танки, много танков... Бугор, как понял? Приём!

— Откуда идут? Приём!

— Обошли троллейбусное депо и движутся в обход посёлка в сторону Луганска. Много танков! Прием! Как понял!

— Принял! Конец связи!

Командир с позывным «Бугор» беспокойно вышагивал взад-вперед по большому листу железа, расходный материал металла лежал на бетонном полу механического цеха и шумно вибрировал. Его шаги издавали железный грохот шагающего великана, но ополченец не обращал на это внимания продолжал нервно маячить, как будто специально наступая на играющий металлический лист. Бугор принимал боевое решение.

— Ус, бегом к нашим птурщикам, пусть тащат свои балайки к троллейбусному депо, обеспечить им прикрытие!

— Понял, командир!

Бугор вошел в нарядную. Кондауров сидел за столом, слесарь Барсуков зачем-то рылся в своем ящике, перебирая ключи и запчасти к разным шахтным механизмам. Командир

ополченцев посмотрел на убитого товарища, который теперь тихо лежал на лавке, прикрытый рабочими спецовками. Бугор вздохнул и, глядя на Андрея Степановича, спросил.

— Мужики, попить есть что?

Кондауров достал из-под стола пятилитровую баклажку и налил в кружку воды. Ополченец залпом выпил и присел на стул рядом с механиком.

— Всё плохо, мужики, всё плохо, укропы прут...

Андрей Степанович не нашел слов, что ответить ополченцу, и почему-то стал убирать со стола новые сальники, пряча их в ящик. Бугор включил рацию.

— Игла, игла, приём. Игла, игла...

— Игла на связи, — щелкнуло в передатчике.

— Встречайте со стороны депо. Танки, много. Как понял?

Приём.

— Видим! Встречаем! Приём.

— Держитесь, братцы! Конец связи...

Танки украинских силовиков, обходя посёлок Юбилейный, прорывались к южной окраине города, пытаясь соединиться с группировкой, которая наступала с юга на Роскошное. Стальную армаду встретили артиллеристы. В общей сложности на этом направлении наступало около пятидесяти машин. Удар пушек был неожиданным для противника. Удачно выбранная противотанкистами позиция не давала броне место для маневра. В рядах наступающей, казалось, несокрушимой армады, началась неразбериха, граничащая с паникой. Жалящие уколы батареи «Рапир» охладили пыл укронацистов. Пушки били во фланг колонны танков, не давая им развернуться по фронту. Три машины запылали в поле неподалёку от шахты «Луганской», ещё один взорвался около посадки, сдетонировал боекомплект, башня в огне и копоти дыма отлетела в сторону и упала в лесополосе. Начался пожар, горели деревья и сухая трава. Пылающие языки пламени, подхваченные степным ветерком, быстро поползли сквозь густые кусты, выбрасывая в небо клубы дыма. «Рапиры», не умолкая, посылали снаряд за снарядом, беспощадно кололи броню. Укропы, бросая поврежденные машины, спешно стали уходить с линии огня. Ещё один Т-64 был подбит противотанковой управляемой ракетой, умело выпущенной ополченцами Бугра. Пулемётчики отсекали пехоту. Атака захлебнулась.

Броня начала отходить к автомобильной трассе. После грохота пушек наступила тишина. Противотанкисты ожидая ответного артиллерийского удара снялись с позиции и ушли в сторону Луганска. Украинский корректировщик, засев-

---

ший на копре шахты, успел передать координаты батареи, но нерасторопность укропов сыграла на руку ополченцам, ракеты «Градов» густо легли между буграми, где ещё совсем недавно стояла батарея. Для украинских войск всё складывалось не в их пользу. С района александровских дач по массовому скоплению врага у трассы открыли огонь сто двадцатые миномёты. Неся большие потери, укропы бежали в сторону Весёлой Тарасовки, туда, откуда они пришли сутки назад. Теперь в отместку нацисты били дальнобойной артиллерией с невероятной злобой, 152-миллиметровые смертоносные болванки, выпущенные из гаубиц, полетели в жилые районы города.

Бойцы группы Бугра окончательно зачистили укропов на территории шахты, обогатительной фабрики и электроаппаратного завода. Получив передышку, ополченцы зализывали раны. На усиление подошел взвод батальона «Заря». Раненых и убитых погрузили в машину и повезли в город. Бугор получил приказ ликвидировать вражеского артобозначка, что гнезвился на копре, и установить там свой наблюдательный пункт.

Командир отобрал двух бойцов, поставил задачу войти в башню копра и выкурить корректировщика. Кондауров вызвался идти с ополченцами в качестве проводника.

— Я каждый уголок копра знаю, командир, разреши и мне пойти.

— Давай, батя, показывай дорогу. Индеец, будь на связи, возьмите гаденыша, только без фанатизма, осторожно. Понял?

— Сделаем всё как надо!

Андрей Степанович достал из ящика коногонку — шахтерскую лампу и прикрепил батарею к поясу. Своеобразная группа захвата вышла из механического цеха и направилась к стволу. Они вошли в башню грузового копра и осторожно стали подниматься по внутренним винтовым ступеням, минуя одну отметку башни за другой. Кондауров шел первым, иногда подсвечивая бойцам дорогу на опасных участках лестницы. Они поднимались всё выше и выше. На отметке семьдесят пять метров Кондауров остановился.

— Скоро машинный зал подъемных скиповых установок, — шепнул Степанович Индейцу. — Проход в зал с площадки лифта, затем железная дверь, дальше направо по глухому коридору вход в подъем, скорее всего там и засел корректировщик.

Зашипела рация:

— Индеец, приём.

-
- На связи.
  - Доложи обстановку. Приём.
  - Вышли к машинному залу.
  - Нашли кукушку?
  - Нет, но он где-то рядом...

В это мгновение над ополченцами и Кондауровым громко хлопнула дверь, из темноты донеслись шорохи шагов и раздалась автоматная очередь. Пули, высекая искры, рикошетом разлетелись в разные стороны. Андрей Степанович и ополченцы успели спрятаться за бетонным внутренним выступом башни.

— Эй, чудила, сдавайся! — крикнул Индеец.

— Иди сюда и возьми меня, если такой смелый! — раздалось сверху.

Индеец на звук дал две короткие очереди, внутри копра запахло пороховыми газами и жженым металлом.

— Так мы его не возьмём, нужно что-то придумать.

— Давай, я с ним поговорю, — сказал Кондауров.

— Что с этой гадиной говорить, гасить его надо, но как? — сказал второй ополченец с позывным «Мастер».

Андрей Степанович, осторожно выглядывая из укрытия, направил луч коногонки вверх в сторону площадки лифта. По-шахтерски, как это делают под землёй горняки, подавая сигнал опасности, частыми штрихами очертил вход в машинный зал.

— Эй, солдатик, слышишь меня, я старый шахтер и без оружия, давай поговорим, слышишь?

— Кто там вякает?! Я все равно не сдамся! Попробуйте взять!

— Солдатик, слышишь? Меня зовут Андрей Степанович Кондауров, я работаю механиком на этой шахте. А тебя как величать?

Корректировщик молчал, Кондауров после минутной паузы продолжил говорить:

— Послушай, что скажу. Умирать-то никому не хочется, хватит стрелять, выходи, тебя не тронут.

— Ты, проповедник, как тебя там, Кондауров, я офицер украинской армии и защищаю свою родину, я давал присягу и готов умереть, выполняя приказ. А вас, путинских ватников, мы всё равно сотрем с лица земли, вы вторглись на мою землю и хотите разорвать Украину, но у вас ничего не получится — это я говорю, капитан Нефёдов!

— Нефёдов, ты же русский, как я понял, неужели у тебя совсем мозги набекрень? Какой я путинский ватник? Я тридцать лет проработал на этой шахте, а вы её, кормилицу, бомбами! Вот со мной ещё двое местных молодых хлопцев, за что

вы их пришли убивать? И говор у тебя наш луганский, откуда родом, Нефёдов?

— Да, я здесь, в Луганске, родился и школу здесь закончил, и поэтому я должен освободить город от террористов и сепаратистов, пощады вам не будет! Запомните это!

— Так ты, Нефёдов, и наводишь пушки на школу свою, и загнал земляков своих в подвалы? Ты и убиваешь стариков, женщин и детей...

— Не дави на слезу, старик, город пустой, все нормальные люди уехали, а кто остался — тот ватник и террорист!

— И я террорист?

Корректировщик молчал.

— Мать-то где твоя, Нефёдов?

— В Харькове. И семья моя в Харькове. Там мы придушили сепаратистов и здесь придушим!

— А если бы здесь твоя мать была, тоже пулял бы по городу?..

Корректировщик молчал. Кондауров хотел было уже выйти из укрытия, но Индеец его остановил:

— Батя, не надо, не рискуй.

Андрей Степанович посветил лампой вверх.

— Нефёдов, выходи, я гарантирую, что тебя никто не тронет..

— Зачем мне твои гарантии, сейчас вызову огонь на себя и умру как герой, но и вас, колорадов, с собой заберу!

— Капитан, за кого ты собираешься погибнуть как герой, за пиндосов, за киевскую хунту?

— За Украину!

— Капитан Нефёдов, мы же одной крови, мы с тобой русские!

— Я украинец!

— Послушай, капитан, у вас на шевронах нацистская свастика. Что бы ты сказал своему деду и своему отцу, а, Нефёдов?

— Я не нацист, я украинский офицер...

— Степаныч, хватить с ним базарить, бесполезно, — шепнул Кондаурову Индеец. — Нужно его выкуривать, зря трагитим время.

— Подожди, дорогой, видишь, он пошел на контакт, нужно додавить. В лоб его не взять, у него позиция такая, что положит всех нас здесь...

Хрипнула рация. Индеец присел на ступеньку лестницы и вышел на связь.

— Бугор, приём! Приём!

— Индеец, слышу, на связи. Что там у вас?

— Забаррикадировался гад, матёрый, не подойти.

— Что собираетесь делать?

— Не знаю. Степаныч с ним ведет переговоры, но я вижу, что бесполезно, укроп конченный, нацик, сдаваться не собирается.

— Где он сидит?

— В машинном зале подъема. Это почти в самом верху копра, там, где застеклённая часть башни. Приём.

— Ничего не предпринимайте, на рожон не лезьте. Будем думать. Конец связи...

Батарей противотанковых пушек «Рапира» ушла из-под обстрела, пушкари обогнули яр и, по полям объезжая посадки, выдвинулись на новую позицию недалеко от перекрестка технологической дороги на Машенский блок шахты «Луганской». Развернули орудия определяя предполагаемый сектор огня. Слева они перекрыли направление в сторону посёлка Ленинский. Справа хорошо была видна башня копра шахты, по фронту они контролировали асфальтированную технологическую трассу к породному отвалу.

За спиной артиллеристов лежало в солнечной красоте огромное поле цветущего подсолнечника. Пчёлы мирно трудились, перелетая с одной шляпки на другую, быстро набирая сладкий нектар. За спиной ополченцев в тревожной июльской дымке лежал осаждённый город.

— Игла, Игла, ответь, вызывает Шахта! — вышел на связь с артиллеристами командир ополченцев.

— Игла на связи. Приём.

— Нужна помощь, не можем взять корректировщика, бес сидит на копре. Ориентир — застеклённая верхняя часть башни. Пришли поросёнка!

— Бугор, понял, поможем. Приём!

— Игла, по команде «Есть!», там рядом наши, не промахнитесь. Как понял? Приём.

— Понял, ждите готовность.

Командир батареи посмотрел в бинокль на копер шахты, до неё было чуть больше двух километров по прямой, комбат установил дальномер и точно вычислил дальность и горизонтальные углы, взял планшет и сделал нужные расчеты.

— По местам! — дал команду комбат.

Старший по батарее вскочил на ноги и во всё горло, на всю батарею продублировал приказ. После повторной проверки дальности, угла возвышения и других тонкостей прицельной стрельбы комбат для надежности посмотрел в панораму и вызвал шахту на связь:

— Шахта, Шахта, — это Игла, ответь!

-
- Бугор на связи. Приём.
  - Игла, готовы!
  - Есть!
  - Бугор, принял! Высылаем хрюшку!

Командир батареи дал команду:

— Первому! Прицел восемь—пять! Доворот семь—пять! Фугасным! Один снаряд!

Командир орудия следом повторял команды расчета. Номера принялись за дело. Наводчик поставил доворот и прицел. Замковый открыл затвор орудия, наводчик поднял ствол пушки, совмещая риски прицела и ствола. Ящичный выхватил нужный снаряд, обмахнул «поросёнка» тряпкой и передал подносчику. Установили взрыватель снаряда на фугасное действие.

Командир орудия, наблюдая за быстрой работой расчета, поднял руку вверх, подал знак готовности и крикнул:

— Первое готово!

— Первое, выстрел! — крикнул старший по батарее.

— Орудие, выстрел! — опустил руку командир первого орудия.

— Выстрел! — крикнул наводчик и резко нажал рычаг спуска.

Пушка подпрыгнула, и в сторону башни шахтного копра полетело жало «Рапиры». Укол оказался точным, пробив остекление машинного зала подъема 100-миллимитровый фугасный снаряд разорвался внутри здания...

После связи с артиллеристами Бугор был в невероятном напряжении, переживал, вдруг пушкари не попадут в цель; он посмотрел на Барсукова. Слесарь всё слышал и невнятно произнёс:

— Там же дорогостоящие машины, кто восстанавливать всё это будет?

— Там засел враг, там наши бойцы и твой механик под прицелом у этого подонка, который наводит на город и шлет смерть. Это война, мужик! А железки твои восстановим, после того как уничтожим эту мразь! Ты понял?! — завёлся Бугор.

— А я что, я так, к слову, — испугано промямлил Барсуков.

Командир ополченцев не услышал оправдательных слов слесаря и вызвал Индейца:

— Башня, приём! Индеец, ты слышишь меня? Приём!

— На связи...

— Уходите ниже от машинного зала, как можно дальше, как понял? Шлём подарок! Приём.

— Принято...

Кондауров, Мастер и Индеец, минуя несколько отметок копра, ушли вниз в безопасное место. Прошло несколько

томительных и тревожных минут ожидания. И вот внезапно стометровая железобетонная башня копра шахты вздрогнула от оглушительного взрыва в машинном зале, в пролёты лестницы посыпались куски бетона, поднялась перемешанная с гарью тротила породная и угольная пыль. От клубов дыма и пыли внутри копра стало темно. Индеец и Мастер на ощупь медленно начали подниматься вверх. Входная железная дверь машинного зала была вырвана взрывной волной. Когда ополченцы вышли к подъему, пыль и дым в разбитые проёмы окон унесло сквозняком. Стало светло. Первым шел Мастер, они вошли в глухой коридор и добрались к залу. Мастер держал на изготовке автомат, внимательно осматривая каждый закуток подъема. Вдруг у редуктора подъемной машины, он увидел корректировщика. Окровавленный капитан лежал на кафельном полу и, зажимая в руке гранату, пытался подняться. В это мгновение Мастер крикнул и отпрыгнул в сторону:

— Граната!

Индеец молниеносно отреагировал и рыбкой влетел в глухой коридор. Артнаводчик разжал кулак, отлетела чека и раздался взрыв. Всё было кончено.

— Мастер, живой? — окликнул друга Индеец.

— Зацепило...

Из обеих ног Мастера текла кровь. Индеец подскочил к нему и стал оказывать помощь. В машинный зал подъема вошел Кондауров и увидел страшную картину.

На полу валялось то, что осталось от корректировщика. Искалеченные, искорёженные уколом «Рапиры» агрегаты и механизмы подъемных машин были забрызганы кровью, повсюду валялись стекла, битый кирпич и куски бетона. Ветер завывал в пробоинах копра...

г. Луганск

ВЫСТРЕЛ

РАССКАЗ

С Мотовского залива дул холодный пронизывающий ветер. При минус пяти градусах он, казалось, продувал человека насквозь. И если к нему повернуться спиной, то лицом можно было уловить, как ветер проникал сквозь тело и выдувал собою тепло, и оно уносилось с ним.

По заливу гуляла густая шуга. Зелёные волны, насыщенные ледяной крошкой, шуршали, бросаясь на острые камни берега. И от этого казалось, что весь холод, исходивший от ветра, зарождался именно здесь, в этой беспокойной ледяной купели.

Капитан-лейтенант Глеб Угрюмый стоял на автобусной остановке, как сотня таких же как он, и, пританцовывая от холода, ждал автобуса.

Чёрные шинели, нахлобученные по самые глаза и такие же чёрные шапки-ушанки превращали офицеров, мичманов в колышущую массу, которая то нервно расходилась, а то, словно подчиняясь незримой палочке незримого дирижера, сходилась, превращаясь в плотный чёрный сгусток тел.

ПРОЗА

Глеб замерз уже до самого мужского естества, а автобуса всё не было. База, где находился его корабль, была в семи километрах. Конечно же, он мог эти семь километров пробежать трусцой, что он и делал неоднократно, но только не сегодня. Сегодня он был зол как никогда. Всё его тело в восемьдесят пять килограммов тренированных мышц бунтовало. Ему хотелось драки.

Шесть месяцев без зарплаты. И если он мог пообедать на корабле, то жена и двое его мальчишек могли есть только то, что она им приготовит. А из чего готовить? Иногда Глеб, изворачиваясь, приносил в «дипломате» с десяток картофелин, консервы. Иногда также в «дипломате» мороженую рыбу. Но сегодня предел.

Ночью он проснулся от того, что его жена Ленка плакала. Он сначала не понял и лежал тихо, прислушиваясь, определяя для себя, ветер, что ли, так жалостливо завывает. Когда понял, что это его жена, то содрогнулся. Соскочив с кровати, он бросился в кухню и включил свет. Жена, подняв на него красные и опухшие от слёз глаза, вымолвила:

— Глебушка, мы скоро умрём от голода. Отправь нас к моим родителям. — Он, прижав её голову к своей груди, гладил по волосам, успокаивая...

Пять лет на Кольском полуострове в Заполярье. Мечта, которой он бредил с детства, воплотилась в жизнь морского офицера. Сюда, в офицерское общежитие, он привёз свою молодую жену. Здесь родились его сыны-погодки. И если ещё год назад перспектива его военной карьеры проглядывалась, то сейчас с развалом Советского Союза никто не мог сказать, что будет не то что через год, а через месяц, неделю, день.

— Лена, отправлю, обязательно. Вот Новый год встретим, и числа седьмого-восьмого и поедешь. Завтра командиру скажу, чтобы деньги на билет выделил. — Говоря ей это, он понимал нереальность сказанного. Где командир возьмёт деньги, у него, таких как он, полторы тысячи человек, и все — без копейки. И всем надо, и у всех дети. Уже и служба не служба, командованию дано негласное указание отпускать офицерский состав на заработки. А где зарабатывать? Был бы город побольше, а так... деревня.

Вдалеке показались огни фар, и чёрная масса всколыхнулась, задвигалась, готовясь собою поглотить автобус. Замерзшие тела, сильные и нетерпеливые, понимали, что не все влезут в этот старый «пазик». Кому-то сегодня не повезет, и он останется ждать следующего рейса, а время тоже не стоит, и опоздание на службу так же наказуемо, как и прежде.

Автобус, натруженно гудя, проехал остановку, и все кинулись за ним. Первые, цепляясь за створки дверей, пытались их открыть на ходу и протиснуть остывшее тело внутрь теплого салона.

То ли десятки рук заставили машину остановиться, то ли водитель, побоявшись, что в этой суতোлке кто-то из ожидающих пассажиров может ненароком попасть под колесо, остановился. Чёрная толпа, натруженно сопя, медленно вползала в открытое чрево автобуса. Казалось, бока его округлились, и ещё мгновение — и он будет разорван. Но вот масса замерла, ещё несколько раз с усилием качнулась, и автобус, не закрывая дверей, медленно сдвинулся с места.

Глебу удалось протиснуться в серёдку салона, кто-то упёрся мосластым локтем ему в спину, в самый позвоночник, и он, недовольный, двинулся резко своим корпусом. Сзади закряхтели:

— Да не дергайся, очки сбил, блин! Шило, что ли, в задницу попало. — Глеб неестественно вывернул шею, чтобы посмотреть, кто там так недружелюбно бурчит, и увидел голову в нахлобученной по самый нос шапке и висящие поперек лица очки.

— Макрушин, ты, что ли?

— Я, я, а ты кто? Геракл хренов, чуть очков меня не лишил. У меня как-никак, а минус четыре.

— Ну, то, что ты слепой, я, допустим, верю, но то, что глухой и голоса не различаешь, не верю. — Глеб напрягся всем телом, упираясь в спинку сиденья и освобождая место говорившему. Ему показалось, что затрещали не только поручни, но и все его кости, но небольшое пространство было отвоевано.

— Вползай в приготовленную щелку, Мокрица.

— А, мрак небесный, ты ли это? — Друзья, как только не обыгрывали фамилию Глеба, Угрюмый, как только не изгалялись! Не обошел вниманием его фамилию и капитан третьего ранга медицинской службы Макрушин. Нет-нет, а подковырнет: «А где это у нас товарищ капитан-лейтенант Мрачный?» Или просто — мрак небесный.

— Я, я по твою душу, вползай. Да выдохни, эго тебя раздуло-то. Небось, опять Катерина тебя ватрушками накормила?

— Да нет, — кряхтел и протискивался в приготовленное для него место Макрушин. — Это меня от недоедания разносит, от голода это. Пухну не по дням, а по часам.

— Отставить, господа офицеры, — кто-то ещё сзади задвигал плечами, расширяя пространство для себя. — Что у нас за доходяги появились, пошевелиться невозможно. Продуйте балласт.

— Мы тебе сейчас продуюм, — слышались возгласы. — Товарищ Макрушин, хватит вам дергаться, только устоялись. И так уже не дышим вовсе...

Тот, кое-как поправив очки, выдохнул:

— Господа офицеры! С сегодняшнего дня недовольных и особенно болтливых клизьмить буду. И никакие аргументы, звания в защиту своего брэнного тела не принимаются. Ну, никакого уважения к медицинской службе! Как спирт, так дай понюхать, а как место уступить, так продуй балласт. Прививать вам буду, господа офицеры, прививать, так сказать, любовь к эскулаповой службе... насильственным способом. — И повернувшись к Глебу, громко зашептал ему в самое ухо: — Глеб, Михайлов Сашка порешил себя.

— Что? — Глеба обдало жаром, он уставился на товарища, вытаращив глаза, и так же громким шепотом зашептал:

— Ты что рындой трясёшь? На вахте он, сегодня меняется.

— Да, да, на вахте. Посыльный у меня два часа назад был... на кортик бросился... в самое сердце.

— Как бросился на кортик, зачем? — перед глазами Глеба стояло лицо Михайлова и голос и обрывки последнего разговора, мысли лихорадочно прыгали в воспоминаниях.

Сидевший рядом капитан третьего ранга поднял на них голову:

— Вы что как два голубка на свидании воркуете. Полго-родка уже знают: в двенадцать ночи надел «парадку» со всеми регалиями, накатил стакан «шила» и всем привет, кто на земле остался. ЧП на всем Северном флоте. Слюнтяй.

— Как же он так? У него дочке четыре года, она астмой болеет, — Глеб замолчал.

Натруженное, надрывное гудение двигателя перегруженной и старой машины, тусклый свет в салоне и спресованность тел будто сорвали пелену с глаз и тягучесть в мозгах Глеба.

— Зачем? Зачем? Как же он так? — шептали его губы. — Зачем? Зачем?

— Как-как? А вот так, — сидящий капитан третьего ранга смотрел в окно, в нём отражались лица стоявших в салоне автобуса. — На службу собирался, а Екатерина — жена его, эта «Тихая гавань», ему с крана холодной воды в стакан налила, поставила на стол. «Кушай, — говорит, — господин офицер, больше у нас ничего нет». — Сама ушла в другую комнату. А он выпил половину стакана: «Это тебе, Катюша, — говорит. — Половина. Не могу же я, половиночка моя, всё сам съесть». — И ушёл на службу.

Офицер повернулся к ним всем корпусом и заговорил громко, даже с какой-то скрытой обидой в голосе:

— Он-то отчалил и уже там, на небесах. Вот только кто его дочку будет лечить, воспитывать? Кто её на ноги будет ставить? Замуж отдавать кто будет? Мог ещё детей народить. Слюнтяй. Они-то здесь остались... на земле. Каково им будет без него. Морской офицер, аристократ доморощенный. Надо было бы расстрелять тех, кто эту кутерьму всю затеял, а потом уж на кортик. Был бы герой! Тоже мне самурай! А так, слюнтяй. — И отвернулся в сердцах.

Каптри говорил громко, зло. Так что всё им сказанное дошло до всех слышавших. Напряженная тишина на фоне гудящего двигателя засадила сердца мужчин, стоящих и сидящих в автобусе.

Каждый слышавший, сдавленный и спрессованный в старом автобусе, неожиданно для себя увидел свою службу, жизнь совсем по-иному. «Ради чего? — бабахало в головах. — Какой долг? Кому долг? Страны нет. Такую страну развалили. Мы проиграли войну, не воюя. Зачем я здесь? Кого защищаю? Новых буржуев? Я кому присягал? Я присягал Стране Советов, а эти кто?» И до того им стало понятно всё их ничтожество в этом мире, что они готовы были завывать, каждый в отдельности. Может быть, кто-то и завыл, тихо и непроизвольно, поддавшись нахлынувшей, мимолетной слабости, но, за воем двигателя, их скуление никто не расслышал. Только многим показалось, что двигатель автобуса сменил тональность, загудел печально и как-то безнадежно.

Глеб, сжимая поручни, тупо смотрел в окно. Ему виделся Сашка Михайлов, последняя их встреча. Высокий, аккуратный и рассудительный, Сашка всегда производил на него благоприятное впечатление. Интеллигентность, порядочность Михайлова-офицера заводила иных деятелей, носивших погоны, до благоговения к нему, а иных к ненависти: «Чистоплюй, белая ворона, белая кость» — и ещё многое и разное. Боготворившие ж его молодые офицеры, и не только, улыбаясь, возражали: «Да бросьте вы, право... нормальный он мужик, истинный русский, морской офицер с большой буквы».

Когда Михайлов брал в руки гитару и, перебирая струны пальцами, начинал петь: «На зелёном сукне казино, что зовётся Российской империей...» — кровь стыла в жилах. Хотелось совершить что-то великое, да что там великое, хотелось отдать жизнь за матушку Родину... Но чаще его просили спеть: «Спит девятый отсек, спит девятый жилой, только вахтенный глаз не смыкает...»

«К командиру! К командиру!» — стучало в висках у Глеба. Разговора с командиром не получилось. Капитан первого ранга внимательно выслушал сказанное Глебом. В некоторых местах покачивал головой в знак согласия. Говорил:

— Да, да. Конечно. Я вас понимаю. Ох, как понимаю. Вы правы. Дети, это святое. И здесь вы правы. Без денег жить сложно. Вы знаете, товарищ капитан-лейтенант Угрюмый... Глеб Александрович, я вашей службой доволен. Если есть какие-то предложения по службе, вы скажите... мы обсудим... вместе.

Он устало поглядывал на Глеба:

— Сейчас думаю, как Михайлова... как тело капитан-лейтенанта Михайлова на родину доставить. Жену его Катерину с дочкой. Кого к ним командировать? Горе-то какое для родителей... Глеб Александрович, горе, какое... горе... эх... Не уберегли мы, не уберегли, — и отвернулся.

Глеб только на секунду представил, как бы встретили его родители цинковый гроб с его, Глеба, мёртвым телом, и изморось пронеслась по спине.

— Товарищ командир, разрешите идти? — Глеб был не рад, что зашёл на разговор.

— Да, да, конечно, идите. — Командир остался стоять, глядя в иллюминатор.

Но когда Глеб по-уставному, развернулся, чтобы уходить, он, тяжело выдохнув, повернулся к нему и сказал:

— Глеб Александрович, а может быть, вы? Может быть, вы старшим поедете сопровождать тело Михайлова... Жену свою с собой возьмёте с детьми. Под этот случай мы командировочку оформим. Вы же где-то рядом живёте. Расскажите его родителям... он, он же настоящий офицер... был. И я вам ещё суток десять отпуска добавлю, — какой-то лучик надежды мелькнул в глазах командира. — Подумайте, — и отвернулся.

Глеб на секунду замер: «Во батю занесло, во заездили. Мог приказать, и каждый бы поехал. Миссия, конечно, не из приятных, но что делать? А здесь батя просит подумать. Да, ситуация». Сам же взял под козырёк:

— Есть подумать! — Щелкнув каблуками, вышел.

Поздно вечером собрались узким кругом в кубрике у связиста Сазонова помянуть Михайлова. Связисты да медики получали спирт стабильно, «так бы повара картошку получали», шутили они иногда между собой. «Шило» пили не разбавляя водой. Технический спирт уже не обжигал горло, он лишь перехватывал дыхание. И только капли, текшие по подбородку, неестественно его охладили, словно, напоминая, что выпитое это не просто водка, а что-то гораздо крепче.

«Дави, дави раба из себя по капле, по капле. Стань равным со всеми, равным, но склони голову перед Господом Богом. Он твой Создатель, твой Спаситель, припади к его стопам, ороси слезами покаяния его ноги... Уничтожь червя в себе, червя гордыни, червя порока, червя лести, червя похоти... убей страшного червя сомнений, и ты спасешься! Веруй в справедливость. Всё в Божьей воле. От Него это всё, от Него. Но зачем?»

Глеб чувствовал, как волна алкоголя расплывалась, растворяясь в голове. Эйфория легкости подхватила и понесла его так стремительно и ужасно, что он не мог сообразить, пьян ли он или же это состояние мозга от спертого, душного воздуха.

Уже два часа они пили, сначала помянули Михайлова, затем всех, кто ушёл из жизни в это смутное время, а потом полилось безудержное пьянство без осмыслений и препонов. Спирт разливался по стаканам, и кто-то произносил тост: «Выпьем за...» Приглушенный звон сведенных вместе стаканов и короткие или длинные тяжелые выдохи.

Сигаретный дым, заполнивший каюту, сделал воздух в нём не только непроницаемым для света, но тягучим и жарким для дыхания. Розово-сизый полумрак, гитарные переборы и выпитое расслабили. Мужская болтовня касалась то службы, то каких-то воспоминаний о прошлогоднем отпуске, о прошлых походах, то о перспективах своего будущего. Спешить им было некуда, присутствующие несли службу.

Они пили и понимали, что всё, что они сейчас делают, противозаконно, неестественно и наказуемо. Но никто из них не боялся последствий от содеянном. Внутренне каждый из них уже давно сказал: «А не пошли бы вы на... клотик... чай пить! Служба? А кому она нужна? Козлы!»

Трое мужиков, разомлевших от выпитого и от спертого воздуха, вдруг разом вздрогнули от стука в дверь. Глеб, отстранив гитару, вопросительно уставился на хозяина кубрика, капитана третьего ранга Сазонова Виктора или просто связиста Витьку. Витька пьяно посмотрел на дверь и пожал плечами, скривив губы в недоумении.

В дверь громко и настойчиво постучали, из-за неё донёсся голос:

— Сазонов, открывайте! Открывайте!

Сазонов попытался оторваться от дивана, но после некоторого усилия махнул рукой и, посмотрев на соседа, капитана третьего ранга Соловьёва Геннадия, выдавил из себя: «Геннадий Владимирович, откройте, пожалуйста, дятлу». Тот, по-

---

жав плечами, встал и неуверенно направился к дверям. Глеб взял в руки гитару, перебрав струны, тихо запел: «...Спит девятый отсек, спит девятый жилой, только вахтенный глаз не смыкает...»

Дверь отворилась и в кубрик, отстранив Соловьёва, ввалился старпом, он дышал холодом:

— Товарищи офицеры! Ну-у, вы что-о, совсем обессовестились? Пьянка! На вахте! С оружием!

Соловьёву наконец-то удалось встать, и он, пытаясь поправить форму, выдавил:

— Товарищи офицеры! — На что Глеб, отложив гитару, также встал. Старпом удивлённо бросил:

— Вольно! Угрюмый, ну, эти-то... с ними ясно. А вы-то как?

Глеб смотрел на его чисто выбритые скулы, на белое кашне, на ямочку на подбородке и думал, а не врезать ли ему в этот чисто выбритый с ямочкой подбородок? Интересно, через сколько минут после моего удара старпом придёт в себя. А впрочем: «Нехай живэ, цуцик». Сам же сказал:

— Присаживайтесь, Пётр Вильяминович. Помянем раба Божьего Михайлова Александра. Царствие ему Небесное! И не давите. Мы ведь, как вы правильно заметили, при оружии. Присаживайтесь. Присаживайтесь.

Старпом в нерешительности замер. Но Соловьёв, едва не лёг ему на спину, поддакнул:

— Присаживайтесь. А служба, она и есть служба, она не убежит. Мы не в походе. Мы гордо реем... подобно... буревестнику... второй год у причала. И нам... Пётр Вильяминович, не страшны чужие бури... А раба Божьего Сашку помянуть надо. Необходимо, — и он едва не затолкал старпома за стол. — Вы уж простите, Пётр Вильяминович, качка... — Сам тяжело опустился на соседний табурет.

Старпом огляделся, стацив с головы шапку, в нерешительности улыбнулся:

— Его ещё не похоронили, а вы уже поминаете. Ну, да ладно, Михайлова мы не воскресим, а граммульку, граммулечку, за упокой души его выпью, — и он показал пальцами, сколько ему налить в стакан.

— Так вам граммульку или граммулечку? Конечно же, граммульку, — Глеб пьяно посмотрел на старпома, налил ему полстакана спирта, остальным плеснул в стаканы по глоточку.

— Пётр Вильяминович, товарищ капитан второго ранга, скажите слово за Михайлова. Вы же ему, ну-у, как отец родной были, скажите.

Старпом поежился, крякнув. Все на корабле, от матроса до командира знали, что старпом несправедлив к Михайлову и всевозможные придирки, которые он ему чинил, были видны всему экипажу.

— Да, собственно, оно так и было. — Старпом закашлялся. Он снял с себя шинель и, бросив её на свободное место, продолжил: — Я бы вот что хотел сказать, господа офицеры. Времена сейчас тревожные, я бы даже сказал, переломные. Перестройка, она ведь касается не только государственного переустройства, но и всего нашего сознания. Мы жили старыми категориями, старым мышлением. Сейчас новое мышление, и нам надо не отстать. Нам надо идти в ногу со временем...

Сазонов тяжело икнув, перебил:

— А вот Сашка Михайлов уже не пойдет.. в ногу. Он уже того, летает. Вью-ють. Может, даже подле Бога, — Сазонов попытался свиснуть и показать, как летит Михайлов, но Глеб посмотрел на него грозно и отстранил рукой его руку:

— Сазонов, не перебивай, когда старший по званию говорит. Не перебивай, — и, повернувшись к старпому, выдавил: — Вы говорите, Пётр Вильяминович, говорите, у нас время не лимитировано. У нас же не политзанятия. Мы нашего товарища по офицерскому корпусу по-поминаем.

На что Сазонов опять влез:

— Господа офицеры, давайте выпьем молча. Чтобы ему там... подле Бога... или ещё где, икнулось. — И он, сделав глоток, уставился на старпома.

Они все его недолюбливали. Лошений, высокомерный, с не морской фамилией Кротов, он был как бы вне офицерской среды. Старпом видел отношение к себе своих подчиненных, чувствовал неприязнь, но воспринимал эту чуждую ему среду спокойно, даже с каким-то внутренним удовольствием и превосходством. «Не любят, значит, уважают, — говорил он себе. — А уважение, оно выражается по-всякому, может и через нелюбовь». Но он ошибался, его не просто не любили, его не воспринимали ни как командира, ни как мужчину.

Шлейф амурных походов Крота, как называли его подчиненные за глаза, вызывал у них иной раз не только отвращение, но и ненависть. Хоть и шлялся их старпом больше по женщинам их городка, но ходили слухи, что он не гнушался потрепать юбку и жён сослуживцев. Слухи ходили разные, да и сам он иной раз, подпив, с ухмылкой полового гангстера ронял не совсем лестные высказывания слабому полу. Мол, пол он слабый потому, что слаб, так сказать, на передок, на тот самый передок, что ниже пупка. А он рождён для того, чтобы любить всё то, что в юбке.

Вот и сейчас, пьяно внемля неожиданному гостю, каждый из слушавших его глупо улыбался, думая о своём, но всё об одном и том же. Старпом тоже улыбнулся чему-то своему, потаённому и одним духом опрокинул стакан в себя. Глеб пьяно, с каким-то внутренним ожиданием чего-то сверхъестественного, смотрел, держа свой стакан у самого своего носа. Старпом шумно выдохнул, повел взглядом на остальных, словно приглашая поддержать его почин. И смотревшие на него разом запрокинули стаканы.

Закуска на столе: тонко нарезанные кусочки чёрного хлеба, открытые консервные банки с кабачковой икрой, завтраком туриста и килькой в томатном соусе, а также фаршированные голубцы, создавала ощущение изобилия и даже некой изысканности походной кухни. Старпом уставился на стол, выискивая, что бы закинуть в обожженный спиртом рот. Глеб подsunул ему высокую, тёмно красную банку в китайских иероглифах:

— Командир, тушёнка, закусывай, говорят, что мясная, — он осоловело повёл взглядом. — Хунвейбины каким-то образом прочувствовали, что данный продукт в самый раз нам после глотка «шила». В Союз поставляют. Мы опробовали. Закусь классная.

Старпом ухватил вилкой из банки что-то и, поддерживая ломтиком хлеба, отправил в рот. Усердно зажевал, прислушиваясь к вкусовым ощущениям. Но какие могут быть вкусовые ощущения после неразбавленного спирта? С таким же успехом можно было закусить и солидолом или же пластилин принять за роскошное украинское сало. Старпом жевал, а Глеб внимательно вглядывался в его лицо.

— Не, командир, не в обиду будет сказано, но эти хунвейбины, они, конечно, нам с голоду подохнуть не дадут, но то, чем они нас кормят, говорят, что это их исконная еда. Я, право, сомневаюсь, — он вновь повёл взглядом, словно приглашая слушавших к соучастию в разговоре. — Хотя они своих воробьев всех сожрали. Нам так замполит рассказывал, но, как бы то ни было, воробей хоть и маленький, но птица, вернее птичка. Он ведь, что маленькая куропаточка. А это... Вот Тарасюк Генка, командир БЧ-2, наотрез отказывается от этой снеди. Он почему-то говорит, что быстрее подохнет с голоду, чем эту банку, — он показал пальцем, — домой принесёт. А всё из-за того, что они в одной из банок крысиную лапку нашли. Не, я понимаю, французы там лягушек едят, есть племена там червячков и паучков, но хунвейбины полные козлы. Пишут, что тушенка, но не пишут, из чего она.

Старпом замер, немо уставившись на Глеба. Тот, словно не видя его взгляда, вновь налил ему в стакан спирт. Но то ли от необладания своим равновесием ввиду выпитого, а то ли без всякой на то мысли, плеснул ему чуть больше половины стакана. Остальным же, как и прежде, по глотку. И, продолжая жевать, сам потянулся вилкой к красной банке.

Старпом, перестав жевать, внимательно смотрел на его вилку, он словно мысленно запрещал касаться распробованного им продукта. Или же, напротив, подталкивал взглядом руку Глеба.

Тот, ничего не замечая, выловил из жестяного блюда увесистый кусок, аккуратно положил его на кусочек хлеба.

— Товарищи офицеры, — Глеб неестественно выпрямился. — Господа офицеры, этот тост я предлагаю выпить за наших жён. Да и не только. Я предлагаю выпить за наших российских прекрасных женщин. Я предлагаю выпить за наших прекрасных, многострадальных женщин. За наших боевых подруг. За тех, кто своим душевным теплом, и не только душевным, согревает нас... Прошу выпить стоя, — но этого можно было и не говорить. Соловьёв и Сазонов уже стояли, едва покачиваясь, словно баркасы на легкой волне. Они застегнули пуговицы и, подергивая полы кителей, тянули подбородки, вслушиваясь в слова Глеба.

— За милых дам, — он приподнял стакан над головой и, поведя им по кругу, торжественно припал губами к его краю.

Соловьёв, поперхнувшись, выдавил осипшим от спазмы горла голосом:

— За Катерину, супругу Михайлова, — и, прокашлявшись, добавил: — Хлебнёт она теперь лиха.

На что старпом, хмыкнув, бросил сквозь зубы:

— Она-то, Екатерина, не пропадет. — Он отломил маленький кусочек хлеба и закинул его в рот. — Женщины такого морального склада ума, поверьте мне, как знатоку, не пропадают. Как говорят, в тихом омуте черти водятся. Так и наша Катерина. В городке её не просто так «Тихой гаванью» называют. Пока Михайлов в походе, она на взводе. — Старпом пьяно, как-то свысока осмотрел окружающих. Те в недоумении уставились на него.

Глеб тоже осмотрел всех по очереди, и когда взгляд остановился на старпومه, выдавил:

— Пётр Вильяминович, прошу пояснить. Михайлов мой друг, а Катерина его жена. Поясните, пожалуйста, откуда такая нелестная у вас характеристика на жену вашего... нашего товарища по оружию, то бишь вашего подчиненного.

Соловьев поднял в недоумении правую бровь и поддакнул Глебу:

— Да, Пётр Вильяминович, будьте добры, поясните.

— Да что вы, право, господа офицеры, ваньку-то ломаете. Мы здесь все свои, и вы будто не знаете, что о Екатерине в городке говорят.

— Нет-с, — Глеб встал, вперил свой пьяный взгляд в старпома. — Не знаем-с. Сплетнями не занимаемся. Поясните-с.

Старпом улыбнулся, исподлобья окинул присутствующих взглядом. Закурил сигарету. Глубоко затянулся, пустил тонкую струйку дыма в потолок:

— Глеб Александрович, я сегодня был у командира. Рассматривали, кого направить старшим для доставки тела Михайлова на родину. Больше десяти соискателей было, но остановились на вашей кандидатуре. Я поддержал. Завтра будет приказ.

Глеб его не слушал:

— Пётр Вильяминович, поясните-с. Сказанное относительно жены капитан-лейтенанта Михайлова. Я требую пояснений.

— Что? — Старпом в удивлении вскинул брови. — Что? Что вы требуете? Вы требуете, чтобы я вам пояснил, что жена капитан-лейтенанта Михайлова слаба на передок. Что она, попросту говоря... — Он громко рассмеялся. — Полноте вам, Глеб Александрович, вы так говорите, будто сами ей под юбку не лазили.

— Не лазил-с! Более того, Пётр Вельяминович, даже в мыслях не было. И смею вам доложить, что всё, что вы здесь произнесли относительно-с жены нашего товарища, ложь! Гнусная ложь! И это не делает вам чести ни как человеку и, тем более, ни как морскому офицеру!

— Капитан-лейтенант! — Старпом вскочил так, что табурет отлетел прочь. — Вы как разговариваете со старшим по званию! — Он побагровел лицом. — Как вы смеете!

— Смею! — Глеб набычился. — Поскольку вы, сударь, лжец и... и... прохиндей!

— Что?! Что?! Что ты сказал, щенок! Когда на меня шинель шили, тебя ещё, ещё в... в утробе носили!

— Я, может быть, и щенок, Пётр Вильяминович. А вы, дозвольте вам доложить, полная скотина! Это вы вкрадчиво нашептываете, где ни попадая, всякую мерзость о Екатерине. Это вы ей и кличку придумали «Тихая гавань», хотя прекрасно знаете, что она далеко не тихоня, — Глеб наклонился через стол и бросал слова в лицо старпому, словно плевал. — Да и вам она врезала по физиономии вполне по заслугам. Вот тогда вы Михайлова и невзлюбили.

Старпом пьяно и ошалело внимал всему сказанному. Глаза его наливались кровью.

— Молчать! — взревел он, не выдержав.

— А что мне молчать? — Глеб наклонился ещё ближе. — Я ведь правду говорю! Шляешься по бабам, что тот ловелас, а, может быть, себе доказываешь, что ты мужчина? Может, ты, старпом, скрытый гомик и своими похождениями доказываешь себе, да и окружающим тоже, что мужик? Утверждаешься, так сказать, в самомнении, а на поверку, пи-де-рас!

— Что?! — Невесть откуда в руках у старпома оказался «макаров». Он сунул его под самый нос Глебу: — Пристрелю! Щенок!

Глеб от неожиданности отпрянул назад и мгновенно двумя руками ударил по руке старпома, пытаясь выбить пистолет. Но алкоголь сделал свое дело, удар пришелся не так, как учили. Механическая заученность не сработала, автоматизм, выработанный долгими тренировками в рукопашном бою, дал сбой.

Отбитая рука старпома с пистолетом оказалась против его же лица. Грянул выстрел. Именно грянул. В маленьком, закрытом помещении звук выстрела прозвучал, что разрыв гранаты. Старпом вместе с пистолетом рухнул на пол лицом вниз. Сазонов, сидевший на диване и безмятежно подремывавший, вскочил в испуге. Рванулся к шкафу, где у него лежала кобура с незаряженным «макаровым». И онемело замер, уставившись на лежащего старпома:

— Вы это зачем?

Глеб в ужасе смотрел на распростертое тело старпома. Он видел, как из-под его щеки маленькой струйкой просочилась кровь. Темное пятнышко нарастало и замерло, будто набирая силы для дальнейшего захвата отвоёванного пространства.

— Я не хотел, — он посмотрел на друзей. — Я не хотел, он сам. Откуда у него патроны? Нам же патроны не дают...

Соловьев тупо таранился то на старпома, то на Глеба:

— Глеб Александрович, ты его убил. Как пить дать убил. Хана нам. Завтра прокуратура и трибунал, как пить дать, всех посадят.

В голове у Глеба мгновенно пронеслось, что будет завтра. Его мысль остановилась только на том моменте, когда он явственно увидел себя сидящим за решеткой в зале суда, а напротив, всю в чёрном, жену Ленку и своих малышей. Он в отчаянии обхватил голову руками и замотал ею, пытаясь сбросить с себя это пьяное наваждение. В голове кто-то назойливо запричитал:

— Вот и всё. Жизнь закончилась не начавшись, вот тебе и отпуск. Не успели похоронить Михайлова, здесь уже и Кротов подоспел. Командира уволят. — В его мозгу явственно послышался его голос: «Глеб Александрович, я вашей службой доволен».

Глеб отбросил руки от своего лица:

— Вы ничего не видели и не слышали. Мы со старпомом были в кубрике одни. И вы не знаете, что здесь произошло. — Он посмотрел на Соловьева: — А ты, Геннадий Васильевич, вообще здесь ни к чему не причастен. Иди к себе на службу и не высовывайся до утра. Ты здесь не был, ничего не знаешь. Мы сейчас всё приберём, и я позвоню дежурному по базе.

На что Соловьев замотал головой:

— Нет, Глеб Александрович, так нельзя. Не усугубляй дело. Никуда я не пойду. Я главный свидетель. Я всё видел, слышал. Отвечать вместе будем. По честняге.

Все трое бросились наводить порядок, стараясь не глядеть на то место, где лежал старпом. Слова: «А что это было, мля?...» — на мгновение парализовали всех. Одновременно три пары глаз сошлись на теле старпома. Но тело его не лежало, а сидело, обхватив правой рукой лобную часть головы.

— Что это было? — Он убрал руку от головы и уставился на офицеров. Они разом кинулись к нему.

— Пётр Вильяминович! — Наперебой, отстраняя друг друга, подхватили его и усадили на диван. Сазонов уже тащил аптечку, разматывал бинт и доставал вату. Глеб же намочил полотенце спиртом, обтирал лицо, смывая кровь вокруг раны старпома, причитая: — Пётр Вильяминович, брат ты наш по оружию. Как же вы так неосторожно. Оружие нельзя, миленький, заряженным держать. Так ведь и до греха недалеко.

Лобная часть головы их командира оказалась очень крепкой. Пуля, прошла по касательной, обильно порвав кожу. Старпом непонимающе крутил головой:

— Меня кто кувалдой ударил? Голова как болит...

Сазонов суетился:

— Сейчас, Пётр Вильяминович, сейчас не будет болеть. — Он разбавил спирт водой и поднес стакан к губам старпома. Тот жалостливо посмотрел на Сазонова:

— Водичка?

— Да, да, Пётр Вильяминович, водичка, святая водичка. — На что старпом понимающе мотнул головой и выпил. Его, как маленького ребёнка, уложили на диван, и он незамедлительно захрапел.

В шесть часов утра все трое чисто выбритые, в отутюженной форме и пахнущие одеколоном стояли подле дивана. Они, в ожидании пробуждения старпома, всматривались в его лицо.

Старпом сладко посапывал и просыпаться не желал. Забинтованная голова казалась чалмой, а следы запекшейся крови на лице вызывали жалость

Сазонов с улыбкой вопросительно посмотрел на друзей:

— Надо будить, — и осторожно потрепал старпома за плечо. — Щорс ты наш ранетый. Пётр Вильяминович, подъём. Родина-мама зовёт. Подъём, родненький, вас ждут великие дела. — На что старпом открыл глаза и долго-долго оглядывал присутствующих и комнату. И будто вспомнив, сел, обхватив руками забинтованную голову.

Он сидел так долго. Пока Глеб не сказал:

— Пётр Вильяминович, пора. Время. Вам ещё себя надо привести в порядок.

На что тот, едва кивнув головой, выдавил:

— Вы уж простите меня, что так вышло.

На что Сазонов ответил:

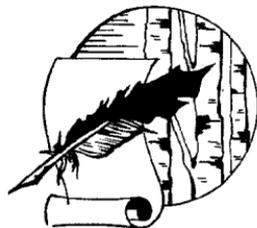
— Бывает, Пётр Вильяминович. Всякое бывает. Жизнь. Слава Богу, что обошлось.

— Да, да, конечно. Судьба, — старпом тяжело вздохнул.

А жизнь, на то она и жизнь. Сбросила несколько листков календаря с себя и понеслась, нагружая людей разными заботами. Заставляя их где шевелиться, а где, что ошпаренных, бежать без усталости и смысла. Забывая оглядываться на прошлое, с тайной жадностью заглядывать в будущее. Теша себя надеждами, мечтаниями или просто никчемными фантазиями.

Для всех четверых этот выстрел стал стартовой площадкой на долгой дороге жизни, другой жизни, в неизвестность. Но жизнь, на то она и жизнь.

г. Казань

*СТИХИ УЧАСТНИКОВ
ВСЕРОССИЙСКОГО СОВЕЩАНИЯ
МОЛОДЫХ АВТОРОВ*

(г. Химки, 2019 г.)

Дмитрий ТЕРЕНТЬЕВ (г. Нижний Новгород)

* * *

На лавочку садишься обречённо.
С желанием, но больше по привычке.
Закуриваешь. В коробке картонном
Хоронишь отработанные спички.

Смешная аллегория. Отрава
Порой способна избавлять от боли.
Бензином зажигалку не заправил.
Зато себя заправил алкоголем.

А снег летит как залпы миномётов
(Взрывая двор), холодный и жестокий.
Ты в жизни тоже полюбил кого-то,
Но всё равно остался одиноким.

Снег засыпает всё вокруг. В жилище,
Им созданном, улиткой засыпаешь.
Однажды кто-нибудь тебя отыщет,
Как памятник, а может быть, как память.

Вот квинтэссенция уединенья,
Точнее, одиночества могила...
Ах да, сегодня был твой день рожденья.
Она забыла.

...Видимо, забыла.

Светлана АЛЬКИНА (г. Ульяновск)

СЕНТЯБРЁК

Что ж ты холодишься, Сентябрьрёк?
Кутаешь в одежды потеплее,
Хулиганишь, во дворах слоняешься,
Разжигаеть на ветвях костёр.
Свитерок под дождичком промок.
Зонтики помчались по аллеям.
В лужах бодрый Рыжик отражается,
Мой сентябрь: ранет-рябина-тёрн.

Паутинку в небо запусти
Палантином шелковым на плечи.
Солнечным останься, мой дружок.
Пусть тропинка — мой горчичный плед.
Ленточки в колосья заплести,
Пробежаться б... Мостик из дощечек.
Ты не холодись, мой Сентябрьрёк,
Я еще не выбрала берет.

Влада БАРОНЕЦ (Санкт-Петербург)

* * *

Проступает комната за окном,
Как комар, впечатавшийся в смолу.
Лишь лицо маячит своим пятном,
Расплываясь выдохом по стеклу.

Вещь врастает в вещь. Со стены картин
Не убрать. Сливаются стул с углом.
Это натюрморт. Человек один
Неуместен здесь со своим теплом.

Дом обычно холоден, нелюдим.
Сушит хлеб на блюде, хранит золу.
Человек приходит домой один,
Тишину спугнув и встревожив мглу.

Человек скорее хватает пульс.
Ухо к трубке прикладывает. Врачи
Так у стывших тел проверяют пульс
И, послушав пульс, говорят: стучит.

Заслонен подушкой сквозняк в груди.
Рядом дышит кто-то как будто твой.
Циферблат моргнул, показал: один.
Ночь сошлась без всплеска над головой.

Павел ВЕЛИКЖАНИН (г. Волжский Волгоградской обл.)

**ОТ ПЕЧИ НАЧИНАЛАСЬ
ДЕРЖАВА РОССИЙСКАЯ**

От печи начиналась держава российская,
От печи, да не лежа на этой печи.
Что якутский мороз, что нам стужа мансийская?
Рубим избы, печные кладем кирпичи.

Заметают снега поселения русские,
Из сугробов упрямые трубы торчат.
На восток и на север дорожками узкими
Серебрится просторов холодных парча.

Так с природой суровой страна моя спорила:
Месит глину печник — значит, дому почин!
Видно, русской земли протекает история
Через устье широкое русской печи.

Иван КОНОВАЛОВ (г. Ярославль)

* * *

Подарил мне свои глаза
тот, чей взгляд был особо зорок,
— Одолжайся! — так мне сказал
мой приятель, палеонтолог.

Как в пещерах зажёл я свет,
как в глазницы вложил я зреньё?
Для меня — и ответа нет,
и вопрос потерял значенье.

Но я видел, как известняк
раскололся со страшным звоном,
оттого что внутри набряк
пышный папоротник Девона.

Я на птицу взглянул — она,
Стрекоча, показала зубы.
Трилобитов морского дна
я давил каблуками грубо.

Как хрустел под пятой хитин!
Как дрожали крыла стрекозы!
Буйный калейдоскоп картин,
виноградин тяжёлых гроздьа.

И, клянусь, я увидел связь
между гейзером, век от века
окроплявшим росой грязь,
и рождением человека.

А в пещерах огонь дымил,
но горел и светло, и просто:
закоснелый и скучный мир,
шевелись, отряхал коросту.

Я стоял и вздохнуть не мог,
потому что в пещеры стайно,
как собаки, садясь у ног,
заходили живые тайны.

Александр КУДРЯВЦЕВ (г. Омск)

* * *

Когда перестают подруги сниться
и не выходит с сердцем совладать,
я пробираюсь в сумерках на пристань
смотреть на незнакомые суда.

А там волна о пристань бьется мощно,
звон якорных цепей и крики птах,
и если долго вслушиваться, можно
услышать моря зов.
Однажды так

Ясон, во благо греческой общине,
откликнувшись на тот далекий зов,
уплыл на поиск золотой овчины
в компании известных молодцов.

Чем я его умней? Найти бы шхуну,
покинуть порт, и с самого утра
пусть не руно, а собственную шкуру
на выделку отдать семи ветрам.

Что станется со мной вдали от суши?
от гибели себя не сберегу
в конце концов...

Но это будет лучше
чем якорем ржаветь на берегу.

Юлия ЦУМАН (ЛИННИКОВА) (г. Челябинск)

* * *

Ты смотришь на время, но времени уже нет.
Падает, всё заматая, снег.
Мёрзнут в перчатках пальцы. Куда идти?
Куда бы ни шли, знаю: не по пути.
Не по пути. Снег всё белей, плотней.
Дорога узлом, и я ухожу по ней.
Не будет ответа. Молчанье и есть ответ.
Ты смотришь на время, но времени уже нет.
Снег превращает мир в океан без дна.
Так даже проще: я тебе не видна.
Ни руки на прощанье, ни прости, ни пока.
Снег метёт. Всё
превращается в облака.

Виктория НАУМЕНКО (г. Ухта)

НОКТЮРН

А ночь опять чернила пролила
Порывистой трепещущей рукою.
Сгущается тревога по углам,
И чувствуешь, объятый непокоем,
Как дышит бездна, разевая пасть,
Как вновь чужая смерть проходит рядом
И задевает. Чтобы не упасть,
Ты не рукой хватаешься, а взглядом
За что-нибудь, фиксируя деталь:
Герани, полки с серебристой пылью.

И спящий мир до кома в горле жаль.
И кривит рот бесслёзное бессилье.
Крестом простерся переплет окна
И на пол длинные отбросил тени.
И над землей такая тишина,
Что каждый звук в ночи тебе спасеньем.
Вот граммофона движется игла,
Слегка хрустят под пальцами страницы.
Светлеет небо. Ты сгорел дотла.
Но по привычке продолжаешь длиться.

Полина НОВИКОВА (г. Калач Волгоградской области)

В ЛЕСУ

Я пытаюсь выйти, но лес всё темней и гуще.
Мне нет дела до криптовалюты и власть имущих,
До лекарства от всех болезней и тех, кто в сердце.
Я хочу в тепло — успокоиться и согреться.
А деревья всё незнакомей и всё могучей.
Мой смартфон в кармане — разряжен, разбит, отключен.
Пальцы смёрзлись. Идти тяжело — сапоги намокли.
Замечаю — там, на поляне — не костерок ли?
Хорошо б егеря, а не бомжи и не маньяки...
Мозг рисует картинку: найдут по весне, в овраге.
Но замёрзла так, что уже не могу бояться.
Выхожу к огню. Их много сидит. Двенадцать.
Все мужчины, в разной одежде, и возраст разный.
Удивлённо смотрят. Слышится — «Во зараза...»
Седовласый старец быстро готовит место
У огня. Говорит: «Вот так гости! Садись, невеста».
У него борода, как у Деда Мороза с Сантой.
«Это ж сколько надо глупости и таланта,
Чтоб сюда забраться! Синяя вся... Налей ей!»
Не ищите истину в винах! Она в глинтвейне.
В деревянной шербатой кружке. В костре. В покое.
А седой шипит мужику за моей спиной
В длинной шубе: «Девка еле руками движет.
Пересядь от неё. А ты, молодой, поближе».
И другой подходит — насмешливый, светлоликий.
Обнимает... слышу запахи земляники...
И тепло... И рыжий с ружьём хохочет:
«Осторожней! Он любит юбочки покороче».
Слышно пару смешков. А главный качает пальцем:

«Ты давай, молодой, не сильно перестарайся!
У неё есть друг, да и девочка не из шальных».
Молодой бормочет «Когда это мне мешало»,
Но слегка отходит. Костёр неспокоен, жарок.
Главный мне говорит — «Раз пришла, выбирай подарок».
Я теряюсь... «Можно ягод?» Сосед мой злится.
Говорит — «Не целуешь — без ягод сиди, девица».
Я смеюсь. Наверно — снится, и утро скоро.
Засыпаю под непонятные разговоры.

Просыпаюсь — зябко. Снегом меня заносит.
Замечаю — вроде тропинка идёт меж сосен.
На неё ступаю — и миг выхожу из леса.
Рассказать кому, не случай — плохая пьеса.
И сама заря по округе разносит крики
Петухов.
В кармане — горсточка земляники.

Александр РУХЛОВ (г. Курган)

СТАРЫЕ ДВОРЫ

Где лохматые сонные тополи
Запрокинули головы ввысь,
Там гулял ты в сандаликах стоптанных,
Там бетонные кони паслись.

Ты узнаешь дворы обветшалые,
И они тебя помнят пока.
Только яблоки стали шершавыми
У коней на покатых боках.

За песками далёкой песочницы
Спят жирафы из радужных труб.
Совершает с отчаянной точностью
Молчаливая память свой труд.

Где ржавеет железное кружево
Вечно жаждущих неба ракет,
Ты убит деревянным оружием:
Сколько зим, столько лет, больше нет!..

Сдержишь слёзы. Негоже. Не маленький.
Но качели заплачут с тоски.

Их встревоженный стонущий маятник
Будет время рубить на куски.

Все старушки на лавочках — умерли.
Ну а мы, может быть, не умрём.
Скрип качелей сквозь тусклые сумерки
Одиноким летит журавлём.

Вячеслав ШЕВЧЕНКО (г. Санкт-Петербург)

* * *

«Поэт в России — больше, чем поэт!»
Чем программист, хирург, телеведущий,
Он больше, чем бухгалтер, логопед...
Поэт в России — дворник или грузчик.

Когда авто сломалось, дребезжа,
Поэт, он не пойдёт по тротуару —
Он ходит лишь по лезвию ножа!
А без ножа — ну, максимум до бара.

Когда ж поэт бармену говорит:
— Налей-ка мне взаймы ещё немного!
То не поэт бармену говорит —
Глаголет сквозь поэта голос бога!

И, взор свой поднимая к небесам,
Я на поэта только уповаю!
Поэт в России больше, чем он сам,
Два места занимает пусть в трамвае!

«ДУША СЛЫШИТ СВЕТ...»

В конце 80-х годов XX века началось наше духовное возрождение. Стала ослабевать атеистическая цензура — и к нам стала возвращаться целостность жизни. Небо и земля. Душа и тело. Царь и народ. Молитва и труд. Духовенство и воинство. Жизнь временная и вечная. Все это стало соединяться и оживать, ибо жизнь истинная — такая, какая она есть на самом деле — может быть только целой.

Стала соединяться воедино история Отечества — всех ее веков, со всеми ее событиями, сословиями. И мы стали различать истинный смысл бытия народа.

И так же целостным открывался давно, казалось, знакомый нам образ — Николай Васильевич Гоголь. Знакомый — но что-то в нем, как нам объясняли, было лишним, странным, чуть ли не болезненным. Долгие годы этот образ — вольно или невольно — искажался. Нам намеренно выставляли на вид художественное творчество великого писателя — и отсекали то, что и ему самому, и нам в его неповторимом духовном пути было важнее всего.

СИМВОЛ ВЕРЫ

От нас не требовалось глубоко вникнуть в наследие Гоголя самого позднего, самого зрелого этапа его жизни — достаточно было положиться на письмо В.Г. Белинского к Гоголю с резкой критикой книги-исповеди, книги-проповеди, книги — «программы национального спасения», как назвал ее публицист М.Ф. Антонов: «Выбранные места из переписки с друзьями». Но ведь и Белинский этой книги полностью не читал — в первом издании важнейшие ее главы цензура заменила точками.

Если «Выбранные места из переписки с друзьями» чуть ли не сразу после выхода в свет легли в тень отвержения, неприятия, полностью почти не издавались, то «Размышления о Божественной литургии» вообще у нас в советское время не печатались, не вошли даже в так называемое Полное собрание сочинений писателя 1937—1952 годов, будто он их вовсе не писал.

Только целым Гоголь может быть понят — таким, каким он был. Как и вся жизнь, как тайна России, ее прошлого, настоящего и будущего, он может быть увиден истинно только как православный христианин — глядя на его путь, на его наследие православными глазами.

Это не есть сужение взгляда. Православие — это полнота, это истина, данная нам Самим Богом. Она была проповедана святыми апостолами, сохранена святыми Отцами Церкви, засвидетельствована кровью мучеников, в том числе и сонма новомучеников Церкви Русской XX века. «Многообразно противоречие, а истина единообразна» (святитель Кирилл Иерусалимский).

«Видите узкими врата, яко пространная врата, и широкий путь вводи в пагубу, и мнози суть входящии им. Что узкая врата и тесный путь вводи в живот, и мало их есть, иже обретают его» (Мф. 7; 13-14).

«Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелазай иначе есть тать и разбойник» — таков итог жизни Гоголя, его духовное завещание.

Как это сделать? Как и ныне, на новом этапе русской истории, свободном, кажется, от многих заблуждений и идеологических ограничений, избежать новых недоразумений с этим наследием? Как взять из этого сокровища не всё — о, где там взять всё! всё не возьмешь ни из чего, даже из вида на лошадь с жеребенком поутру, на стог сена... — не всё, но как можно больше? Каков ключ к этому наследию?

Ключ этот — доверие. Ключ этот — взаимность. Нам нужно прочувствовать всю степень доверия к нам Гоголя, его не-

---

привычной для нас искренности, ведь книга «Выбранные места из переписки с друзьями» была написана потому, что он «был уже тяжело болен, смерть уже была близко» (этими словами она начинается), и ответить тем же. Искренность — основа этой книги, не меньше, а больше обычной. Это непривычная для обычной нашей жизни искренность. Это искренность того, кто в полном, звенящем одиночестве, на чужбине жил вне суеты обычных земных разговоров, приличий, обещаний, словечек на ходу о незначительном — нет, только значимым, важнейшим жила душа его в тишине долгие месяцы и годы, только труд, молитва, небо и одиночество, и мысли о родине, о главном в судьбе близких и дальних ему людей, о нас с вами. И вот тут, когда всё отмеривается от тишины, от жизни и смерти, от вечности, всё говорится напрямую. И из самой глубины души, минуя перо, изливается ее чистая правда: «Соотечественники!.. не знаю и не умею, как вас назвать в эту минуту. Прочь пустое приличие! Соотечественники, я вас любил; любил тою любовью, которую не высказываю, которую дал мне Бог, за которую благодарю Его, как за лучшее благодеяние, потому что любовь эта была мне в радость и утешение среди наитягчайших моих страданий — во имя этой любви прошу вас выслушать сердцем мою *Прощальную повесть*. Клянусь: я не сочинял и не выдумывал ее, она выпелась сама собою из души, которую воспитал Сам Бог испытаньями и горем, а звуки ее взялись из сокровенных сил нашей русской породы нам общей, по которой я близкий родственник вам всем».

«Его идеи были <...> искренни <...> Его воззрения делились миллионами людей умных и высоких душою. Его воззрения были воззрениями первых поэтов за много столетий...», — писал, имея в виду позднего Гоголя, критик А. В. Дружинин.

Не без помощи письма Белинского к Гоголю, которое нам долгие годы вменялось изучать как единственно возможный взгляд на последний этап гоголевской жизни и творчества, мы встали над Гоголем. Тут сказалась та самая *гордость ума*, которую Гоголь в своей книге назвал важнейшим недугом нашего времени. Над кем только мы ни вставали! С легкостью в мыслях необыкновенной. Это при нашем-то образовании. Вот и тут тоже. Не только над одним из величайших мировых писателей, но и над одним из образованнейших людей, одним из русских университетов — как Ломоносов, как Пушкин. Знаток богословия и истории, шедевров мировой живописи и литературы (конечно, по подлинникам), народных песен... Человек богатого жизненного опыта, до мелочей знавший быт Малороссии и чиновный Петербург, высший свет и простецкую жизнь. Великий путешественник, не раз ездивший по России, совершив-

---

ший паломничество в Иерусалим, а в Европе трудно найти город, где бы он не жил: Рим, Париж, Вена, Франкфурт, Неаполь... Круг его друзей, знакомых, собеседников говорит сам за себя: Пушкин, Лермонтов, Жуковский, Мицкевич, Щепкин, Аксаковы, Киреевские, Опгинские старцы...

Итак, да не будет с нами такой беды: то, что покажется нам странным, признать пустым, то, что покажется наивным, признать поверхностным, то, что покажется утопическим, признать безжизненным.

Не будем спешить. Эта книга, может быть, в чем-то окажется и сложнее нашего взгляда на вещи. Это естественно: тот, кто живет в тишине, в углубленности, видит жизнь иначе, чем те, кто «кружится среди мира». Но ведь затем мы и берем ее в руки — и не раз, а, может быть, несколько раз в жизни, снова и снова перечитываем: на том месте, где не видели в прошлом году ничего, видим вдруг важнейшее для нас сегодня, то, что казалось нам странным, вдруг связывается незримыми нитями с другим, и вот уже — стройная и величественная картина, открывающаяся нашему новому зрению, как в театре, когда поднимается следующий занавес и углубляется сцена. Таково свойство классики, всякой книги, в которой есть крупинцы истины, — она дает нам столько, сколько мы можем из нее взять, тут ведро никогда не ударится о дно, опустится настолько, насколько хватит у нас веревки.

«Нужно любить Россию», — сказал он так прямо и так просто, с полной убежденностью, что в этой любви — тот самый выход из всех тупиков, которого мы мучительно ищем, о котором и он думал всю жизнь — как о главном. И кончил свой путь, передав нам описание «вечного повторения великого подвига Любви, для нас совершившегося», — Божественной литургии.

Нужно любить Гоголя, скажем и мы, в тон ему просто. Тогда нам откроется его простая правда. И мы полюбим и самые шероховатости этой книги, которую он спешил для нас сделать, ее неоглядность, которой он не побоялся, заботясь не о слоге, но о другом, более важном. Любовь к этому великому порыву всё оценит, всё поставит на свои места. Мы услышим щедрого собеседника, открывшего нам всё, что накопил, и заслуживающего щедрости слушателя, отдающего свое доверие и углубленное внимание.

Тайна России — тайна жизни

С книгой «Выбранные места из переписки с друзьями» связано много легенд. Одна из них — та, что будто бы тут

произошла измена Гоголя самому себе, какой-то произошел разрыв в его творческом пути, уклонение в сторону и прочее.

Да, это книга нового этапа в его жизни. «Душа слышит свет», — сказал он в это время. Но это и книга верности себе, естественное продолжение всей предшествовавшей жизни.

Возьмем статью совсем раннего, 22-летнего Гоголя, набросанную в 1831 году и отделанную для сборника «Арабески» в 1834-м — «Скульптура, живопись и музыка». В ней мы находим то, что сродни мыслям и чувствам последних книг Гоголя. Он писал тогда о том, как задыхается душа в бездушной вещественности, в голом чичиковском материализме.

«Никогда не ждали мы так порывов, воздвигающих дух, как в нынешнее время, когда наступает на нас и давит вся дробь прихотей и наслаждений, над выдумками которых ломает голову наш XIX век. Всё составляет заговор против нас; вся эта соблазнительная цепь утонченных изобретений роскоши сильнее и сильнее порывается заглушить и усыпить наши чувства. Мы жаждем спасти нашу бедную душу, убежать от этих страшных обольстителей и — бросились в музыку. О, будь же нашим хранителем, спасителем, музыка! Не оставляй нас! Будь чаще наши меркантильные души! Ударь резче своими звуками по дремлющим нашим чувствам! Волнуй, разрывай их и гони, хотя на мгновение, этот холодноужасный эгоизм, силящийся овладеть нашим миром! Пусть, при могущественном ударе смычка твоего смятенная душа грабителя почувствует, хотя на миг, угрызение совести, спекулятор растеряет свои расчеты, безстыдство и наглость невольно выронит слезу пред созданием таланта... Великий Зиждитель мира... в наш юный и дряхлый век ниспослал... могущественную музыку — стремительно обращать нас к Нему. Но если и музыка оставит нас, что будет тогда с нашим миром?»

Конечно, Гоголь писал о настоящей музыке, с которой в наше время многие, увы, разошлись.

Гоголь сказал и сам в «Авторской исповеди»: «Я не совращался со своего пути. Я шел тою же дорогою. Предмет у меня всегда был один и тот же: предмет у меня был — жизнь, а не что другое. Жизнь я преследовал в ее действительности, и пришел к Тому, Кто есть источник жизни. От малых лет была во мне страсть замечать за человеком, ловить душу его в малейших чертах и движениях его, которые пропускаются без внимания людьми, — и я пришел к Тому, Который один полный ведатель души и от Кого одного я мог только узнать полнее душу».

Он был, как мы знаем, одним из величайших реалистов мира, «окунул» нашу литературу «в бездонную телесность», тем и был велик, что всякая мелочь единого мира была для

него живая, значительная (без нее не будет мира всего). Он привык замечать (и придавать этому значение) такое, чего менее одаренные писатели (да и просто взрослые люди — только дети на это способны) не замечают.

В одном из черновиков первого тома «Мертвых душ» читаем:

«Тут жила родственница их, дряблая старушонка, всё еще ходившая всякое утро на рынок и сушившая потом чулки свои у самовара, которая потрепала мальчика по щеке и полюбовалась его полнотою».

Почему — «сушившая потом чулки свои», да еще «у самовара»? Ведь это единственное, что мы во всю жизнь свою об этой старушонке узнали — о всей ее жизни.

Мир безконечен, весь его не описать, даже летящим пером — а вот же вам «на выбор» эти чулки, этот самовар: знайте, что еще миллион всего в мире есть, достойного того же пера, той же любви, участья — не лучше и не хуже, не в этом дело, любви всё достойно, она в этом и заключается, весь мир она вмещает, созданный ею: *Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 8).

Божественное чувство безпредельности всей жизни — важнейшая черта реалиста Гоголя. У него ружье на стене именно не стреляет, дабы оправдать свое место в пьесе. Оно висит на ней как часть огромного мира, который прекрасен потому, что всё в нем живет, всё значительно, всё сотворено, всему есть место, ничто не лишнее, не случайное — всё любимо.

Да, он окунул нашу литературу в телесность, но он же и вознес ее до небес — вот гоголевский объем! Таков реальный мир в его полноте и единстве.

Он соединил то, что мы привыкли разъединять: небо и землю, низкое и высокое, смешное и печальное, сиюминутное и вечное. Целостность мира — главное ощущение Гоголя.

Но ощущение целостности мира — это ощущение Бога, его Творца.

В этом мире нет мелочей, случайностей, никчемного — всё несет в себе отпечаток Создавшего.

«Боже, дай полюбить еще больше людей. Дай собрать в памяти своей всё лучшее в них, припомнить ближе всех ближних и, вдохновившись силой любви, быть в силах изобразить. О, пусть же сама любовь будет мне вдохновеньем».

Так он молился. Он был всегда реалистом — и остался на всю жизнь реалистом. Никуда его знание жизни от него не делось.

Оно лишь углубилось. И, прежде всего, углубилось его познание человеческой души. А значит, и жизни всей. Ибо сложнее жизни души ничего нет.

Так появился второй том «Мертвых душ», над которым он работал до последних своих дней, который те, кто слышал

его в законченном виде, даже не те варианты, что дошли до нас, поставили именно в смысле реализма выше первого. Так появилась и связалась со вторым томом книга «Выбранные места из переписки с друзьями», «главный предмет» которой, как писал Гоголь, — «психологический вопрос».

Эти книги о том, что жизнь можно сделать лучше, чем она есть, и для этого есть реальный путь. Путь этот связан с устройством души человека: там, в душе, — устройство всей жизни, ее высота и низость. О том, что можно прожить эту жизнь не «небокоптителем», но сохранить душу живую в жизни настоящей для жизни вечной. Душа может быть мертвой и может быть живой.

Обычно мы привыкли всё отмеривать от привычного, видимого, отнюдь не главного — не от полной правды, не от полной чистоты, не от единственности каждого нашего дня, слова, дела. От уходящего в небытие, умирающего вроде бы с каждым заходом солнца дня, каким бы он ни был смачным, как у Пульхерии Ивановны или у Петуха. Не уходящего в вечность. А ведь именно такой взгляд был бы самым простым, самым верным. Ведь всё в нашей жизни значительно, ведь нам действительно дано бесконечное: мир, судьба, продолжение рода, душа. Ведь наши дни действительно включены в вечность. Так что же простого в «обычной жизни», которая, кажется, так неприятно течет у нас перед глазами, во всём этом ее «коловоращении», о чём Чичиков сказал с простодушием усердного телезрителя?

Гоголю всё больше жизнь виделась именно так, просто и истинно — отсчитывая от ориентиров незыблемых. Жизнь — от смерти. Родина — от чужбины. Душа жива — от тлена заложенных под проценты «ревизских сказок» с именами навсегда ушедших в мир иной христиан. И всё вот так, истинно, увидев, он снова поразился Евангельской правде, которая отнюдь не уходит от нашей жизни «куда-то туда», но именно видит ее такой, какая она есть, не затуманенной сиюминутными прелестями быстротекущих дней. Вот они-то, действительно, не реальны: сейчас есть, в уши орет, лезет в глаза всякими «заманками света», хочет, чтобы их цели признали высшими целями бытия, а завтра — след простыл, а послезавтра — и из архивов долой.

Гоголь так и писал, что он пришел к христианству не через чудеса и теории, но через увиденную более пристально жизнь человеческую — ту, на которую и мы всё время смотрим.

Великий реалист видел эту жизнь до пятнышка. И так же реально он наблюдал над душой человеческой, прежде всего над своей, «ибо там законы всего и всему: найди прежде ключ

к своей собственной душе; когда же найдешь, тогда этим самым ключом отопрешь души всех». И увидел, что большего знания, чем знание Христова, о душе нет.

«Анализ над душой человека таким образом, каким его не производят другие люди, — писал Гоголь, — был причиной того, что я встретился со Христом, изучая в Нем прежде мудрости человеческой и неслыханному дотоле знанию души, а потом уже поклоняясь Божеству Его. Экзальтации у меня нет, скорее арифметический расчет; складываю просто, не горячась и не торопясь, цифры, и выходят сами собою суммы...» И в другом письме: «Поупражняясь хотя немного в науке создания, становишься в несколько крат доступнее к прозрению великих тайн Божьего создания и видишь, что чем дальше уйдет и углубится во что-либо человек, кончит всё тем же: одною полною благодарною молитвою».

Он всегда говорил свое задушевное. Он с этого начался как художник — с искренности своей тоски по дому, по Малороссии. Когда оказалось, что эту тоску можно изливать на бумагу, можно писать этой любовью ко всему малороссийскому, началось его великое творчество. Потом, в Италии, для него вся Россия, оставшаяся целиком в стороне, соединилась и стала единым домом — из этой тоски по России, из этой нездешней любви к ней получились «Мертвые души».

Там, вдалеке, его главным делом стали раздумья о тайне русской жизни, ее простого, на каждом шагу кажущегося абсурдным существования. О тайне ее бездны, приковывающей взор даже издалека, бездны вширь и бездны вглубь, бездны, противоположной всему плоскому, однозначному и — тленному.

Для Гоголя в Италии Россия стала другой. Он смотрел на ее настоящее словно бы на прошедшее (как пишет он в «Авторской исповеди»). В том числе и на всё ее с первого взгляда, безусловно, кажущиеся слабости, на все еле державшиеся колеса, которые не известно до какого города доедут и о которых русскому человеку сподручнее кажется рассуждать, чем встать и укрепить колесо и об этом уже не думать. И на прочее, несуразное, кажется, и вообще, может, не нужное на земле («Зачем живет такой человек?!» — у Достоевского). Никто, как Гоголь, не показал нелепость, никчемность, кажется, этих безчисленных жизненных мелочей — ну просто из них, из этих несуразностей жизнь наша вроде только и состоит, из этого вечного ношения воды в решете, когда можно взять ведро, шланг провести, насос подключить — и качать... Сколько надо для хозяйства. Нет — именно решетом. А если шлангом (заставили передовой опыт перенять), то дырявым. Чтобы проливалось,

---

чтоб себя замочить, других, ничего не принести. И решето это описал Гоголь во всём блеске. Всю эту бессмысленную маниловскую учтивость, эту тягостную ноздрёвскую жизнерадостность, всё это «врешетоводоношение» русской жизни он показал зримо, как никто. Потому и стал в ряд первых мировых сатириков. Сатириков — и поэтов. Живописцев. Сатирическая поэма — вот изобретение Гоголя.

Ведь вот что удивительно. И вот что для нас, для народа нашего, для всех людей тут важнее всего. Тут — самая суть его творчества, его пути, суть нашей истории, разгадка русской тайны, а значит — и всей мировой (ибо в других, «нормальных» странах — какие ж загадки? Только потому и загадочна еще жизнь человечества, что не разгадана русская загадка).

Если бы Гоголь, общепризнанный сатирик, описал всю нашу действительность только как досадную чепуху, о которой и думать нечего, разве что посмеяться, как над курьезом жизни, да и забыть, стараясь самому не попадать в эти безконечные комедии в качестве их участника, — если бы он описал это с одной целью, столь знакомой нашей «обличительной литературе» (да и Белинскому всё больше этого надо было от Гоголя), если бы цель у автора «Мертвых душ» была одна: показать, до чего же всё это несуразно, никчемно, и быть этого, стало быть, не должно на свете, — то есть вынести этой жизни смертный приговор (так мы и в школе когда-то учили: «Гоголь — обличитель николаевской России»), — если бы он описал русскую жизнь именно так, то он бы не был Гоголем.

Не было бы вообще такой прозы. Не было бы слова «поэма» (которое он сам в своем эскизе обложки первого тома «Мертвых душ» — удивительно, кажется? — выделил намного крупнее самого названия книги). Не было бы летящих лирических монологов. Не было бы не злого, а нежного юмора. Не было бы удивительного разнообразия характеров («Мне хотелось сюда собрать одни яркие психологические явления»). Не было бы продолжения поэмы, возникшего отнюдь не в последний период жизни, но именно тогда же, когда писался первый том, в первом томе есть уже ниточки, ведущие во второй и третий тома. Не было бы этого шестнадцатилетнего колоссального труда, упоительного по вдохновенности, самоотверженнейшего по самоотдаче, углубленнейшего по взгляду в жизнь и раздумьям о ней. О чём писать так долго, если речь идет о никчемности? Чего думать о пустоте? Выставить ее, вывернуть наизнанку, чтобы только показать, что внутри ничего нет? И это можно считать содержанием великой литературы?

Не было бы тогда этого бережного всматривания во все мелочи, благоговейного передавания того самого, неназываемого, едва уловимого, что составляет душу народа, самую ее суть, — что Гоголь сделал главным предметом своего внимания и передал нам опять-таки как никто. Не было бы этого обращения на себя, происшедшего с ним, как он говорил, во время писания поэмы и чего он ждал от читателя, от нас с вами. Не было бы того важнейшего, чем кончается первый том, — слов о загадке этой самой жизни, только что перед нами во всей, кажется, ясности развернутой: «Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земле, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Так что же это такое? Что за странность? Как это понять? Да, видно, тут всё обстоит не так просто.

«Безделицу позабыли! — читаем в «Выбранных местах из переписки с друзьями», где должны были сказаться главные мысли автора «Мертвых душ», в главе, которой не читал Белинский. — Позабыли все, что пути и дороги к этому светлому будущему сокрыты именно в этом темном и запутанном настоящем, которого никто не хочет узнавать: всяк считает его низким и недостойным своего внимания и даже сердится, если выставляют его на вид всем <...>. Пока я еще мало входил в мерзости, меня всякая мерзость смущала, я приходил от многого в уныние, и мне становилось страшно за Россию; с тех же пор, как стал я побольше всматриваться в мерзости, я просветлел духом; передо мною стали обнаруживаться исходы, средства и пути, и я возблаговел еще более перед Провиденьем...»

Этот взгляд на вещи может показаться неожиданным. Да, есть люди, которые не имеют мужества посмотреть правде в глаза, говорят, что выставляемые «реалистами» мерзости жизни — это взгляд сквозь черные очки. Понятно. Есть «реалисты», которые хотят доказать, что у тех, наоборот, розовые очки, что те прячут голову в песок, что в жизни нашей полно всяких мерзостей. И в этом вся правда. Что здесь можно любить, ценить, какие корни? В России недостатки же одни. О каком собственном ее пути может идти речь?

И вдруг читаем у Гоголя, знатока всех возможных несуразностей, от миргородской лужи до подписи в деловой бумаге «Обмакни», нечто другое: «...передо мною стали обнаруживаться исходы, средства и пути, и я возблаговел еще более перед Провиденьем...» Что, пропустить эти его зрелые

слова как красивый речевой пассаж, как некое его «противоречие», которым мы другой раз называем и то, что шире нашего взгляда на вещи? Но, может, здесь — самое главное для понимания гоголевского взгляда, всего его пути, его творчества, его загадок, «ошибок», «утопий» — названий было немало.

Случайно ли отцу русского реализма, как его всегда называли, суждено было выйти из «коловоращения» этой жизни и издалека посмотреть на то, на что можно было смотреть всего лишь как на недоразумение, — посмотреть непростым зрением: взглянуться в самое малое в ней, во весь «дряг жизни» — безстрастно, без эгоистической нетерпеливой досады перед тем, что мешает нам, но со спокойствием, с материнским даже участием к родному существу, в котором, как бы ни были больны его недуги и немощи, главное всё равно остаются принятие, забота и надежда?

И эту тайну жизни Гоголь увидел в тайне российского бытия, которое словно бы специально шло всегда вразрез с правдой века сего, чтобы сказать себе и всем: век сей — еще не весь век. Разумность мира сего — еще не вся разумность. Реализм видимого бытия и жизни временной — еще не весь реализм.

«Мертвые души» — это преодоление кажущейся видимой реальности, ее претензии на полную правду жизни. Это выход к объемному реализму, включающему в себя правду о жизни всей, вместе с вечной жизнью души.

Чтобы увидеть жизнь истинно, надо не отсекал от ее целого только временную и видимую ее часть — иначе существенно искажается и правда видимого. Временное кажется вечным, предельно важным, обожествляется тленное: копейка, вес в обществе — всё это начинает казаться по своему значению вечным. А то, что действительно предназначено для вечности, душа человеческая, божественное начало: вера, любовь, — представляется второстепенным, незначущим, а то и вовсе не существующим.

Вся видимая жизнь России, всё ее здешнее существование непонятны, если смотреть только здешними, материальными глазами, ибо судьба России нераздельно связана со Христом, с Его правдой, которую она приняла всем сердцем, впитала в себя, сделала свою землю землей Его жительства, покрыла себя Его храмами, вознесла Его лик на свой стяг, Его веру, переданную Им святым апостолам, сохраненную без человеческих изменений — веру Православную, — сделала главной святыней и, естественно, приняла на себя наибольшую ярость супротивной силы: «Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Ин. 15; 20).

И Гоголь, который заключил в себе, в данном ему от Бога даровании две главные способности: воспеть всю высоту жизни своим песенным словом и открыть всю пошлость жизни своим сатирическим пером, — показал именно это, важнейшее: как ни будь низка низость века сего, она никогда не будет полной правдой об этой жизни, потому что на ней эта жизнь не кончается.

Тот, Кто явился сюда *в рабском зраке*, Сын Божий, все-сильный Вседержитель, Которого ждали «в гордом блеске и величии» и Который ничего не сделал, чтобы воспрепятствовать позорнейшей казни, отдал Себя на вольную страсть, — именно Он и победил зло мира, пришедшее в мир противоположным путем, путем гордыни, победил смирением. Такова тайна жизни. И такова тайна России. Такова тайна, которую ее великий сын стремился всеми данными ему «орудиями» передать своему народу и миру: прими! И спасись!

Сатирик воспел жизнь, творение Божие, показав одновременно и высокую, божественную, и падшую его природу. Воспел — ибо падший этот мир призван измениться, преобразиться и спастись. Воспел — ибо в этот мир уже пришел Христос: дверь спасения (*Кто войдет Мною, тот спасется.* — Ин. 10; 9), взявший на Себя грех мира, искупивший его Своею *честною Кровию*. И только в этой греховности, падшести мира, призванного ко спасению, получившего эту дарованную возможность, — вся правда об этом мире.

Воскресение падшего человека — главная тема русской литературы, начатая Гоголем. Да, многое посягало на русскую жизнь, желая сбить ее с толку, чтобы стали здесь люди, как говорил Николай Васильевич, ни то ни сё: ни русские, ни иностранцы, ни свои, ни чужие, ни мужик, ни баба — то есть вовсе ничто.

Но не так, кажется, проста Коробочка, на стене которой висит портрет фельдмаршала Кутузова. Не так уж бездарен Чичиков. Не так уж беспробуден Ноздрев и туп Собакевич. Жизнь, слава Богу, бездонна и неожиданна — всегда. Прежде смерти ни в ком не отчаивайся — учат нас святые Отцы Церкви. И даже Плюшкин, как ясно сказал нам автор «Выбранных мест...», и именно он, познавший весь мрак и холод остывшей души, потому-то именно и будет знать цену теплу и свету, а милость Божия может быть явлена на каждом человеке в любую минуту — и, как это не раз бывало в истории, даже в жизни святых, самый падший станет вдруг «первым ратником добра», и именно его способности — да хоть даже и скупость Плюшкина — могут обернуться на спасение его души, даже хоть чичиковская привычка собирать копейку.

Великий наш святой, преподобный Серафим Саровский, младшим современником которого был Гоголь, приводит в пример купцов (мальчиком он прислуживал в лавке), которые выгодно торгуют нужным товаром, — чтобы и мы учились у них собирать капитал наш духовный, ибо цель христианской жизни, как он учил, есть *стяжание Святаго Духа*.

«И, может быть, в сем же самом Чичикове страсть, его влекущая, уже не от него, и в холодном его существовании заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью Небес...» («Мертвые души», том I).

Тайна «Мертвых душ», дали ее устремленных в неизвестность томов раскрыты для нас в «Выбранных местах из переписки с друзьями», которые оканчиваются главой «Светлое Воскресение». «Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их. «Хуже мы всех прочих» — вот что мы должны всегда говорить о себе».

И вдруг — следом: «Знаю я твердо, что не один человек в России, хотя я его и не знаю, твердо верит тому и говорит: «У нас прежде, чем во всякой другой земле, воспряднуется Светлое Воскресение Христово!»

Почему? «Есть в нашей природе то, что нам пророчит это. Уже самое неустройство наше нам это пророчит».

Как это может быть? Что за логика?

Логика новозаветная. *Сила Моя совершается в немощи* (2 Кор. 12; 9).

Вчера Он был, самый униженный из человеков, казнен презренной казнью, а сегодня Он, Сын Божий, Спаситель Мира, воскрес! И восшел на Небеса, и сидит одесную Отца.

Вот закон духовный, открытый людям: *Кто из вас меньше всех, тот будет велик* (Лк. 9; 48). Вольное смирение, страдание, самоумаление в этой жизни ведут к таинственной победе над злом, над тленом, ведут к жизни вечной. *Вчера спогребхся Тебе Христе, совостаю днесь, воскресшу Тебе...* (Канон Пасхи, прп. Иоанн Домаскин).

Не так ли и ты, Русь?.. Не в этом ли величайший, божественный смысл твоих страданий и твоих падений: не для спасения ли своего и прощения всех остальных? Не подобный ли смысл временного отпадения народа Израиля открыл нам святой апостол Павел? «*Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, — чтобы вы не мечтали о себе, — что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников...*

Как и вы некогда были непослушны Богу, а ныне помилованы, по непослушанию их: так и они теперь непослушны для поми-

---

лования вас, чтобы и сами они были помилованы. Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать.

О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неизследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо всё из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, аминь (Рим. 11, 25; 30—36).

«Последнюю, Господи, лишь бы она была в доме Твоем!»

Поздние годы жизни Гоголя обычно принято было считать годами кризиса, катастрофы, словом — потери всего.

Это если смотреть на судьбу его чисто литературными глазами и если считать, что выше литературы ничего нет. Так и делала обычно литературная критика. И в ничто ставила всё то в его жизни, что сам он поставил, наоборот, выше даже литературы, — он, величайший ее служитель и мастер.

«Внимание к Гоголю-человеку вообще слабо в сравнении с вниманием к художнику в нем, — писал в 1916 году профессор, в будущем протоиерей Василий Зеньковский. — Драма творческого дарования — вот главный объект внимания исследователей; только для объяснения ее и привлекаются факты его жизни, его письма. Конечно, это вполне законно до тех пор, пока не стало ясным, что в Гоголе его художественный дар не был единственной его творческой силой; и, может быть, в неспособности ценить его талант человека и заключается роковой порог, перед которым останавливается большинство исследователей Гоголя. Да и в самом деле, как переступить этот порог тем, кто в религиозных переживаниях Гоголя, в которых ключ ко всей жизни его, видит только болезнь духа, кто считает его гений несвободным уже потому, что он религиозно глядел на свое дело писателя?.. Читая письма Гоголя, а затем их обработку в разных биографических очерках, часто думаешь, что самые привычные движения христианской души кажутся многим совсем непонятными в устах Гоголя, стремившегося серьезно, а не словесно, глубоко, а не поверхностно, — быть христианином. Надо сознаться, что циническое легкомыслие Ренана, готового одновременно и верить и не верить, чтобы использовать на всякий случай выгоду того и другого, тайно живет в душе многих. И серьезность Гоголя — та серьезность, которая разрушала в нем «литератора» и выдвигала человека, многим поэтому кажется болезнью. Нельзя по этому поводу не отметить, что

есть какой-то яд, какая-то отравка в том обожании литературы, которое господствует вообще в безрелигиозные эпохи, а в наше время в особенности. Что искусство служит не одному наслаждению, а является особым путем к преображению мира, что выше художника в творце всегда должен стоять человек, что нет и не может быть таких художественных задач, которые человек должен выполнять раньше своих человеческих задач, — это забывается, и серьезность Гоголя, с которой он относился к искусству и его религиозной силе и роли, кажется многим болезненной, бесплодной и вредной. Еще более трудный порог представляет так называемый мистицизм Гоголя. Для многих в этом слове чудится какая-то печать проклятия, что-то мертвящее и губительное, — между тем как добросовестное исследование неопровержимо убеждает в том, что так называемый мистицизм Гоголя был симптомом не упадка, а роста тех сил, которые жили в его душе... Гоголя не понять без его «мистики», и если кому угодно укладывать Гоголя на прокрустово ложе своего узкого мировоззрения, то нужно заранее отказаться от мысли понять Гоголя таким, каким он был в действительности».

Суть новой эпохи жизни Гоголя, которая набирала в нем силу в сороковых годах, была в том, что всё больше для него главным становилось «дело души», дело ее очищения и спасения.

Каждый вечер мы молимся: *и отыми от мене весь помысл лукавый видимаго сего жития*. Но как быть с обычным реализмом, столь внимательным к видимому миру? Соединимо ли то и другое, христианство и творчество?

Он перестал быть только писателем, только поэтом. Он стал писателем-христианином. И черточка между этими словами есть главная мука Гоголя зрелых его лет. Он не мог терпеть раздвоения: то писатель, то христианин. В храме — молится, христианин, дома — пишет, писатель. Он был глубоко православным человеком. И прежде всего. Это значит, что он не мог терпеть такого раздвоения. Он верил Христу во всем, весь, целиком.

С искренностью открытого сердца, души, познавшей уже не только верою своею, но опытно убедившейся в истинности правды Христовой в приложении ко всем сторонам человеческой жизни, написал он «Выбранные места из переписки с друзьями» — книгу о том, что не что-то в жизни, не какие-то ее стороны (нравственные, например, заповеди), но всю жизнь нужно построить по Евангелию, весь ее уклад. Никто, пожалуй, из известных светских людей не сказал тогда миру об этом так прямо и ясно, во всеуслышанье.

Люди были возмущены, что он изменил творчеству. А он именно не изменил — но продолжил творить. Так, как говорило его сердце.

Кто он? Писатель среди людей? Стал писать о том, что христианство соединимо с любым поприщем, с любым затруднением нашей жизни — будь то трудности занимающего важное место или жены губернатора, заботы помещика или матери семейства. А уж о том, кто служит людям словом, что и говорить...

Тут не в том слияние жизни и христианства, чтобы, как католики, оставляя храм, входить во всю светскую жизнь. «Римско-католические попы именно оттого сделались дурными, что чересчур сделались светскими». Православие видит свою задачу не в участии во внешних проявлениях жизни общества, тем более в его общественной борьбе, которая вообще не имеет общего с духом христианства (это чувство своей правоты, стремление помешать другому, борьба за власть...) Но в том, чтобы нести в жизнь дух мира и любви, дух смирения, дух Христа, Который сказал: *«Ищите прежде Царства Божия и правды его, и сия вся приложатся вам»* (Мф. 6; 33). Да — всё тогда устроится: экономика, политика, армия, медицина, экология, отношения между мужем и женой, воспитание детей... Только бы решиться на это! Католичество как бы приглашает, принимает в мир Бога для помощи в мирских делах. А Православие само стремится к Нему.

«Выгнали на улицу Христа, в лазареты и больницы, вместо того чтобы призвать Его к себе в дома, под родную крышу свою, и думают, что они христиане!» Вот о чём болит душа Гоголя, о чём говорит его книга, которая вся дышит надеждой на возрождение православного духа в России как единственно возможное исцеление от знакомых ему западных болезней, опасных еще и потому, что на первый взгляд могут вовсе не казаться таковыми.

В чём для Гоголя была разница между «Мертвыми душами» и «Выбранными местами...» по сути? Никакой. И то, и другое он делал с одной целью — «чтоб образумились многие и обратились бы к тому, что должно быть вечно и незыблемо» (XIV, 68). И там, и здесь он соединил мирское, житейское — с вечным. Но здесь автор, художник выступил с невиданной творческой свободой, которая и в XX веке, нарочито отбросившем, кажется, всяческие творческие ограничения, представляется необычайной.

И о чем автор говорит?

Светский писатель хочет изменить тон и смысл светской беседы — говорит, что нужно изменить всю жизнь. И не ка-

---

ким-то одним декретом, или переименованием страны, или изменением общественной «системы», или строительством чего-то такого, «существенного» (вот построим, сдадим «под ключ» и будем в этом жить дальше уже хорошо). Говорит, что все светские беседы и вообще всё, чем живет, к чему стремится ветреный современный человек, есть не только не совершенство, и не гармония, и не правда, не цель, но просто путь погибели. И останавливаться на этом можно только по безумию, по незнанию основ жизни, на которых она стоит, ценой потери в человеке образа Божия и постепенного ухода в царство мертвых душ (которые внешне могут быть очень даже и ничего, «мордашка ты этакой», в голландских рубашках и с мылом лучшего качества). И, что не утешает, но даже еще больше настораживает, — говоря об этом, автор начинает с себя — со своего несовершенства.

Что легче: признать свою жизнь в корне несовершенной, сделать не одно какое-то усилие, но бодрствовать над собой постоянно, всем своим милым привычкам (страстям) объявить войну — или отвергнуть безпокойное слово?

Человек слаб, природа наша падшая, греховная, она всегда норовит увернуться от главного — от сражения с ее слабостями (с помощью темной силы, которая на этом собаку съела — как тут помогать нашим слабостям, как нам себя успокаивать и обманывать). И человек тут же ухватился за уязвимость автора, пошедшего по новому пути, и быстро обернул то, что было по-братски предложено ему, читателю, на самого писателя.

И — обрушилась буря.

С сути дела (с важнейшего — дела нашего спасения) внимание было перенесено на второстепенное. На вопрос узко социальный (из какого он политического лагеря? На чью мельницу воду льет?). На вопрос литературный — на отход от образного творчества (какое он имеет право? Кто он такой? Его дело — побасёнки). Заметили, что художник отложил свое обычное перо, но не задумались над тем, почему он пошел на такой шаг и в чем значение этого предпочтения для каждого из нас.

Когда Гоголь почувствовал срочную необходимость выдать свою книгу, в обществе уже слишком силен был дух неверия. В этом обществе уже не было сил сказать о себе: «Я размахнулся в моей книге таким Хлестаковым...» Куда там... И книга была на много лет отвергнута, оклеветана.

Да, его собственные письма полны строжайших оценок своей книги — что ни подумаешь о ее изъянах, он сам уже это назвал, еще строже. Да, он извлек из этой истории великий

урок для себя. Но мы-то разве не можем не видеть в этих самооценках не отрицание книги, а положительный пример строгости к себе, который нам нужно перенять и обратиться на себя? Как и «Ревизор», как и «Мертвые души», как и всё, что читаем, видим и слышим, — и от чего нас отводило в школе, в критике, отводило и отводит всё вокруг, стремясь обратить наш гнев на «николаевскую» (и любую) Россию, на «социальные язвы», на «систему», на что угодно, только не на себя (что было бы нам на духовную пользу).

«Обращение на себя» — главная суть всей зрелой половины жизни Гоголя, как он сам говорил, главный признак духовного роста.

Да, пользы от книги большая часть публики не получила. Всё сделала, чтобы не получить, и это ей удалось. Отбила от себя это нападение любви! И пришла к потрясениям, от которых всем сердцем предостерегал ее тот, кто делал это так, как мог.

«Он придавал весьма мало значения внешним формам политической жизни, будучи убежден, что народная жизнь зиждется на духовных основах, а не на этой шумной мишуре, с ее призрачной деятельностью... — писал в очерке о «Выбранных местах из переписки с друзьями» П.А. Матвеев. — Русское общество сороковых годов жаждало всякого прогресса, кроме того, который был указан в этой книге... Книга Гоголя, которую объявили плодом его крайней отсталости, как оказывается, значительно опередила свое время. В этом едва ли не главная причина недоразумений, возникших по поводу ее в нашем обществе и печати, недоразумений, тяжело и болезненно отзывавшихся на дальнейшей литературной деятельности нашего великого писателя...

В настроении русского общества сороковых годов очевидно происходил известный перелом под влиянием идей, шедших с Запада. Этот перелом, однако, пропускается без внимания биографами Гоголя, которые, объясняя недоразумения, возникшие между автором «Переписки» и читающей публикой, останавливаются исключительно на перемене в воззрениях самого Гоголя: он-де вдался в мистицизм, который вызвал общее и естественное неудовольствие во всех здравомыслящих людях...

Герцен и его кружок, которому тогда подчинился Белинский, проповедовал, как известно, полное отрицание христианской нравственности, предлагая заменить устаревшие, по его мнению, догматы последней — новой религией...

Несмотря на строгость господствовавшего тогда порядка, эти новые доктрины, подрывавшие основы общественного

стройка: религию, семью, собственность, патриотизм — пропагандировались с немалым успехом.

В замаскированной форме они проводились и в печати, которая в лице своих передовых деятелей по мере возможности осмеивала «рассейский» патриотизм. Слово «рассейский» было изобретено и введено Белинским, который, как это видно из его интимной переписки, пока только отчасти опубликованной, ставил руководящим принципом для всех просвещенных друзей прогресса «возбуждение ненависти к гнусной рассейской действительности».

«Пора, — писал он в это время, — освободить личность человеческую от гнусных оков неразумной действительности».

Руководимая Герценом и Белинским печать в условной форме, искусно прикрывавшей содержание проводимых идей, осмеивала все начала нашего общественного и государственного строя, а лежащие в основе их правила христианской нравственности выдавала за затхлую ветошь, противную требованиям естественной морали. Эта пропаганда, недосказанная и только сквозившая в печати, в виду цензурных условий, комментировалась и дополнялась путем устных сношений и кружковых словопрений. По отзыву Достоевского, вполне компетентного свидетеля и очевидца и даже, в то время, участника этой пропаганды, она *«овладела сердцами и умами молодежи, во имя какого-то великодушия, так как проповедь о презрении к Отечеству прикрывалась идеей всеобщего братства народов, а христианская религия, семья и собственность отвергались в качестве будто бы осужденных наукой и историей понятий, во имя идеи прогресса»*.

Гоголь спешил со своей книгой недаром. Уже на следующий год после выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» появился «Манифест коммунистической партии» К.Маркса и Ф.Энгельса со словами о том, что «призрак коммунизма бродит по Европе». Там, где жил Гоголь, в Западной Европе, разразились революции, повеявшие и на Россию. В стране собирались мятежные общества, кружки, в том числе общество Петрашевского, в которое вошел молодой Достоевский. И в это же время скульптор А.В. Логановский создавал свои шедевры: «Давид, встречаемый сонмом жен после победы над Голиафом» и «Преподобный Сергей благословляет Димитрия Донского на брань с татарами»... Но весь будущий (XX) век пройдет под знаменем тех, о ком предупреждали Гоголь и Достоевский...

ОСТОРОЖНО: ПЯТАЯ КОЛОННА!

Всё те же

То, что в России пятая колонна существует и активно действует, вынуждены признать у нас на самом высоком уровне. Недавно мы отпраздновали пятую годовщину воссоединения Крыма с Россией. Это историческое событие позволило вновь сплотить нацию на базе русского патриотизма. И вместе с тем выявило, что в стране существует значительная группа людей, которые не просто протестуют против возвращения Крыма в родную гавань, но и всячески требуют вернуть его бандеровской Украине. Заодно с залитым кровью Донбассом. Показательно, что в этой группе большинство составляют всё те же люди, которые всячески способствовали дестабилизации Советского Союза в годы перестройки и его развалу, либо теперь уже их потомки. Как говорил мой дед: «Мы думали — свежи, а это всё те же». Да, это всё та же либеральная прозападная интеллигенция, профессиональные политики из несистемной, как ее называют в народе, «болотной оппозиции», и устремившиеся за ними вослед под «ветром перемен» отечественные перекачи-поле — позавчерашние коммунисты, вчерашние ельцинисты, нынешние антипутинцы. Деятели

ДОСЬЕ "МГ"

это в основном хорошо известные — от бывшего премьер-министра Касьянова до создателя группы «Машина времени» Андрея Макаревича, от героини архипошлого теле-Дома-2 полигамной Ксении Собчак, выступавшей в новой роли кандидата в президенты России в 2018 г., до известного своими русофобскими истериками в прямом эфире президента движения «Союз правых сил» Леонида Гозмана.

В их распоряжении целая «колонна» прозападных сетевых блогов, сайтов и ресурсов и свои «независимые» СМИ: «Эхо Москвы», «Новая газета», телеканал «Дождь», который спонсируют западные фирмы «Пежо», «Рено», «Хилтон», «Фольксваген», «Ситроен». Еще пара десятков крупных западных фирм напрямую участвует в финансировании откровенно русофобских и непременно антипутинских СМИ в России.

Вместе с этими «звездами» болотной оппозиции витийствует и мелкая либеральная шушера вроде актрисы Лии Ахеджаковой, светской львицы Божены Рынской и просто психической неуравновешенные люди вроде актера Панина или «художника-акциониста» Павленского. Увы, есть у этой публики и покровители, и единомышленники в верхних эшелонах власти, которые их всячески прикрывают, обеспечивают доступ к прямому эфиру и вообще в обиду не дают. Вряд ли кто рискнет назвать этих «слуг народа» открыто пятой колонной, но сути дела это не меняет. Глубинная пятая колонна редко выходит на поверхность текущих событий. Ее основные кадры, прекрасно владеющие искусством политической мимикрии, ждут своего часа годами, а иногда и десятилетиями, как мы могли убедиться на примере подготовки и осуществления развала Советского Союза. И всё же рано или поздно наступает такой момент, когда национал-предатели мимикрию отбрасывают и выступают с открытым забралом. Так случилось в 1991 году в СССР, после референдума, когда большинство советских граждан высказались за сохранение нашего государства, что заставило пятую колонну поспешить с его развалом. Так было после разгона Верховного Совета в 1993 году, когда в позорном «Письме 43-х» Ельцину цвет российской либеральной интеллигенции потребовал ставить к стенке противников либеральных реформ. Так случилось и после воссоединения Крыма с Россией в 2014 году.

Реакцию российских либералов на Крым можно было предвидеть. 18 марта 2014 года выступая в Георгиевском зале Кремля с посланием к обеим палатам Федерального собрания в связи с обращением крымского парламента с просьбой о принятии республики в состав Российской Федерации на правах субъекта, президент Владимир Путин предупредил,

---

что возвращение Крыма в Россию вызовет самую жесткую реакцию Запада: «Некоторые западные политики уже страшат нас не только санкциями, но и перспективой обострения внутренних проблем. Хотелось бы знать, что они имеют в виду: действия некоей пятой колонны — разного рода «национал-предателей» — или рассчитывают, что смогут ухудшить социально-экономическое положение России и тем самым спровоцировать недовольство людей? Рассматриваем подобные заявления как безответственные и явно агрессивные и будем соответствующим образом на это реагировать».

Это заявление Путина вызвало рев возмущения в либеральном болоте, что заставило президента РФ пообещать впредь быть осторожнее в формулировках. На своей ежегодной пресс-конференции в том же 2014 году он пояснил вышесказанное: «Грань между оппозиционерами и пятой колонной, она внутренняя, ее трудно увидеть внешне. В чем она заключается? Оппозиционер, даже очень жесткий, в конечном итоге до конца борется за интересы своей родины, а пятая колонна — это те люди, которые исполняют то, что продиктовано интересами другого государства, и их используют в качестве инструмента для достижения чуждых нам политических целей». Итак, слово было сказано с самой высокой трибуны.

Путин лучше, чем кто-либо другой, понимает, что пятая колонна в России — это не выдумка конспирологов, а весьма опасная реальность. Опасная в том числе и для него лично. Так, 5 августа 2014 года именно к пятой колонне из окружения Путина обратился в интернет-журнале *American Thinker* Герберт Е. Мейер, спецпомощник директора ЦРУ, заместитель председателя Национального совета по разведке США, который в администрации президента Рейгана курировал его план демонтажа коммунизма в СССР и американскую агентуру в советском руководстве. В своей статье «Как решить проблему Путина?» Г. Мейер давал такие рекомендации: «...Мы должны дать российским олигархам и топ-менеджерам, против которых направлены западные санкции, понять, что Путин — это их проблема, а не наша. Возможно, эти люди не обладают политическим гением и возвышенным патриотизмом наших отцов-основателей, но они не идиоты. Скорее всего, им не потребуется много времени, чтобы собраться для тихого разговора, например, в московском офисе или, что более вероятно, на яхте где-то у Лазурного берега, чтобы... ну, скажем, решить, что будет лучше для будущего России. Так как деликатность с русскими не работает, президент США и его европейские коллеги должны дать этим

людям абсолютно ясный сигнал о том, что нас не интересует, как именно они будут решать проблему Путина. Если они смогут убедить старого доброго Владимира покинуть Кремль с воинскими почестями и торжественным салютом — отлично. Если Путин слишком упрям, чтобы понять, что его карьера закончена и из Кремля его можно вынести только вперед ногами с дыркой в затылке, — нас это тоже устроит. Мы не будем возражать и против черного юмора... Например, когда Путин в следующий раз будет возвращаться в Москву после очередного визита к кубинским, венесуэльским или иранским своим друзьям, его самолет вполне могут сбить какие-нибудь сомнительные повстанцы, в руки которых непонятным образом попала ракета «земля — воздух».

Как видим, речь идет уже не просто о заговоре, а о заказном убийстве президента России. Такого преступного прецедента в истории российско-американских отношений не было никогда. Но за этот наглый демарш никто в США не был наказан и никто извинения не принес.

С «просвещенного» Запада подстрекают агентуру из своей пятой колонны в России не только к политическим убийствам, но и к подрывным действиям по развалу Государства Российского теми же методами, что применялись и при распаде СССР. Вновь взята на вооружение доктрина «освобождения поработенных народов», служившая в годы холодной войны законодательной основой для вмешательства США во внутренние дела Советского Союза и других стран Варшавского договора. Теперь речь идет о попытках парцелизации (раздробления) России путем поддержки националистических элементов, сепаратистов и исламистов, действующих в национальных республиках РФ. Разработана целая стратегия отрыва их от России, о чем можно судить по недавней статье Януша Бугайского, ведущего аналитика американского Центра анализа европейской политики в газете *The Hill*, которая издается для членов конгресса США. Центр Бугайского активным образом финансируется ведущими предприятиями американского ВПК и правительственными структурами США, в частности Госдепартаментом, Пентагоном, миссией США в НАТО, и патронируется ЦРУ. В этой статье с недвусмысленным названием «Управляя распадом России» Бугайский советует лидерам США всячески способствовать «самоопределению несоизмеримых регионов России и этнических групп». «Вашингтон, — пишет он, — должен продвигать региональное и этническое самоопределение внутри Российской Федерации», которое должно привести, по его словам, «к распаду России». Согласно его реко-

---

мендациям, «республики на Северном Кавказе, в Среднем Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке могут стать полностью независимыми государствами и наладить отношения с Китаем, Японией, США и Европой».

Какой-то российский регион должен при этом «обрести государственный суверенитет, как бывшие союзные республики СССР», а другие «следовало бы присоединить к Финляндии, Украине, Китаю и Японии». Ни много ни мало!

«Чтобы управлять процессом распада РФ и уменьшить вероятность конфликта, который выходит за пределы государственных границ, Западу необходимо установить связи с различными регионами России и содействовать их мирному переходу к государственности», — рекомендует Бугайский. Не должен при этом оставаться в стороне и блок НАТО, приблизившийся уже вплотную к границам России. «НАТО следует подготовиться к непредвиденным обстоятельствам: как к опасностям, так и к возможностям, которые представит раздробленность России», — советует Бугайский. А Вашингтону, по его мнению, «необходимо отслеживать и поощрять мирный распад и устанавливая связи с новыми субъектами».

Можно было бы, конечно, квалифицировать эти сценарии распада России как «бред сумасшедшего», что и сделали некоторые российские СМИ, если не учитывать, что их разработка, как и призывы к государствам, входящим в НАТО, активно способствует развалу российского государства, фактически субсидируется американским правительством. Оно же финансирует в России националистическое подполье, одно из самых опасных подразделений пятой колонны Запада.

Еще в 1919 году по «плану полковника Хауса», помощника президента США Вильсона и масона высоких степеней посвящения, предполагалось разделить Россию на семь отдельных государств, подвластных воле США и их союзников. Этот план так и не сдали в архив. Раздел России и геноцид русского народа до сих пор остаются приоритетами внешней политики США. Более того, развал и расчленение России возведены в ранг доктрины национальной безопасности США. Директива Совета Безопасности США №SC-20/11 гласит: «На территории распавшегося СССР не может сохраняться военно-экономический потенциал, который в будущем, вне зависимости от национального строя этой территории, мог бы возродиться, консолидироваться и стать потенциальной угрозой американской гегемонии. Не важно, каким будет правительство грядущей России, но оно всегда должно обладать лишь ограниченным военным потенциалом

и должно пребывать в состоянии полной экономической зависимости от США». Комментируя эту директиву в своем выступлении на заседании Совета Национальной безопасности в 1997 г., Збигнев Бжезинский подтвердил, что впредь США будут исходить именно из этой установки: «Россия — лишняя страна, — сказал он, — которую нужно расчленить. Чем меньше населения будет на этой территории, тем успешнее будет происходить ее освоение Западом».

Руководству России в приказном порядке было велено раз и навсегда отказаться от имперских амбиций и покорно следовать всем указаниям из «вашингтонского обкома». Владимир Путин, сменивший Ельцина на посту президента России, поначалу пребывал в плену иллюзий относительно реальных планов Запада в отношении России и даже рассматривал возможность присоединения ее к НАТО, но Вашингтон быстро расставил всё на свои места. Госсекретарь США Колин Пауэл в 2001 году сформулировал новое кредо внешней политики США так: «Россия должна забыть о том, что у нее есть какие-то интересы в республиках бывшего СССР... Мы не позволим России вмешиваться в дела бывшего СССР, ибо восстановление СССР не входит в стратегические цели правительства и государства США». Эти установки полностью отвечают и интересам международного сионизма, о чем можно судить по заявлению бывшего госсекретаря США Генри Киссинджера, руководителя сионистского масонского ордена Бнай-Брит: «Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения ее в единое, крепкое, централизованное государство». В соответствии с этими «ценными указаниями» в США был разработан план «Грааль», включавший ряд мер по сокращению населения России в 10 раз. Действия пятой колонны Запада в нашей стране с давних времен направлены именно к этим целям. Только осознав это полностью, Путин и произнес свою знаменитую Мюнхенскую речь 10 февраля 2007 года, в которой он провозгласил новый независимый внешнеполитический курс России.

Под маской правоверных

Чтобы лучше понять суть явления, всегда следует изучить его корни. Так и поступим. Авторство термина «пятая колонна» принадлежит испанскому генералу Эмилио Моле, командовавшему армией франкистов в ходе Гражданской войны в Испании. Наступая на Мадрид, он передал по радио в начале октября 1936 года обращение к населению испанской сто-

---

лицы, в котором заявил, что, помимо имеющихся в его распоряжении четырех армейских колонн, он располагает еще пятой колонной в самом Мадриде, которая в решающий момент ударит с тыла.

Другие источники приписывают авторство этого термина барону Сент-Освальду, который в то время был корреспондентом в республиканской Испании. А Михаил Кольцов, находившийся тогда же в Мадриде, посчитал его автором франкистского генерала Хосе Энрике Варелу, который в ноябре 1936 года участвовал в неудачном штурме Мадрида. И наконец, сам Эрнест Хемингуэй, побывавший на всех фронтах Гражданской войны в Испании, назвал одну из своих пьес «Пятая колонна». Но дело, конечно, не в авторстве этого термина, а в его сути.

Накануне и во время Второй мировой войны 1939—1945 годов пятой колонной называли нацистскую агентуру в различных странах, помогавшую их захвату немецкими войсками. Увы, и в СССР действовала своя пятая колонна, и не только в сфабрикованных на Лубянке делах «врагов народа». Иначе откуда бы предатель генерал Власов набрал свою «Русскую освободительную армию», Бандера — свою УПА (деятельность организации запрещена на территории РФ. — **Ред.**), а другие национал-предатели — свои карательные отряды, зверствовавшие заодно с зондеркомандами СС на оккупированной гитлеровцами территории Советского Союза. Увы, далеко не все они понесли заслуженную кару. Пятая колонна продолжала действовать в глубоком подполье и после войны, распространяя, как вирус, ненависть к России, к русскому народу, ко всему тому, что нам дорого и для нас свято.

В условиях сталинского режима у пятой колонны не было шансов выйти на свет божий. Приходилось скрываться не только по соображениям конспирации, но и потому, что после разгрома троцкистской оппозиции и связанных с ней группировок в партии и государстве, после успешной коллективизации и первых пятилеток коммунистическое единомыслие в СССР утвердилось в массовом сознании, особенно у послереволюционного поколения. Попытка вести антисоветскую пропаганду перед такой аудиторией закончилась бы плачевно для тех, кто на это рискнул бы, еще до вызова спецнаряда НКВД. Поэтому в сталинские годы пятая колонна действовала предельно скрытно, соблюдая все условия глубокой конспирации, но всё же действовала, и в ряде случаев — как в ходе «Большого террора» 1933—1938 годов, используя своих людей в органах и ВКП(б), даже преднамеренно раздувала масштабы репрессий, что, в частности,

---

проявилось в составлении квот на расстрел «врагов народа» по регионам. Уничтожали в первую очередь тех, кто был действительно предан революции, хотя под раздачу попало немало и тех, кто видел в Октябрьском перевороте не столько русскую, сколько «еврейскую» революцию. Это прежде всего те, кого Ленин доставил в Россию в 1917 году в своем «ленинском вагоне» на деньги кайзера, а Троцкий — на своем пароходе, зафрахтованном для этого вместе с оружием еврейским олигархом и сионистским лидером Якобом Шиффом. Сталин был хорошо осведомлен об истинных планах стратегов такой революции, о которых можно судить по одному весьма откровенному тексту, опубликованному в газете *Le Peuple Juif* («Еврейский народ»), издававшейся во Франции в 1919—1921 годах: «Мировая революция, которую мы испытаем, будет управляться нашими руками и будет исключительно нашей заслугой. Эта революция укрепит власть евреев над всеми другими народами». Вряд ли Сталин был знаком с этим источником, но попытки сионистов из Бунда превратить русскую революцию в «еврейскую» он осудил правильно и весьма своевременно.

Советские люди в массе своей поверили и в мировую революцию, и в коммунизм. Они воспринимали пентакли — красные пятиконечные звезды Кремля — как маяки на пути в будущее. Никому бы в голову не пришло в то время заподозрить, что пятиконечные звезды на башнях Кремля символизируют собой не только негасимый свет коммунистических идей. Те, кто сделал пентакль символом коммунизма, конечно, знали, что у древних иудеев пентаграмма с пятиконечной звездой символизировала герб царя Соломона. В каббалистической традиции звезда с одним верхним лучом соотносится с Мошиахом (Мессией). Некоторое время пентаграмма была официальной печатью Иерусалима, а в масонстве она символизирует свет, знание и совершенство.

Владимир Ильич Ленин в эмиграции захаживал в масонские ложи и был в курсе. Наверное, знал и то, что у сатанистов и в некоторых масонских обрядах используется перевернутая звезда, расположенная в круге вверх ногами. Она символизирует сатану. Внутри ее масоны часто изображают козлиную голову Бамофета, покровительствующего животным страстям.

После 1917 года пятиконечная звезда стала символом коммунизма и коммунистических организаций по всему миру, несмотря на то, что ее применяли не только масоны и иудеи. Даже в Царской России на товарных железнодорожных вагонах рисовали пентакли с двуглавым орлом посередине. В

Красной Армии эта звезда прижилась не сразу. Поначалу по инициативе Троцкого красные командиры носили на шевронах... свастику. Еще один древний символ, который использовали различные народы, в том числе и иудеи, задолго до того, как она стала символом фашизма.

Время от времени поклонников Бафомета находили даже в рядах ВЧК (Глеб Бокий и его жола «Лубянка», например). Но, как правило, им удавалось избежать разоблачения благодаря их связям на самом советском верху. На том же верху прикрывали не только масонов, но и сионистов. И сам Феликс Эдмундович Дзержинский убеждал руководителей ВКП(б), что «с сионистами надо сотрудничать, а не преследовать их». И ведь сотрудничали в 30-е годы вместе с американским сионистским фондом «Джойнт», организуя еврейские коммуны в Крыму для тренировки по части земледелия будущих переселенцев в Палестину. И отправляли их туда на советских пароходах.

А потом как-то всё утряслось: коммунистам — пентакль, фашистам — свастику, сионистам — звезду Давида. Кто стоял за этой манипуляцией символами, партиями, государствами, целыми народами, которых никто не посвящал в истинный ее смысл?

Мир устроен слишком сложно, чтобы дать на это однозначный ответ. С незапамятных времен различные государства и целые цивилизации ведут борьбу не на жизнь, а на смерть со своими соперниками. И в каждом таком столкновении использовались свои «троянские кони» и свои пятые колонны. Кто-то видит в этих войнах вечную «ловушку Фукидида», кто-то — несовершенство всего мирового порядка, а кто-то, как и великий Зигмунд Фрейд, — «неодолимую волю к власти».

Передел мира, совпавший с великой промышленной революцией, привел к падению прежних империй и к возвышению империй финансовых и промышленных. Это, в свою очередь, привело к борьбе между ними за мировое богатство, за мировую власть. А эта борьба неизбежно сопровождалась войной идей, у которых нет и не может быть границ, борьбой за умы и сердца людей. Маркс называл идеологию «ложным сознанием», подразумевая под этим то, что восприятие данной нам в ощущениях реальности может быть неадекватно изменено с помощью идеологической обработки. В новейшей истории тому немало подтверждений. Фашизм, сионизм, бандеровщина и любой крайний национализм — примеры наиболее яркие.

При отсутствии военного превосходства над СССР стратеги пятой колонны сделали ставку именно на идеологичес-

---

кую обработку защитников коммунистической крепости, на «эрозию коммунизма» и разложение Советской империи изнутри. В этом была суть политики «конвергенции», «наведения мостов» и прокладки «идеологических тоннелей». Все эти доктрины и методологии проникновения в сознание людей были использованы в годы холодной войны, целью которой было не столько уничтожение коммунизма, сколько уничтожение России.

Далеко не случайно после Октябрьского переворота 1917 года разрушители России принялись в первую очередь за ее духовное разоружение и растление молодежи. В основном этим занимались профессиональные боевики, те, кто, по характеристике депутата Госдумы Петра Толстого, «вырвались из гетто с наганом в руках». Невосполнимый ущерб православным святыням нанес просуществовавший вплоть до начала Великой Отечественной войны Союз воинствующих безбожников (СВБ). Его возглавил Емельян Михайлович Ярославский (урожденный Миней Израилевич Губельман), профессиональный налетчик, один из руководителей Боевого центра РСДРП. Этот центр до революции создал хорошо вооруженные формирования, занимавшиеся так называемыми экспроприациями — грабежами банков и частных лиц, средства от которых направлялись в том числе на партийные нужды, а также террором против сил порядка и членов патриотических объединений русского народа. При советской власти боевики-безбожники занимались разграблением храмов и конфискацией церковного имущества. Еврейская энциклопедия пишет, что Губельман-Ярославский и синагог не пожалел в своем антирелигиозном угаре. Но всё же главный удар его «безбожников» пришелся на православные храмы, а возглавляемый Минеем Израилевичем журнал «Безбожник» отравил сознание целого послереволюционного поколения ненавистью к религии, и прежде всего к православию.

Сексуально озабоченные ниспровергатели старого (читай — русского. — **В.Б.**) православного мира вслед за Октябрьской революцией приступили к революции сексуальной. Сам вождь мирового пролетариата полукровка В.И. Ленин (Ульянов-Бланк) поддержал не только «раскрепощение женщин», но и выступил в защиту гомосексуалистов. Женское тело было объявлено общественным достоянием, провозглашена свобода аборт, а комсомолок обязали вступать в интимные отношения с комсомольцами, отбросив всякие «буржуазные предрассудки». Создавались «красные коммуны», практиковавшие свальный грех. Эта сатанинская вак-

---

ханалия новых хозяев России совпала с кровавым Красным террором и сословным геноцидом, что в целом привело к резкому сокращению численности населения и к небывалому падению рождаемости в стране. Этот тренд не удалось преодолеть даже после запрещения абортот по указанию Сталина. А затем, во Второй мировой войне, направленной на уничтожение славян, и прежде всего русского народа, Советский Союз понес невосполнимые потери около 30 миллионов человек только убитыми.

По заказу мировой закулисы

Тема «Действия пятой колонны накануне и в ходе Второй мировой войны» еще ждет своего беспристрастного исследователя. Никто так и не объяснил нам толком, почему строившаяся годами знаменитая оборонительная «линия Сталина» с ее многочисленными укрепрайонами, дотами, дзотами и даже подземными аэродромами, которую гитлеровцам пришлось бы осаждать месяцами так же, как Брестскую крепость, была почти полностью демонтирована и взорвана за год до начала войны под предлогом «передвижения границы на запад» после подписания договора Молотова—Риббентропа. Нельзя объяснять только «паранойей» Сталина то, что он не верил донесениям советских разведчиков, неоднократно сообщавших, что Гитлер нападет на СССР именно 22 июня 1941 года. Кто-то упорно его убеждал, что дезинформируют его наши герои невидимого фронта, и их чуть было не перестреляли всех, и одумались, только когда их героически добытая информация подтвердилась. А ведь уже готовились отозвать в Москву Рихарда Зорге из Токио и поставить его к стенке за «дезинформацию» о точной дате гитлеровского вторжения.

Нельзя объяснить «беспечностью» и массовые отправления в отпуски командиров приграничных воинских частей буквально накануне этого нападения, как и подставу на аэродромах под бомбежки люфтваффе боевых самолетов нашей прифронтовой авиации, так и не поднявшихся в воздух в первый день войны. Но ведь сумел же командующий Балтфлотом поднять корабли по боевой тревоге и не дал уничтожить их гитлеровцам. Почему же другие военачальники сделать этого не смогли или не захотели? Только ли из разгильдяйства и безоглядного подчинения начальству? Всё это так и остается по меньшей мере не объяснимым ничем, кроме тщательно скоординированных действий в СССР глубоко законспирированной пятой колонны третьего рейха, обеспечив-

---

шей успех гитлеровского блицкрига в первый год войны, когда в плен сдавались целые полки и дивизии. Да и разоблачение того же «заговора маршалов» во главе с Тухачевским не помогло предотвратить ту войну, а лишь способствовало истреблению и отправке в ГУЛАГ тысяч опытных и преданных Родине ни в чем не повинных генералов и офицеров Красной Армии, что не могло не отразиться на ее катастрофических поражениях 1941—1942 годов и беспомощности ее командного состава.

Известно, что Сталин начал расследование причин неготовности СССР к нападению Гитлера на СССР 22 июня 1941 года и сокрушительного поражения Красной Армии в первый год войны еще до ее окончания. К концу 1952 года Сталин практически завершил это расследование — уже был проведён опрос оставшихся в живых генералов, командовавших частями в западных приграничных округах накануне войны. Смертоносная убойность материалов этого расследования для генералитета и маршалитета была действительно велика. В 1989 году «Военно-исторический журнал» «ВИЖ» начал печатать некоторые материалы этого расследования, в частности результаты проведенного Сталиным опроса генералов: когда они получили предупреждение о нападении Германии. Все показали, что 18—19 июня, и только генералы Западного Особого военного округа черным по белому написали, что никаких указаний на этот счет не получали, а некоторые и вовсе узнали о войне из речи Молотова. Так вот, едва началась публикация, как тут же редакции «ВИЖ» так дали по рукам, что печатание материалов немедленно было прекращено. Будем надеяться, что когда-нибудь нам удастся узнать всю правду о действиях пятой колонны Гитлера в Советском Союзе. Может быть, время еще не пришло. Хотя вроде бы давно уже пора рассказать всю правду об этой величайшей в истории России диверсии пятой колонны.

Всеволод ТРОИЦКИЙ,
доктор филологических наук, профессор

ЧЕСТЬ СЛОВА И СЛОВО ЧЕСТИ

Нигде в России оскорбление народа не сказывается сегодня так откровенно, как в отношении к родному языку. Чистый родник живой русской речи, освящённый бессмертным творчеством Крылова и Пушкина, Лермонтова и Гоголя, Тургенева и Лескова, Л.Толстого и Чехова, Шолохова, Шукшина, Белова, Распутина и многих других великих мастеров и тружеников нашей словесности, этот чистый родник — постоянно публично оскверняется.

Народ, лишённый ответственной создающей власти, не находит реальных путей, чтобы защитить *честь родного слова!* И это вызов каждому, не лишённому чувства национального достоинства, каждому, способному понять, что значит для народа язык, как должно беречь это наше сокровище.

В безмерно тяжёлых обстоятельствах холодной войны, при откровенном непротивлении «руководящего большинства» информационной агрессии, среди постыдного загрязнения родимой речи иными неблаго-

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

видными её обладателями — вершат духовный геноцид народа современные *либеральные растлители*. Эти негодяи знают, что для достижения их «глобальных целей» нужно добиться культурного низложения масс. Либералам подчинена большая часть СМИ. Всеми средствами содействуя духовному вырождению, они нагло надеются, что народ *«способен забыть язык предков, и тогда сами гены его запоют на англо-компьютерном сленге. И хромосомы затанцуют под такты заграничной кадрили...»* А «человек <...> остаётся с одной сигнальной системой управления» (Юрий Воробьевский).

При такой губительной политике всё, что содействует растлению, — преступление. Плоды этого преступления налицо.

Значительная часть нашей молодёжи сегодня не владеет родным языком на уровне, необходимом для культурного развития. Столицу нашу бесстыдно и безобразно обвешали чужезычными названиями и рекламами. В новых громоздких универсальных магазинах назойливо звучит убогая **чужая** музыка, **чужие** песни на **чужих** языках. В родном эфире, где в XX веке всегда звучала прекрасная музыка, русские песни, песни народов России, сегодня редко услышишь гармоничную мелодию. Задушевные же народные песни, проникнутые чистотой человеческих чувств, словно изъяты из широкого эфира. В метро столицы безродные лизоблюды распорядились ввести объявления станций на языке своих хозяев: везде, где только им удаётся, агрессивно и бессовестно **навязывают** нам на родной земле **чуждое и чужое**. В реальных условиях «деидеологизации культуры» вред от этого исчисляется не рублями и долларами, но незримым оскорблением и растлением души народа! Агрессия чужезычия в сущности противоречит и п. 2 статьи.3, а также п. 1 и п. 6 статьи 3 Федерального закона № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации».

Непечатное слово, попирая все культурные традиции, нагло вышло на улицы и площади. Депутаты Государственной думы, неграмотно путающие свободу с прилюдным своеволием, в этом отношении — бездействуют. Это преступное бездействие! Где вы, облечённые законодательной властью защитники культуры?!

Ныне любое непротивление информационной агрессии, любое фактическое отступление от Закона о государственном языке на территории России — это **акт государственного предательства**, за который нужно спрашивать с нарушителей по всей строгости. Это прямой гражданский и патриотический долг всех, ответственных за исполнение закона.

Во имя защиты нашей духовной Родины — необходимо безотлагательно ужесточить законодательство, охраняющее

язык, усугубив меры пресечения для нарушителей и потребовав их строжайшего исполнения. Нелишне поучиться при этом у других стран. Во Франции, например, с лиц, злоупотреблявших в средствах массовой коммуникации (в рекламе и т.п.) иностранными словами, имеющими соответствующие по смыслу французские слова, взимается штраф до 20 тысяч франков. В Законе о польском языке за его порчу в открытой печати были предусмотрены штрафы до 26 000 долларов. Таковы примеры нелицемерной защиты национального достоинства!..

Долго ли будем терпеть, как под предлогом внедрения новаций, при молчаливой поддержке нынешних «руководящих кадров» и при их полной безответственности вот уже несколько десятилетий открыто внедряются в наше образование разрушительные установки, нелепые теории и «стандарты», противоречащие основам созидательного научного знания, испытанного педагогического опыта и здравого смысла?!

Не для того ли не так давно бесчестные «командиры образования» самоуправно изъяли из программ педвузов историю педагогики, чтобы молодёжь не знала об информационных диверсиях прошлого? Ведь подобное уже было в начале XX века, когда те же силы навязывали в образовании вредоносные новации: педологию, «бригадный метод», Дальтон-план, коллективную отчётность и т.п.!

Доколе будем соглашаться с нашим национальным унижением, не давая праведного отпора откровенным врагам отечественного просвещения?! Доколе будем мириться с тем, что о нагло творят наши недруги в информационной войне? Ведь если то, что делается в образовании, разрешается законом, то эти законы никуда не годятся, а если — незаконно, тогда никуда не годится служба тех, кто должен следить за исполнением законов! И с нее нужно немедленно спрашивать по всей строгости!

И.С. Тургенев, славивший «великий, могучий и свободный русский язык», завещал: «Берегите чистоту языка как святыню». Литературный язык русской классики — святыня нашей культуры.

Святыня — это высокопочитаемое и духовно-значимое, что освящено истинной любовью и служением добру, человеку, Богу. Святыня — духовное достояние, при поругании которого человек и народ испытывает ущерб своего достоинства и духовной самостоятельности, стесняется, оттесняется, становится нравственно уязвимым и духовно бессильным. Жизнеспособность личности, народа и государства определяется прочностью наследования, восстановления, защиты,

---

утверждения и возвышения национальных святынь. Отступление от святыни, забвение святыни, поругание святыни рано или поздно приводит в жизни к возмездию. Человечество держится и стоит на бесспорных духовных истинах, забвение которых неизбежно завершается бедрами.

Будем ли дожидаться этого или наконец отвергнем и наглых невежд, и наёмных растлителей?! Долго ли терпеть публичных огласителей непечатных слов, бесстыжие речи боевика антикультуры Швыдкова, казуистические абсурды Кузьминова о замене основополагающего просвещения словом химерой «цифрового образования»?

Неплохо вспомнить, что «только слово заставляет возникнуть невидимое в видимом, действительное в известном» (А.М. Панин), что переход на предлагаемую «перестройку» образования означает подавление творческого мышления за счёт мышления пассивного, «исполнительского». Основное, воспитывающее, образование приходит через *слово*; «числовое» же познание передаёт свойства мира внешнего и само по себе не способно передать мир внутренний. При этом неизбежна деформация мышления, появление «цифрового слабоумия», атрофия участков мозга... Вспоминается стихотворение, написанное в середине прошлого века проф. Н.С. Поздняковым:

*Воображеньем прозорливым
К догадкам верным нас несло...
Но сонм учёных кропотливых
Свернул наш поиск — на число.
И, лязгом счёта оглушённый,
Забыл наш ум решенья ключ...
Стал слепнуть, в шоры цифр втеснённый.
А был так зряч и так могуч!
Уж цифре памятник построен,
Распята Истина на нём.
Поклонник счёта, жрец и воин,
Простёрся ниц перед числом:
Не осознать бедняге в заблужденье,
Как много лжи за ширмой исчисленья!*

Но сейчас нам навязывают баснословную ложь. Наша задача — решительно отвергнуть эту ложь, **возродить** разрушенную глобалистами отечественную школу, **восстановить** на основе базовых научных знаний и отечественных педагогических традиций содержание российского просвещения, решительно отклонить новации вредоносной «дистанцион-

---

ной» и «цифровой» педагогики, **удержать** питаемое любовью и исполненное вдохновения разумное естество личностного человеческого общения и обучения, **сохранить** во всей системе отечественного образования незаменимые *живые учебные традиции*, прямое общение учителя и ученика, студента и профессора!..

Но прежде мы призваны защитить нынешний быт от засоряемых в информационное пространство словесных нечистот. Возродить и укрепить отравленную иными манкурами животворящую силу благодатного русского слова!

Начну со школы. Почему в школьном курсе ОБЖ нет основательно написанного раздела о пагубном влиянии на человека нечистой речи? Если ученики используют в разговоре нецензурные слова, это значит, что учитель-словесник не исполнил своей прямой профессиональной обязанности: не объяснил внятно, что такое это слово, что оно значит в жизни, наконец, как может влиять чёрное слово на судьбу того, кто бесстыдно его произносит или имеет несчастье его слышать!

Именно нашему соотечественнику академику П.П. Гаряеву принадлежит заслуга и честь научного открытия *волнового генома слова* и, в частности, — бесспорного доказательства того, что информационно-энергетические матрицы нецензурных слов, обладающие отрицательным знаком, пагубно влияют на состояние людей, попадающих в контакт с ними.

Отрицательному воздействию подвергается при этом и *генетический аппарат* человека, что рано или поздно приводит к разнообразным болезням потомства. Произнесённое слово не исчезает, но, говоря словами приснопамятного зав. экологической кафедрой Института биосферы РАН Ф.Я. Шипунова, «запечатлевается в любой точке Вселенной и навсегда». Напомню ещё: у грязной лексики свои отхожие «хранилища»: полная потеря речи при инсульте оставляет возможность произносить матерные слова.

Нелишне иметь в виду и открытие японского учёного Мосару Эмото, доказавшего, что вода, составляющая около 75% состава человеческого организма, воспринимает созидательную и разрушающую *«смысловую вибрацию»* слов. Негативные слова (прежде всего — мат), несущие вибрации зла, уничтожают жизненные силы, способствуют расшатыванию организма, болезням и приближают время смерти. Добрые слова имеют созидательное, лечебное действие: слово не только — смысл, но и энергия жизнеутверждения или энергия разрушения. Достаточно небольшого воображения, чтобы представить, как влияет всё это на здоровье и судьбы людей.

Уместно напомнить мысль одной из статей прошлого века: «У нас крадут великое слово наших пращуров, последнее

наше богатство. Вот почему матерное слово, слетевшее с твоих губ, дорогой мой мальчик или тем более девочка, — не хулиганство, а клятва на верность врагам русского народа». Истинно так! В иные времена в России неиспорченный человек, услышав срамные слова, покрывался краскою стыда и испытывал болезненное омерзение.

В царствование Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича да и при Петре I матерщинников публично наказывали розгами, а зlostным (при Алексее Михайловиче) — вырывали язык. Строгие законы были в Запорожской Сечи: чёрная брань была запрещена: за неё следовало наказание плетью у позорного столба. Особая строгость была во время похода.

«И.С. Аксаков говаривал, — вспоминал Н.С.Лесков, — ...Стоило бы учредить общественный надзор — чтобы не портили русского языка, и за нарушение этого штрафовать в пользу бедных...»

Сохранившийся в духовных традициях России опыт отрицания сквернословия имел и имеет предметно-охранительное значение. Наши «заклятые друзья» тшятся замолчать это. Их целям (заодно с либералами) соответствует осквернение и опошление информационной среды. Для них «успешно», что ныне над Россией висит ядовитый смог чёрных слов, заражая и омертвляя жизненные силы народа, стимулируя болезни и беды. Рассчитывать на улучшение дел в стране при таком отношении к слову — по меньшей мере, наивно. Безответственно и либеральное мнение о сквернословии: мол, немного и вовремя — это «ничего страшного». Такое мнение ненаучно, некультурно, требует безусловного неприятия и самого строгого осуждения. Всякий, использующий словесные испражнения в СМИ, — хулиган и мерзавец!

Враги и невежды пытаются свести проблемы экологической защиты языка к иронии, к усмешке. Но речь идёт о жизни и здоровье нации! Всё это имеет прямое отношение к национальной безопасности. Состояние речи — это состояние мысли, состояние мысли — это состояние сознания, состояние сознания — это предпосылки поступков, поступки — это сущность поведения людей, поведение людей — это судьба народа.

Законодатели, ваше бездействие — преступно: незащищённость русского языка в России — это наш национальный позор! Пора решительно вступить за честь родного слова!

Важнейшее значение в становлении личности, в овладении языком и способностью мыслить имеет приобщение в

школе к русской классике. Её школьное изучение в искусственно создаваемой атмосфере тошнотворного космополитизма усилиями отечественных «реформаторов» подменено знакомством с художественными произведениями вне истории литературы. Из школы исчез грамотный анализ классики. Всё это приводит к невежеству и органическому бескультурью молодёжи, отрываемой от несравненного богатейшего, всемирно значимого наследия отечественной культуры.

Раскрывая фактическую сущность школьной «реформы» в области филологии, академик РАО Ю.Г. Круглов, в частности, свидетельствовал, что её действительный смысл — «вытеснить из литературного образования основополагающую для школы классическую русскую литературу». «Русская школа... напрямую связана с задачей спасения нации... — писал чл.-корр. РАН Н.Н. Скатов. — Тесня русскую классику, мы лишаем доверенное нам молодое поколение не только прошлого, мы лишаем его и будущего».

С тех пор, как были высказаны эти честные мысли, положение дел с образованием намного ухудшилось. Иные педагоги-филологи, в силу современного состояния школьных программ (так называемых «стандартов»), лишённые возможности квалифицированно преподавать словесность, теряют приобретённый опыт, навыки и профессиональный пафос. Насаждаемое ныне в школе вольное обращение с классикой — одно из многих направлений разрушения образования и культуры — находит поддержку среди растущей массы невежд. «Липовые» и купленные дипломы, множасьшие новых дипломированных неучей, постепенно готовят критическую массу «некомпетентных специалистов», что гарантирует катастрофу в образовании.

Достучатся до тех, кто по своему положению должен иметь возможность приостановить движение к катастрофе, кажется невозможным. Да и — зачем? Понимание реального значения гуманитарных дисциплин у многих руководителей отсутствует. Но рано или поздно народ спросит именно с них!..

Идёт настоящая борьба с книгой. Традиционное ранее в России многотиражное издание классиков (один пример: подписное издание сочинений Н.С. Лескова в 12 томах было издано в 1985 году тиражом в один миллион семьсот тысяч экземпляров!) сегодня оказывается невозможным; даже необходимые для школы тиражи книг — оставлены в прошлом.

Число библиотек сокращается. Кем-то «сверху» ведётся хитроумная политика замены библиотечных книг (и прежде всего — классики) новыми, часто чужеродными или «серы-

---

ми» книжонками. Те, кто должен пресекать подобную «политику», — бездействуют. Результаты очевидны: появляются новые поколения молодёжи, лишённые сколько-нибудь грамотных представлений о родной истории и великой отечественной литературе, то есть люди **чужие** в своей стране.

Языковая беспомощность современных школьников едва ли не основная причина их умственной недоразвитости и примитивизма: они зачастую не находят слов, чтобы высказать то, что хотят... Кто и когда за всё это ответит?! Знаю только, что отвечать придётся.

Намечая созидательный путь России, её президент провозгласил: «Мы строим Русский мир». Основной смысл такого заявления соответствует отечественным традициям, подтверждённым всей историей России: в основе здесь лежит **слово чести** — созидательная государствообразующая мысль. Она отвечает традиционным духовным принципам, какие ещё в древности были свойственны взглядам наставников русского народа: Феодосия Печерского, Кирилла Туровского и их наследников. «Свою веру непрестанно хвали... И подвизайся в своей вере добрыми делами, и милостью одаряй не только единоверцев, но и чужих. Если видишь раздетого, или голодного, или от стужи или от беды какой страдающего, будет ли то иудей, или сарацин, или болгарин, или еретик, или латынянин, или язычник любой — всякого помилуй и от беды избавь, и не будешь лишен воздаяния от Бога» («Слово святого Феодосия игумена Печерского монастыря о вере христианской и латинской»). В том же духе наставлял народ и Кирилл Туровский, призывая «...не токмо за свои молитися, но и за чужия, и не за единыя христианы, но и за иноверныя, да быша ся обратили к Богу...»

В основе государственного бытия здесь лежит исторический опыт созидательного общежития народов, волевой импульс, духовная энергия, выплёскивающаяся в поведении и поступках русского человека в обыденной жизни и в экстремальных условиях. Качествами, свойственными русскому духу, являются остро переживаемые чувства совести, сострадания, милосердия, безусловной жертвенной готовности стоять за правду-истину («Не в силе Бог, но в правде»), за справедливость и веру. А также — чувство святости и убеждённости в окончательной победе чести и добра.

Строительство Русского мира означает **созидательную** жизнь русского народа и **развитие** всех народов России на традиционно занимаемой территории с опорой на русскую культуру и развитие всех национальных культур России. Эти

исторически сложившиеся свойства Русского мира отражаются во всех областях русской истории и культуры. «Русскость — как начало культурно-духовное — определяется степенью укоренённости, глубинной личностной слиянностью с историческим образом народа. Степень такого личностного тождества и определяет почвенность или беспочвенность человека...» (А.А. Корольков. Русская духовная философия. СПб. 1998. С. 99).

Строительству государства на такой основе противостоит глобализм как агрессивная и бессовестная политика диктатора «мировой закулисы», направленная на подчинение ей России. Война эта была объявлена ещё в середине прошлого века.

Напомню только один некогда опубликованный красноречивый материал. Американский специалист по электронике Джордж Ф. Торнтон свидетельствует: «Мы занимались разработками в области телевидения, но что представляли собой наши изыскания! Системы, которые мы создавали, должны были разрушать психику людей, **уничтожать в них всё человеческое!**» «В 1953 году, — продолжает доктор Торнтон, — наш отдел передали в ведение ЦРУ. Однажды нас пригласили на секретное совещание, где Эрик Доусон, тогда один из кураторов Восточного направления, беззастенчиво выложил карты: «Будем бить Советы не бомбами, а пучками электронов! Пусть попляшут под нашу дудку...» Как мы это делали — долго объяснять... Во все фильмы, во все передачи мы запускали эти вирусы-волны — они заползали в сознание к обывателям и начинали разъедать мозги. В Советах не знают ещё, что их ждёт такая же судьба! — «с точностью до тысячных». Всё начнётся с невинной рекламы и требований свобод для секс-меньшинств, а закончится полнейшей деградацией, духовным поп-артом, абсолютной чёрной дырой в общественном сознании. И такая же судьба ждёт весь мир. Кто будет управлять? Не знаю. Но поверьте мне — за всем этим кто-то стоит, и уж этот кто-то не упустит своего шанса» (выделено мной. — В.Т.; цит. по изд.: «Наше Отечество». СПб., 2000, № 124, с.3). Читателю-современнику нетрудно подтвердить несомненную успешность упомянутого оружия, о котором ныне «таинственно» молчат...

С тех давних пор появилось много новых способов негативного воздействия на человека. Но совершенно ясно: основное направление ведущейся войны связано с задачей повреждения и поражения духовного потенциала России, прежде всего — русской культуры и искусства. Поэтому шельмованию и уничтожению ныне активно подвергаются люди,

---

организации и коллективы в области духовной культуры и образования.

Из огромного перечня памятных утрат упомяну лишь то, что сразу вспомнилось: убийство певца-патриота Игоря Талькова; уничтожение Отдела русского языка в Министерстве образования; разрушение общеобразовательной школы, ориентированной на задачи независимого государства; уничтожение кафедры русской словесности в Российской академии повышения квалификации работников образования; разрушительное «облегчение» программ пединституты, то есть подрыв достойной системы высшего педагогического образования; осквернение Большого театра непристойными постановками; циническая демонстрация бездарного и кощунственного фильма «Матильда»; гибель коллектива краснознамённого ансамбля песни и пляски им. Александрова; «удушение» замечательного русского оркестра «Баян»; закрытие Международного славянского фонда культуры в Москве; организованные с помощью «привозных» профессионалов-майданников протесты по поводу восстановления разрушенного храма в Екатеринбурге... И это далеко не всё...

Таковы трагические следы информационной войны. Диверсии в области духовного бытия России, осуществлённые по самым разным каналам, косвенно и непосредственно, несомненно, имеют один источник финансирования — даллесовскую программу уничтожения Русского мира.

Системное разрушение отечественного образования, упомянутые и им подобные беды в области отечественной культуры направлены против независимой России и её народа. Они *по чести* свидетельствуют о том, что вопреки «хорошим словам», произносимым «сверху», атмосфера страны нашей звонит вредительством и предательством, что всё упомянутое далеко не случайно, а вызовы и диверсии во время информационной войны требуют ответа. Действенного! И если такого ответа не следует, то что это значит?..

УПОРНЫЙ

РАССКАЗ

Всё началось с того, что Мотя Квасов прочитал в какой-то книжке, что вечный двигатель — невозможен. По тем-то и тем-то причинам — потому хотя бы, что существует трение. Мотя... Тут, между прочим, надо объяснить, почему — Мотя. Его звали — Митька, Дмитрий, но бабка звала его — Митрий, а ласково — Мотька, Мотя. А уж дружки переделали в Мотю — так проще, кроме того, непоседливому Митьке имя это, Мотя, как-то больше шло, выделяло его среди других, подчеркивало как раз его непоседливость и строптивый характер.

Прочитал Мотя, что вечный двигатель невозможен... Прочитал, что многие и многие пытались всё же изобрести такой двигатель... Посмотрел внимательно рисунки тех «вечных двигателей», какие — в разные времена — предлагались... И задумался. Что трение там, законы механики — он всё это пропустил, а сразу с головой ушел в изобретение такого «вечного двигателя», какого еще не было. Он почему-то не поверил, что такой двигатель невозможен. Как-то так бывало с ним, что на всякие трезвые мысли... от всяких трезвых мыслей он с пренебрежением отмахивался и думал

ЛАРЕЦ

свое: «Да ладно, будут тут мне...» И теперь он тоже думал: «Дану!.. Что значит — невозможен?»

Моне шел двадцать шестой год. Он жил с бабкой, хотя где-то были и родители, мать с отцом, но бабка еще маленького взяла его к себе от родителей (те вечно то расходились, то опять сходились) и вырастила. Моня окончил семилетку в деревне, поучился в сельскохозяйственном техникуме полтора года, не понравилось, бросил, до армии работал в колхозе, отслужил в армии, приобрел там специальность шофера и теперь работал в совхозе шофером. Моня был белобрыс, скуласт, с глубокими маленькими глазами. Большая нижняя челюсть его сильно выдавалась вперед, отчего даже и вид у Мони был крайне заносчивый и упрямый. Вот уж что у него было, так это было: если ему влетела в лоб какая-то идея — то ли научиться играть на аккордеоне, то ли, как в прошлом году, отстоять в своем огороде семнадцать соток, не пятнадцать, как положено по закону, а семнадцать, сколько у них с бабкой, почему им и было предложено перенести плетень ближе к дому, — то идея эта, какая в него вошла, подчиняла себе всего Моню: больше он ни о чем не мог думать, как о том, чтобы научиться на аккордеоне или не отдать сельсоветским эти несчастные две сотки земли. И своего добивался. Так и тут, с этим двигателем: Моня перестал видеть и понимать всё вокруг, весь отдался великой изобретательской задаче. Что бы он ни делал — ехал на машине, ужинал, смотрел телевизор — все мысли о двигателе. Он набросал уже около десятка вариантов двигателя, но сам же и браковал их один за одним. Мысль работала судорожно, Моня вскакивал ночами, чертил какое-нибудь очередное колесо... В своих догадках он все время топтался вокруг колеса, сразу с колеса начал и продолжал искать новые и новые способы — как заставить колесо постоянно вертеться.

И наконец способ был найден. Вот он: берется колесо, например велосипедное, закрепляется на вертикальной оси. К ободу колеса жестко крепится в наклонном положении (под углом в 45 градусов к плоскости колеса) желоб — так, чтоб по желобу свободно мог скользить какой-нибудь груз, допустим, килограммовая гирька. Теперь, если к оси, на которой закреплено колесо, жестко же прикрепить (приварить) железный стерженек так, чтобы свободный конец этого стерженька проходил над желобом, где скользит груз... То есть, если груз, стремясь вниз по желобу, упрется в этот стерженек, то — он же будет его толкать, ну, не толкать — давить на него будет, на стерженек-то! А стерженек соединен с осью, ось — закрутится, закрутится и колесо. Таким образом, колесо само себя будет крутить.

Моня придумал это ночью... Вскочил, начертил колесо, желоб, стерженек, грузик... И даже не испытал особой радо-

---

сти, только удивился: чего же они столько времени головы-то ломали! Он походил по горнице в трусах, глубоко гордый и спокойный, сел на подоконник, закурил. В окно дул с улицы жаркий ветер, качались и шумели молодые березки возле штакетника; пахло пылью. Моня мысленно вообразил вдруг огромнейший простор своей родины, России, — как бесконечную равнину, и увидел себя на той равнине — идёт спокойно по дороге, руки в карманах, поглядывает вокруг... И в этой ходьбе — ничего больше, идёт, и всё — почудилось Моне некое собственное величие. Вот так вот пройдёт человек по земле — без крика, без возгласов, — поглядит на все тут — и уйдёт. А потом хватятся: кто был-то! Кто был... Кто был... Моня еще походил по горнице... Если бы он был не в трусах, а в брюках, то уже теперь сунул бы руки в карманы и так походил бы — хотелось. Но лень было надевать брюки, не лень, а совестно суетиться. Покой, могучий покой объял душу Мони. Он лёг на кровать, но до утра не заснул. Двигатель свой он больше не трогал — там всё ясно, а лежал поверх одеяла, смотрел через окно на звёзды. Ветер горячий к утру поослаб, было тепло, но не душно. Густое небо стало бледнеть, стало как ситчик голубенький, застиранный... И та особенная тишина, рассветная, пугливая, невечная, прилегла под окно. И скоро ее вспугнули, эту тишину, — скрипнули недалеко воротца, потом звякнула цепь у колодца, потом с визгом раскрутился колодезный вал... Люди начали вставать. Моня всё лежал на кровати и смотрел в окно. Ничего вроде не изменилось, но какая желанная, дорогая сделалась жизнь. Ах, черт возьми, как, оказывается, не замечаешь, что всё тут прекрасно, просто, бесконечно дорого. Еще полежал Моня с полчаса и тоже поднялся: хоть и рано, но всё равно уже теперь не заснуть.

Подсел к столу, просмотрел свой чертёжник... Странно, что он не волновался и не радовался. Покой всё пребывал в душе. Моня закурил, откинулся на спинку стула и стал ковырять спичкой в зубах — просто так, нарочно, чтобы ничтожным этим действием подчеркнуть огромность того, что случилось ночью и что лежало теперь на столе в виде маленьких рисунков. И Моня испытал удовольствие: на столе лежит чертёж вечного двигателя, а он ковыряется в зубах. Вот так вот, дорогие товарищи!.. Вольно вам в жарких перинах трудиться на заре с жёнами, вольно сопеть и блаженствовать — кургузые. Еще и с довольным видом будут ходить потом днём, будут делать какие-нибудь маленькие дела и при этом морщить лоб — как если бы они думали... Ой-ля-ля! Даже и думать умеете?! Гляди-ка. Впрочем, что же: выдумали же, например, рукомойник. Ведь это же какую голову надо иметь, чтобы...

Ах, люди, люди. Моня усмехнулся и пошел к человеческому изобретению — к ручомойнику, умыться.

И всё утро потом Моня пробыл в этом насмешливом настроении. Бабка заметила, что он какой-то блаженный с утра... Она была весёлая крепкая старуха, Мотьку своего любила, но никак любви этой не показывала. Она сама тоже думала о людях несложно: живут, добывают кусок хлеба, приходит время — умирают. Важно не оплошать в трудную пору, как-нибудь выкрутиться. В войну, например, она приспособилась так: заметила в одном колхозном амбаре щель в полу, а через ту щель потихоньку сыплется зерно. А амбар задней стеной выходил на дорогу, но с дороги его заслоняли заросли крапивы и бурьяна. Ночью Квасиха пробралась с мешочком через эти заросли, изжалилась вся, но к зерну попала. Амбар был высокий, пол над землей высоко — хватит пролезть человеку. Квасиха подчистила зерно, проковыряла ножом щель пошире... И с неделю ходила ночами под тот амбар с мешочком. И наносила зерна изрядно. И в самый голод великий толкла ночами зерно это в ступке, подмешивала в муку сосновой коры и пекла хлебушек. Так обошла свою гибель. Мотька был ей как сын, даже, наверно, дороже, потому что больше теперь никого не было. Была дочь (сыновей, двух, убило на войне), мать Мотькина, но она вконец запуталась со своим муженьком, закружилась в городе, вообще как-то не вышло толку из бабы, она сюда и носа не казала, так что — есть она, и вроде ее нет.

— Чего эт ты седня такой? — спросила бабка, когда сидели завтракали.

— Какой? — спокойно и снисходительно поинтересовался Моня.

— Довольный-то. Жмурисся, как кот на солнышке... Приснилось, что ль, чего?

Моня несколько подумал... И сказал заковыристо:

— Мне приснилось, что я нашел десять тысяч рублей в портфеле.

— Подь ты к лешему! — старуха усмехнулась, помолчала и спросила: — Ну, и что бы ты с имя стал делать?

— Что?... А ты что?

— Я тебя спрашиваю.

— Хм... Нет, а вот ты чего бы стала делать? Чего тебе, например, надо?

— Мне ничего не надо. Может, дом бы перебрать...

— Лучше уж новый срубить. Чего тут перебирать — гнилье трясти.

Бабка вздохнула. Долго молчала.

— Гнилье-то гнилье... А уж я доживу тут. Немного уж осталось. Я уж всё продумала, как меня отсюда выносить будут.

— Начинается! — недовольно сказал Моня. Он тоже любил бабу, хоть, может, не очень это сознавал, но одно в ней раздражало Моню: разговоры о предстоящей смерти. Да добро бы немощью, хилостью они порождались, обреченностью — нет же, бабка очень хотела жить, смерть ненавидела, но притворно строила перед ней, перед смертью, покорную фигуру. — Чего ты опять?

Умная старуха поддельно-скорбно усмехнулась.

— А чего же? Что я, два века жить буду? Приде-ет, матушка...

— Ну и... придет — значит, придет: чего об этом говорить раньше время?

Но говорить старухе об этом хотелось, жаль только, что Мотька не терпит таких разговоров. Она любила с ним говорить. Она считала, что он умный парень, удивительно только, что в селе так не думают.

— Дак чего приснилось-то?

— Да ничего... Так я: утро вон хорошее, я и... радый.

— Ну, ну... И радуйся, пока молодой. Старость придет — не взрадуетсяя.

— Ничего! — беспечно и громко сказал Моня, закончив трапезу. — Мы еще... сообразим тут! Скажем еще свое «фэ»!

И Моня пошел в гараж. Но по дороге решил зайти к инженеру РТС Андрею Николаевичу Голубеву, молодому специалисту. Он был человек приезжий, толковый, несколько мрачноватый, правда, но зато не трепач. Раза два Моня с ним общался, инженер ему нравился.

Инженер был в ограде, возился с мотоциклом.

— Здравствуй! — сказал Моня.

— Здравствуй! — не сразу откликнулся инженер. И глянул на Моню неодобрительно: наверно, не понравилось, что с ним на «ты».

«Переживешь, — подумал Моня. — Молодой еще».

— Зашел сказать свое «фэ», — продолжал Моня, входя в ограду.

Инженер опять посмотрел на него.

— Что еще за «фэ»?

— Как ученые думают насчет вечного двигателя? — сразу начал Моня. Сел на бревно, достал папиросы... И смотрел на инженера снизу. — А?

— Что за вечный двигатель?

— Ну, этот — перпетум-мобиле. Нормальный вечный двигатель, который никак не могли придумать...

— Ну? И что?

— Как сейчас насчет этого думают?

— Да кто думает-то? — стал раздражаться инженер.

— Ученый мир... Вообще. Что, сняли, что ли, эту проблему?

— Никак не думают. Делать, что ли, нечего больше, как об этом думать.

— Значит, сняли проблему?

Инженер снова склонился к мотоциклу.

— Сняли.

— Не рано? — не давал ему уйти от разговора Моня.

— Что «не рано»? — оглянулся опять инженер.

— Сняли-то. Проблему-то.

Инженер внимательно посмотрел на Моню.

— Что, изобрел вечный двигатель, что ли?

И Моня тоже внимательно посмотрел на инженера. И всадил в его дипломированную головушку... Как палку в муравейник воткнул:

— Изобрел.

Инженер, не вставая с корточек, попристальнее взгляделся в Моню... Откровенно улыбнулся и возвратил Моне палку — тоже отчетливо, но без ехидства сказал:

— Поздравляю.

Моня обеспокоился. Не то что он усомнился вдруг в своем двигателе, а то обеспокоило, до каких же, оказывается, глубин вошло в сознание людей, что вечный двигатель невозможен. Этак — и выдумаешь его, а они будут твердить: невозможен. Спорить с людьми — это тяжело, грустно. Вся-то строптивость Мони, всё упрямство его — чтоб люди не успели сделать больно, пока будешь корячиться перед ними со своей доверчивостью и согласием.

— А что дальше? — спросил Моня.

— В каком смысле?

— Ну, ты поздравил... А дальше?

— Дальше — пускай его по инстанции, добивайся... Ты его сделал уже? Или только придумал?

— Придумал.

— Ну вот... — инженер усмехнулся, качнул головой. — Вот и двигай теперь... Пиши, что ли, я не знаю.

Моня помолчал, задетый за больное усмешкой инженера.

— Ну а что ж ты даже не поинтересуешься: что за двигатель? Узнал бы хоть принцип работы... Ты же инженер. Неужели тебе неинтересно?

— Нет, — жестко сказал инженер. — Неинтересно.

— Почему?

Инженер оставил мотоцикл, вытер руки тряпкой, бросил тряпку на бревно, полез в карман за сигаретами. Посмотрел на Моню сверху.

— Парень... ты же говорил, что в техникуме сколько-то учился...

— Полтора года.

— Вот видишь... Чего же ты такую бредятину несешь сидишь? Сам шофер, с техникой знаком... Что, неужели веришь в этот свой двигатель?

— Ты же даже не узнал принцип его работы, а сразу — бредятина! — изумился Моня, чувствуя, что — всё: с этой минуты он упёрся. Узнал знакомое подрагивание в груди, противный холодок и подрагивание.

— И узнавать не хочу.

— Почему?

— Потому что — это глупость. И ты должен сам понимать, что глупость.

— Ну, а вдруг не глупость?

— Проверь. Проверь, а потом уж приходи... с принципом работы. Но если хочешь мой совет: не трать время и на проверку.

— Спасибо за совет, — Моня встал. — Вообще за добрые слова...

— Ну вот... — сказал инженер вроде с сожалением, но непреклонно. — И не тронь вас. Скажи еще, что меня в институте учили...

— Да ну, при чем тут институт! Я же к тебе не за справкой пришел...

— Ну а чего же уж такая... самодеятельность-то тоже! — воскликнул инженер. — Почти девять лет учился — и на тебе: вечный двигатель. Что же уж?... Надо же понимать хоть такие-то вещи. Как ты думаешь: если бы вечный двигатель был возможен, неужели бы его до сих пор не изобрели?

— Да вот так вот все рассуждают: невозможен, и всё. И все махнули рукой...

— Да не махнули рукой, а доказали давно: не-воз-можен! Ладно, было бы у человека четыре класса, а то... Ты же восемь с половиной лет учился! Ну... Как же так? — Инженер по-живому рассердился, именно рассердился. И не скрывал, что сердится: смотрел на Моню зло и строго. И отчитывал. — Что же ты восемь с половиной лет делал?

— Смолил и к стенке становил, — тоже зло сказал Моня. И тоже поглядел в глаза инженеру. — Что ты, как на собрании выступаешь? Чего красуешься-то? Я тебя никуда выдвигать не собираюсь.

— Вот видишь... — чуть растерялся инженер от встречной напористой злости, но и своей злости тоже не убавил. — Умешь же говорить... Значит, не такой уж тёмный. Не хрена тогда и с вечным двигателем носиться... Людей смешить, — инженер бросил сигарету, наступил на нее, крутнулся, вдавив ее в землю, и пошел заводить мотоцикл.

Моня двинулся из ограды.

Оглушил его этот инженер. И стыдно было, что отчитали, и злость поднялась на инженера нешуточная... Но ужасно, что явилось сомнение в вечном двигателе. Он пошел прямо-ком домой — к чертежу. Шагал скоро, глядел вниз. Никогда так стыдно не было. Стыдно было еще своей утренней беспечности, безмятежности, довольства. Надо было всё же хорошенько всё проверить. Чёрт, и в такой безмятежности перся к инженеру! Надо было проверить, конечно.

Бабки дома не было. И хорошо: сейчас полезла бы с тревогой, с вопросами... Моня сел к столу, придвинул чертёж. Ну, и что? Груз — вот он — давит на стержень... Давит же он на него? Давит. Как же он не давит-то? А что же он делает? Моня вспомнил, как инженер спросил: «Что же ты восемь с половиной лет делал?» Нервно ёрзнул на стуле, вернул себя опять к двигателю. Ну?... Груз давит на стержень, стержень от этого давления двинется... Двинется. А другим концом он приварен к оси... Да что за мать-перемать-то! Ну, и почему это невозможно?! Вот теперь Моня волновался. Определенно волновался, прямо нетерпение охватило. Правильно, восемь с половиной лет учился, совершенно верно. Но — вот же, вот! Моня вскочил со стула, походил по горнице... Он не понимал: что они? Ну, пусть докажут, что груз не будет давить на стержень, а стержень не подвинется от этого. А почему он не подвинется-то? Вы согласны — подвинется? Тогда и ось... Тьфу! Моня не знал, что делать. Делать что-то надо было — иначе сердце лопнет от всего этого. Кожа треснет от напряжения. Моня взял чертёж и пошел из дома, сам пока не зная куда. Пошел бы и к инженеру, если бы тот не уехал. А может, и не уехал? И Моня пошел опять к инженеру. И опять шел скоро. Стыдно уже не было, но такое нетерпение охватило, в пору бегом бежать. Малость Моня и подбежал — в переулке, где людей не было.

Мотоцикла в ограде не оказалось. Моне стало досадно. И он, больше машинально, чем с какой-то целью, зашел в дом инженера. Дома была одна молодая хозяйка, она недавно встала, ходила в халатике еще, припухшая со сна, непричесанная.

— Здравствуйте, — сказал Моня. — А муж уехал?

— Уехал.

Моня хотел уйти, но остановился.

— А вы же ведь учительница? — спросил он. Хозяйка удивилась.

— Да. А что?

— По какому?

— По математике.

Моня, не обращая внимания на беспорядок, которого хозяйки стыдятся, не обращая внимания и на хозяйку, — что она еще не привела себя в порядок, — прошел к столу.

— Ну-ка, гляньте одну штуку... Я тут поспорил с вашим мужем... Идите-ка сюда.

Молодая женщина какое-то время нерешительно постояла, глядя на Моню. Она была очень хорошенькая, пухленькая.

— Что? — спросил Моня.

— А в чём дело-то? — тоже спросила учительница, подходя к столу.

— Смотрите, — стал объяснять Моня по чертежу, — вот это такой желобок из сталистой какой-нибудь жести... Так? Он — вот так вот — наклонно прикреплен к ободу этого колеса. Если мы сюда положим груз, вот здесь, сверху... А вот это будет стержень, он прикреплен к оси. Груз поехал, двинул стерженек... Он же двинет его?

— Надавит...

— Надавит! Он будет устремляться от этого груза, так же? Стерженек-то. А ось что будет делать? Закрутится? А колесо? Колесо-то на оси жестко сидит...

— Это что же, вечный двигатель, что ли? — удивилась учительница.

Моня сел на стул. Смотрел на учительницу. Молчал.

— Что это? — спросила она.

— Да вы же сами сказали!

— Вечный двигатель?

— Ну.

Учительница удивленно скривила свежие свои губки, долго смотрела на чертёж... Тоже пододвинула себе стул и села.

— А? — спросил Моня, закуривая. У него опять вздрагивало в груди, но теперь от радости и нетерпения.

— Не будет колесо вращаться, — сказала учительница.

— Почему?

— Не знаю пока... Это надо рассчитать. Оно не должно вращаться.

Моня крепко стукнул себя кулаком по колену... Встал и начал ходить по комнате.

— Ну, ребята!.. — заговорил он. — Я не понимаю: или вы заучились, или... Почему не будет-то? — Моня остановился, глядя в упор на женщину. — Почему?

Женщина тоже смотрела на него, несколько встревоженная. Она, как видно, немножко даже испугалась.

— А вам нужно, чтобы вращалось? — спросила она. Моня пропустил, что она это весьма глупо спросила, сам спросил — всё своё:

— Почему оно не будет вращаться?

— А как вам муж объяснил?

— Муж... никак. Муж взялся стыдить меня, — и опять Моня кинулся к чертежу: — Вы скажите, почему колесо... Груз давит?

— Давит.

— Давит. Стержень от этого давления...

— Знаете что, — прервала Моню учительница, — чего мы гадаем тут: это нам легко объяснит учитель физики, Александр Иванович такой... Не знаете его?

— Знаю.

— Он же недалеко здесь живет.

Моня взял чертеж. Он знал, где живет учитель физики.

— Только подождите меня, ладно? — попросила учительница. — Я с вами пойду. Мне тоже интересно стало.

Моня сел на стул.

Учительница замешкалась...

— Мне одеться нужно...

— А-а, — догадался Моня. — Ну, конечно. Я на крыльце подожду, — Моня пошел к выходу, но с порога еще оглянулся, сказал с улыбкой: — Вот дела-то! Да?

— Я сейчас, — сказала женщина.

Учитель физики, очень добрый человек, из поволжских немцев, по фамилии Гекман, с улыбкой слушал возбужденного Моню... Смотрел в чертёж. Выслушал.

— Вот!.. — сказал он молодой учительнице с неподдельным восторгом. — Видите, как всё продумано! А вы говорите... — и повернулся к Моне. И потихоньку тоже возбуждаясь, стал объяснять: — Смотрите сюда: я почти ничего не меняю в вашей конструкции, но только внесу маленькие изменения. Я уберу (он выговаривал «уперу») ваш желоб и ваш груз... А к ободу колеса вместо желоба прикреплю тоже стержень — вертикально. Вот... — Гекман нарисовал свое колесо и к ободу его «прикрепил» стержень. — Вот сюда мы его присобачим... Так? — Гекман был очень доволен. — Теперь я к этому вертикальному стержню прикрепляю пружину... Вот, — учитель и пружину изобразил. — А другим концом...

— Я уже такой двигатель видел в книге, — остановил Моня учителя. — Так не будет крутиться.

— Ага! — воскликнул счастливый учитель. — А почему?

— Пружина одинаково давит в обои концы...

— Это ясно?! Взяли ваш вариант: груз... Груз лежит на желобе и давит на стержень. Но ведь груз — это та же пружина, с которой вам всё ясно: груз так же одинаково давит на стержень и на желоб. Ни на что — чуть-чуть меньше, ни на что — чуть-чуть больше. Колесо стоит.

Это показалось Моне чудовищным.

— Да как же?! — вскинулся он. — Вы что? По желобу он только скользит — желоб можно еще круче поставить, — а на стержень падает. И это — одинаково?! — Моня свирепо смотрел на учителя. Но того всё не оставляла странная радость.

— Да! — тоже воскликнул он, улыбаясь. Наверно, его так радовала неизблемость законов механики. — Одинаково! Эта неравномерность — это кажущаяся неравномерность, здесь абсолютное равенство...

— Да горите вы синим огнем с вашим равенством! — горько сказал Моня. Сгреб чертеж и пошел вон.

Вышел на улицу и быстро опять пошагал домой. Это походило на какой-то заговор. Это чёрт знает что!.. Как сговорились. Ведь ясно же, ребенку ясно: колесо не может не вертеться! Нет, оно, видите ли, НЕ ДОЛЖНО вертеться. Ну что это?!

Моня приколбасил опять домой, написал записку, что он себя неважно чувствует, нашел бабку на огороде, велел ей отнести записку в совхозную контору, не стал больше ничего говорить бабке, а ушел в сарай и начал делать вечный двигатель.

...И он его сделал. Весь день пластался, дотемна. Доделывал уже с фонарем. Разорил велосипед (колесо взял), желоб сделал из старого оцинкованного ведра, стержень не приварил, а скрепил с осью болтами... Всё было сделано, как и задумалось.

Моня подвесил фонарь повыше, сел на чурбак рядом с колесом, закурил... И без волнения толкнул колесо ногой. Почему-то охота было начать вечное движение непременно ногой. И привалился спиной к стене. И стал снисходительно смотреть, как крутится колесо. Колесо покрутилось-покрутилось и стало. Моня потом его раскручивал уже руками... Подолгу — с изумлением, враждебно — смотрел на сверкающий спицами светлый круг колеса. Оно останавливалось. Моня сообщил, что не хватает противовеса. Надо же уравновесить желоб и груз! Уравновесил. Опять что есть силы раскручивал колесо, опять сидел над ним и ждал. Колесо останавливалось. Моня хотел изломать его, но раздумал... Посидел еще немного, встал и с пустой душой медленно пошел куда-нибудь.

...Пришел на реку, сел к воде, выбирал на ощупь возле себя камешки и стрелял ими с ладони в тёмную воду. От реки не исходил покой, она чуть шумела, плескалась в камнях, вздыхала в темноте у того берега... Всю ночь чего-то всё беспокоилась, бормотала сама с собой — и текла, текла. На середине, на быстрине, поблескивала ее текучая спина, а здесь, у берега, она всё шевелила какие-то камешки, шарилась в кустах, иногда сердито шипела, а иногда вроде смеялась тихо — шёпотом.

Моня не страдал. Ему даже понравилось, что вот один он здесь, все над ним надсмеялись и дальше будут смеяться: хоть и бывают редкие глупости, но вечный двигатель никто в селе не изобретал. Этого хватит месяца на два — говорить. Пусть. Надо и посмеяться людям. Они много работают, увлечений тут особых нет — пусть посмеются, ничего. Он в эту ночь даже любил их за что-то, Моня, людей. Он думал о них спокойно, с сожалением, даже подумал, что зря он так много спорит с ними. Что спорить? Надо жить, нести свой крест молча... И себя тоже стало немного жаль.

Дождался Моня, что и заря занялась. Он вовсе отрешился от своей неудачи. Умылся в реке, поднялся на взвоз и пошел береговой улицей. Просто так опять, без цели. Спать не хотелось. Надо жениться на какой-нибудь, думал Моня, нарожать детей — трёх, примерно, и смотреть, как они развиваются. И обрести покой, ходить вот так вот — медленно, тяжело и смотреть на всё спокойно, снисходительно, чуть насмешливо. Моня очень любил спокойных мужиков.

Уже совсем развиднело. Моня не заметил, как пришел к дому инженера. Не нарочно, конечно, пришел, а шел мимо и увидел в ограде инженера. Тот опять возился со своим мотоциклом.

— Доброе утро! — сказал Моня, остановившись у изгороди. И смотрел на инженера мирно и весело.

— Здорово! — откликнулся инженер.

— А ведь крутится! — сказал Моня. — Колесо-то.

Инженер отлип от своего мотоцикла... Некоторое время смотрел на Моню — не то что не верил, скорее так: не верил и не понимал.

— Двигатель, что ли?

— Двигатель. Колесо-то... Крутится. Всю ночь крутилось... И сейчас крутится. Мне надоело смотреть, я пошел малость пройтись.

Инженер теперь ничего не понимал. Вид у Мони усталый и честный. И несколько не пристыженный, а даже какой-то просветлённый.

— Правда, что ли?

— Пойдем — поглядишь сам.

Инженер пошел из ограды к Моне.

— Ну, это... фокус какой-нибудь, — всё же не верил он. — Подстроил там чего-нибудь?

— Какой фокус! В сарае... на полу: крутится и крутится.

— От чего колесо-то?

— От велика.

Инженер приостановился.

— Ну, правильно: там хороший подшипник — оно и крутится.

— Да, — сказал Моня, — но не всю же ночь!

Они опять двинулись.

Инженер больше не спрашивал. Моня тоже молчал. Благо-
гостное настроение всё не оставляло его. Хорошее какое-то
настроение, даже самому интересно.

— И всю ночь крутится? — не удержался и еще раз спро-
сил инженер перед самым домом Мони. И посмотрел при-
стально на Моню. Моня преспокойно выдержал его взгляд
и, вроде сам тоже изумляясь, сказал:

— Всю ночь! Часов с десяти вечера толкнул его и вот...
сколько уж сейчас?

Инженер не посмотрел на часы, шел с Монею, крайне оза-
даченный, хоть старался не показать этого, щадя свое инже-
нерское звание. Моне даже смешно стало, глядя на него, но
он тоже не показал, что смешно.

— Приготовились! — сказал он, остановившись перед дверь-
ю сарая. Посмотрел на инженера и пнул дверь... И посторо-
нился, чтобы тот прошел внутрь и увидел колесо. И сам
тоже вошел в сарай — крайне интересно стало: как инженер
обнаружит, что колесо не крутится.

— Ну-у, — сказал инженер. — Я думал, ты хоть фокус ка-
кой-нибудь тут придумал. Не смешно, парень.

— Ну, извини, — сказал Моня, довольный. — Пойдем — у
меня дома коньячишко есть... сохранился: выпьем по рюмахе?

Инженер с интересом посмотрел на Моню. Усмехнулся.

— Пойдем.

Пошли в дом. Осторожно, стараясь не шуметь, прошли
через прихожую комнату... Прошли уже было, но бабка ус-
лышала.

— Мотья, где был-то всю ночь? — спросила она.

— Спи, спи, — сказал Моня. — Всё в порядке.

Они вошли в горницу.

— Садись, — пригласил Моня. — Я сейчас организую...

— Да ты... ничего не надо организовывать! — сказал ин-
женер шепотом. — Брось. Чего с утра организовывать?

— Ну, ладно, — согласился Моня. — Я хотел хоть пирожок
какой-нибудь... Ну, ладно.

Когда выпили по рюмахе и закурили, инженер опять с ин-
тересом поглядел на Моню, сощурил в усмешке умные глаза.

— Всё же не поверил на слово? Сделал... Всю ночь, навер-
но, трудился?

А Моня сидел теперь задумчивый и спокойный — как если бы
у него уже было трое детей, и он смотрел, как они развиваются.

— Весь день вчера угробил... Дело не в этом, — заговорил
Моня и заговорил без мелкого сожаления и горя, а с глубоким,

искренним любопытством, — дело в том, что я всё же не понимаю: почему оно не крутится? Оно же должно крутиться.

— Не должно, — сказал инженер. — В этом всё дело.

Они посмотрели друг на друга... Инженер улыбнулся, и ясно стало, что вовсе он не злой человек — улыбка у него простецкая, доверчивая. Просто, наверно, на него, по его молодости и совестливости, навалили столько дел в совхозе, что он позабыл и улыбаться, и говорить приветливо — не до этого стало.

— Учиться надо, дружок, — посоветовал инженер. — Тогда всё будет понятно.

— Да при чем тут — учиться, учиться, — недовольно сказал Моня. — Вот нашли одну тему: учиться, учиться... А учёных дураков не бывает?

Инженер засмеялся... и встал.

— Бывают! Но всё же неучёных их больше. Я не к этому случаю говорю... вообще. Будь здоров!

— Давай еще по рюмахе?

— Нет. И тебе не советую.

Инженер вышел из горницы и постарался опять пройти по прихожей неслышно, но бабка уже не спала:

— Шагай вольнее, — сказала она, — всё равно не сплю.

— Здравствуй, бабушка! — поприветствовал ее инженер.

— Здорово, милоч. Чего вы-то не спите? Гляди-ка, молодые, а как старики... Вам спать да спать надо.

— А в старости-то что будем делать? — сказал инженер весело.

— В старости тоже не поспишь.

— Ну, значит, потом когда-нибудь... Где-нибудь.

— Рази что там...

Моня сидел в горнице, смотрел в окно. Верхняя часть окна уже занялась красным — всходило солнце. Село пробудилось: хлопали ворота, мычали коровы, собираясь в табун. Переговаривались люди, уже где-то и покрикивали друг на друга... Всё как положено. Слава богу, хоть тут-то всё ясно, думал Моня. Солнце всходит и заходит, всходит и заходит — недостижимое, неистощимое, вечное. А тут себе шуруют: кричат, спешат, трудятся, поливают капусту... Радости подсчитывают, удачи. Хэх!.. Люди, милые люди... Здравствуйте!

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ МАНТРЫ

Уже все в России явно чувствуют, как нарастает раздраз между нашей внешней политикой и внутренней обстановкой в стране. Веские слова президента о наших Вооружённых Силах, о достижениях науки, о новых образцах оружия и военной техники, кажется, должны бы наполнять гордостью наши сердца. Должны бы... если бы не постоянный рост цен — практически на всё, если бы не ужасающая коррупция, если бы не почти ежедневные сообщения о наворованных миллиардах, если бы не развал образования, если бы не чиновничий беспредел... Если бы, если бы... Сколько их ещё, этих «если бы не»! **И что печальнее всего — света в конце тоннеля что-то не видно.**

Несправедливости и несуразности чаще всего лежат на поверхности, и все это видят. Хочется сказать: «Дорогая наша власть — народная, выборная, демократическая — давай, засучивай рукава, занимайся наведением порядка, благоустройством, развивай производство, создавай рабочие места, ликвидируй воровство и преступность! На то ты и власть!».

Однако — увы! Из властных структур в ответ на справедливые претензии народа постоянно несутся заклинания-мантры:

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

-
- итоги приватизации пересматривать нельзя!
  - вводить прогрессивную шкалу налогов нельзя!
  - смертную казнь вводить нельзя!
  - государственной идеологии быть не должно!
  - цензура запрещена!
  - международные договоры важнее российских законов!
  - государство у нас светское! (Когда заходит речь о роли религии в воспитании.)
  - менять Конституцию не надо!

Вот и рассмотрим детально лживую, лицемерную суть этих «мантр».

Приватизация. В последнее время этот термин отдельно уже почти не применяется, все говорят о «грабительской приватизации», «воровской приватизации», это точнее и правильнее. Уже и ведущие экономисты признают, что это, по сути, был грабёж и растаскивание богатств страны по личным карманам. Но, говорят они, теперь никто добровольно не отдаст наворованное, и пересмотр будет с кровью, или олигархи максимально потащат свои богатства за кордон. Но, дорогие мои, насчёт крови и кордона у нас ведь всё же есть и полиция, и ФСБ, и армия, и Счётная палата, и прокуратура, и много ещё каких чиновников сидит на всевозможных контрольных функциях. Вот и вершите справедливость! Не допускайте крови, не пускайте деньги и активы через границу! Иначе получается, что власти предрежащие просто охраняют наворованное в эпоху приватизации — значит, у самих руки нечисты. Другой вывод просто не придумать.

Прогрессивная шкала налогов. Не раз мы уже слышали, что если пойти на это, то, мол, «богатые» станут укрывать деньги, скрывать доходы, вывозить за границу... Опять же, дорогие мои, на то вы и власть, чтобы не допустить этого! Когда президент разъясняет народу необходимость поднятия пенсионного возраста, он делает ссылку на Запад — что там уже давно возраст выхода на пенсию выше, чем у нас. Но когда он же говорит про налог на роскошь и прогрессивную шкалу налогообложения (тоже, кстати, как на Западе), перенимать этот опыт не хочет, так как считает несправедливым то, что богатые будут платить в процентном соотношении больше, чем бедные. Странное понятие о справедливости!

Думаю, это очередное лицемерие. Во-первых, прогрессивная шкала налогов эффективно применяется в большинстве цивилизованных, развитых стран. Во-вторых, опять же, зачем нагнетать страх перед утечкой капиталов за границу, если есть властные органы, специально призванные контролировать эти незаконные процессы? Иначе — власть просто расписывается в собственном бессилии. Или — в соучастии.

Русский философ и правовед И.А. Ильин (кстати, неоднократно цитируемый нашим президентом) писал об истинной справедливости: *«Люди не равны ни телом, ни душою, ни духом. Они рождаются существами различного пола, с различным здоровьем и силой, с совершенно различными предрасположенностями, дарами, инстинктами и желаниями, они принадлежат к различному духовному уровню, и с ними (в силу справедливости!) надо обходиться различно. В этом заключается основа и главная трудность справедливости: людей — бесконечное множество; все они различны. Как сделать, чтобы каждый получил согласно справедливости? Если люди неодинаковы, значит, и обходиться с ними надо каждый раз согласно их живому своеобразию. Иначе возникает несправедливость».*

Смертная казнь. Хорошо известно, что период грабительской приватизации сопровождался и прямыми захватами собственности, и разборками, и стрельбой, и, естественно, трупам. Нередко эхо тех «лихих 90-х» аукнется и теперь. В криминальной среде борьбы за собственность быстро «расцвели и заколосились» особо крупные взятки, подкупы, угрозы, шантаж, убийства, бандитизм, захват заложников, вплоть до терроризма. «Букет» очень красочен и богат. В проклинаемое либералами Советское время почти за всё это справедливо следовала смертная казнь. Крайняя мера, да. Но она сдерживала многие буйные и алчные головы. На одной из педагогических конференций офицер — подполковник из управления по исполнению наказаний — сказал: «Через мои руки проходят оперативные сводки, и я ежедневно вижу точные цифры. Так вот, когда в России был объявлен мораторий на смертную казнь — резко увеличилось количество самых тяжких преступлений».

И опять же слышим привычные лживые заклинания: «А если приговор ошибочен?», «Смертная казнь не имеет нравственного обоснования», «Зло нельзя победить злом», «Сторонники смертной казни отбрасывают нас далеко назад», «Казнь усиливает жестокость в обществе», «Какое право имеет общество, сделавшее человека преступником, перекладывать на него свою вину и даже лишать его жизни?» На все эти псевдогуманные стенания хорошо ответил И.А. Ильин: *«Вся история человечества состоит в том, что в разные эпохи и в разных общинах лучшие люди гибли, насилуемые худшими, причём это продолжалось до тех пор, пока лучшие не решились дать худшим планомерный и организованный отпор».* Все мы живём в одном и том же мире, однако почему-то подавляющее большинство, несмотря на самые разные обстоятельства, делает правильный нравственный выбор в пользу

естественных общежительных норм, а не преступлений. Делает преступника таковым не общество, а он сам, своей свободной волей. Общество лишь открывает человеку многообразие и искусительность различных путей жизни. Нравственный выбор остаётся всё же за человеком.

А что касается судебных ошибок — то ошибки вообще присутствуют **в любой** деятельности человечества. Если панически бояться ошибок — не сделаешь вообще ничего, и жизнь остановится. Да, следствие и суд иногда ошибаются — что же, упразднить суды? Ученики делают ошибки — значит, никого не учить? Повара не всегда варят вкусно — что же, запретить готовить еду? Строители не всегда строят хорошо — запретить строить? Мосты иногда рушатся — значит, запретить инженерам их проектировать? А ведь плохой мост или плохая дорога уносят порой сотни и тысячи жизней. Это не единичная судебная ошибка.

Государственной идеологии быть не должно. А может ли вообще организованное человеческое общество устойчиво жить и развиваться без какой-либо идеологии? Любая общность на земле, даже на уровне инстинктов, имеет по крайней мере чёткую видимость соблюдения некоей идеологии. Достаточно посмотреть хотя бы на жизнь муравейника или пчелиного улья. Даже известная поговорка «человек человеку волк» легитимна, к сожалению, только для человеческого общества — а в волчьих стаях как раз наблюдается чёткая организация и своеобразная «идеология»: подчинение вожаку, совместная охота и добыча, охрана волчат, самок и слабых (при переходах они всегда помещаются в середине).

Идеология происходит от слова «идея». Идея — это мысленный образ некоторого предмета или явления; это то, что позволяет видеть конечную цель и осознанно стремиться к ней, понимая тот результат, который будет или должен быть достигнут. Без идеи невозможна созидательная деятельность. Идея жизнедеятельности одного человека в отрыве от других людей может быть любой, однако и он вынужден считаться с влиянием окружающей среды, приспособливаться к ней. Идеи жизни сообщества уже не могут быть любыми, они поневоле выстраиваются в какую-либо систему, чтобы каждый член общества мог получать необходимую защиту и средства существования, отдавая взамен свой труд и способности. Государство, лишённое идеологии, трудно себе представить, его нельзя даже уподобить пчелиному рою, оно не может быть устойчивым и неминуемо скатится в войну всех против всех.

На самом деле в России идеология есть. Однако сейчас она размыта и неконкретна — с подачи конституционного её

отрицания! Тем не менее, и в самой Конституции идеологические основы содержатся: они подспудно заключены во многих её положениях, а во вводной части прямо сказано, какие ценности признаются основой нашего законодательства:

— многонациональность, равноправие и самоопределение народов,

— соединённость общей судьбой,

— права и свободы человека,

— гражданский мир и согласие,

— исторически сложившееся государственное единство,

— память предков,

— любовь и уважение к Отечеству,

— вера в добро и справедливость,

— суверенная государственность России,

— незыблемость её демократической основы,

— благополучие и процветание России,

— ответственность за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями,

— осознание себя частью мирового сообщества.

Всё это не что иное, как совокупность идеологических принципов построения общества. Совершенно нелогично после введения в Конституцию таких знаменательных слов утверждать в ней же запрет для России иметь какую-либо государственную идеологию.

Эта фальшь почувствовалась сразу же, и не кто иной, как «покровитель» расстрела Белого дома президент Ельцин вскоре дал задание придумать какую-то национальную идею. Даже он понимал, что без идеи нельзя жить. В. Путин в первые годы своего президентства неоднократно высказывал беспокойство по поводу отсутствия у России внятно сформулированной государственной идеологии. Более того, в период думских выборов 2008 года в качестве недостатка партии «Единая Россия», он назвал отсутствие у неё определенной идеологии. И так, несмотря на то, что по Конституции нам не нужна идеология, президенты заявляли неоднократно, что она необходима. Значит, она **должна быть**, и закрепить её надо конституционно.

Цензура. Конституцией Российской Федерации цензура запрещена. Однако существует множество фактов цензуры творчества и ограничения свободы распространения информации со стороны чиновников, общественных организаций и даже самоорганизующихся групп граждан, чьи чувства нередко бывают оскорблены возмутительной или кощунственной информацией.

Сейчас около 60% россиян считают цензуру в интернете необходимой, против цензуры — только 25% (данные Лева-

---

да-Центра). И число сторонников цензуры в Интернете среди россиян имеет тенденцию к возрастанию.

Свобода слова — обязательно должна быть. И цензура — непременно должна быть. Есть ли здесь противоречие? Абсолютно нет! Обратимся к основной ячейке любого общества — к семье. В нормальной семье всегда соблюдается свобода слова. В детях даже поощряется и приветствуется развитие речи, умение выражать мысли, связно рассказывать, импровизировать. И при всём этом нередко дети «получают по губам» или «ложкой по лбу» — за что же? За слова. Какие? А об этом, пожалуй, знают все — в здоровой семье нетерпимы хамство, оскорбления, насмешки над родителями, кощунство, сквернословие, угрозы, неуважение к родным, к семейным ценностям и традициям — такая вот, можно сказать, домашняя цензура. И что — сильно она ущемляет право на высказывания? Пожалуй, наоборот — она расчищает поле истинной свободе слова, открывает горизонты словотворчества по законам добра, истины и красоты.

Семейное воспитание основано, прежде всего, на живом примере родителей, а также на многих запретах и ограничениях. И это нормально. Кстати, в XIX веке известнейшие русские писатели не гнушались цензурой: цензорами были С.Т. Аксаков, Ф.И. Тютчев, А.Н. Майков, Я.П. Полонский, а их уж никак не заподозишь в мракобесии.

О «светскости». Статья 14 Конституции гласит: «Российская Федерация — светское государство». В статье 2 закона «Об образовании» также говорится о том, что государственная политика в этой области основывается на светском характере образования. При этом, однако, ни в одном документе не раскрываются сами понятия «светский характер» и «светскость». Возникает правовая проблема: закон предписывает то, что законом не определено.

Обратимся к самому смыслу термина «светскость». Словари такого понятия вообще не содержат, ближайшим к нему является слово «светский», которое обозначает нечто, относящееся к свету (как части общества), или мирское, не церковное. Словарь В. Даля говорит: «Светский, ко свету (миру) в разных значениях относящийся, земной, мирской, суетный; или гражданский». В Большой Советской Энциклопедии светский характер образования трактуется как «исключающий влияние религии». Как видим, несовместимость с религией характерна для всех этих толкований. Однако именно здесь и возникает ряд недоумений и противоречий, особенно при анализе других принципов жизни государства и сопоставлении их с принципом светскости.

Например, во вступительной части Конституции декларируется: «Мы, многонациональный народ Российской Фе-

---

дерации, соединённые общей судьбой на своей земле... сохраняя исторически сложившееся государственное единство... чья память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость... принимаем Конституцию Российской Федерации».

Да, мы действительно «соединены общей судьбой на своей земле». А честный взгляд на нашу русскую историю говорит о том, что вся она пронизана дыханием Православия, это общеизвестно. Конституция напоминает также об «исторически сложившемся государственном единстве». Да, это единство начало выковываться с крещением Руси великим князем Владимиром и затем окрепло с именами таких великих святителей и государственников, как митрополиты св. Петр и св. Алексей, св. Сергей Радонежский и все последующие православные подвижники, великие князья и цари.

Основной закон страны говорит и о почитании «предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость». Понятно, что у русских по духу и культуре людей любовь и уважение к Отечеству были неразрывны с православными идеалами жизнеустройства, а вера в добро и справедливость была не чем иным, как верой в Бога — Промыслителя и Спасителя.

Несомненно, жили на Руси и иностранцы, и инородцы, но и они, уважая русскую культуру и мощь, не могли не видеть и не считаться с её источником — верой Православной, тем более — реально ощущая её патронат и защиту. Важно также отметить, что Русь — в противоположность «цивилизованной» Европе — не знала ни религиозных войн, ни ужасов инквизиции, ни примеров резни типа «Варфоломеевской ночи». Именно Православная вера гарантировала на Руси взаимоуважение и стабильность в отношениях между религиями и конфессиями. Характерно, что часто, например, во время воинской присяги перед строем находились и ксёндз, и мулла, и представители иных религий, и в то же время новобранцы становились именно русскими воинами — не «многонациональными» или «многоконфессиональными», а именно русскими по культуре и принадлежности и защищали свое Отечество достойно. И вероисповедные, и национальные чувства каждого не были унижены. И никто при этом не кричал о «толерантности», как это делается сейчас на каждом шагу. Это пример одного из русских парадоксов, которого не понять прагматичному Западу. Вместе с тем, это и пример правильного решения национального вопроса.

Как видим, анализ понятия светскости с разных сторон приводит к выводу, что само это понятие — бессодержательно, это истинный «пережиток прошлого», наследие ненавис-

---

ти воинствующих безбожников, своеобразная «раковая опухоль» внутри великого дела образования народа. Просто отменить его нельзя, необходимо заменить его на принцип образования, включающего религиозный компонент.

О верховенстве международных договоров над нашими законами. Действующая редакция ст. 15 (п. 4) Конституции РФ: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

В настоящее время, в обстановке тотальной ненависти к России со стороны западных властных структур, следует коренным образом пересмотреть и отношение к практике международных договоров. Главенство должны иметь национальные законы, а не международные договоры.

Поэтому предлагается следующая корректура: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры **учитываются правовой системой Российской Федерации.** Каждый конкретный случай расхождения норм предполагаемого международного договора Российской Федерации с нормами её Конституции подлежит рассмотрению в Конституционном суде».

Лицемерие власти вызывает резкое неприятие в народе. А народное недовольство — это та взрывчатая масса, которая не может копиться беспрестанно. И если власть не желает взрыва, она должна задуматься о справедливом решении накопившихся вопросов, а не повторять бездумно и цинично свои всё ещё *либеральные мантры*.

Владимир КРУПИН

НАСИЛИЕ НАД ДЕТЬМИ

Знаменитая триада, формула графа Уварова: Православие, Самодержавие, Народность, на которой стояла во все времена Россия, всё чаще вспоминается сейчас, когда не оправдала ожиданий идеология большевизма, и коммунизм оказался мифом, когда в новом периоде жизни обнаружи-

---

лось новое враньё про построение справедливого общества. Мы видим крушение всех демократических институтов, видим, что ни Конституция, ни законы не могут сдержать диктатуру воровства, которая царит в современной России. Что же её спасёт? Её спасёт нравственность и совесть, этот глас Бога в душе.

Последнее, что хранило нравственность, после Церкви, была классическая литература и, прежде всего, литература в школе. И вот сейчас это спасительное влияние литературы убивается. Литература изгоняется из школы, государство швырнуло её под колёса капитала. Даже в семнадцатом не смогли тогдашние революционеры «сбросить Пушкина с парохода современности», а сейчас, сам видел, выброшенные на помойку его книги. «Творцы» новых стандартов образования, вы этого хотели? Но так получается. Неужели составители их всерьёз считают, что версификатор Бродский лучше великого Рубцова, неужели просто хороший поэт и плохой прозаик Пастернак, не говоря об Окуджаве, лучше нужнейших Заболоцкого, Исаковского и Твардовского?

Думаю, что так случилось не от глупости и незнания, а от того, что составляли программу те, кто лишён трёх качеств, составляющих человеческую личность. По мысли русского философа Владимира Соловьёва, для того, чтобы превратить человека в животное, надо лишить его: первое — чувства стыда, второе — чувства сострадания и жертвенности, и третье — благоговения перед святынями. От чувства стыда начала избавлять мир сексуальная революция 60-х, когда «ливерпульская четвёрка» кричала о сексе как об избавлении от всех проблем, прибавляя при этом: «Мы более знамениты, чем Христос», когда пошлость и насилие загадили кино- и телеэкраны, когда образ героя, любящего Отечество, вытеснил образ прохиндея и мошенника Остапа Бендера, а образ любящей жены и матери заменила ведьма Маргарита.

Ворвался в мир школы и Интернет, это сплошной дом терпимости (напомним, что терпимость в переводе — это столь желанная либералам толерантность), уже не стыдно принародно жевать, материться, не почитать старших, дерзить учителям, угрожая им «телефоном доверия», уже популярен лозунг «закончим школу женщинами», уже лаховцы начинали приносить в начальную школу презервативы и учить ими пользоваться...

Сострадание, жертвенность убиваются демократическим рынком. Конкуренция развивает эгоизм. Пропагандируется карьерный рост как признак жизненного успеха. Чувство долга, солидарности уже и не вспоминаются. Ведь ничего же не получится у головы без участия сердца. Сколково — центр процветания мировой науки уже прозван Сколково и Скольково.

А что касается третьего, главного чувства человека — благоговения перед святынями, сохранения Бога в душе, оно постоянно оскорбляется и унижается, когда новые Саломеи пляшут перед алтарями, когда оскверняются Кресты, иконы и могилы, когда госпожа интеллигенция занимается любимым делом — сплетнями о священноначалии.

Конечно, чиновники, убивающие предмет литературы, скажут, что не хотят такого кошунства, но если они вводят в программы, например Мандельштама, то как их понять. Мандельштам еще после первой революции в статье «Кровавая мистерия 9 января» призывал к цареубийству. Он прямо писал: «Нельзя жить, если не будет убит царь».

И постоянное, мы видим, обезьянничанье перед какой-то неведомой мировой цивилизацией. Неужели страны, где епископы женщины, и где венчают двуногих однополых, для нас пример? Мы — ведущая европейская держава. Русские летописи старше на сто лет французских и итальянских хроник, немецкие вообще появились в XIV веке. Наш Нестор писал одновременно с греческими и латинскими авторами. Напоминать ли, что мир держится русским искусством и русской научной мыслью?

Задолго до всяких Конституций в России зарождалась симфония духовных и светских властей, какой мир не видывал. Вместе с игуменом Даниилом в Святую Землю ходил киевский князь Изяслав. Духовником у князя был основатель русского монашества преподобный Антоний. «Иду к Антонию на исповедь, ноги подгибаются», — говорил Изяслав. Но ни эти факты, ни сам памятник духовности и литературы «Хождение игумена Даниила» в школе и близко не бывали. Как и написанное за сто лет до «Слова о полку Игореве» «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона.

И отдельно от школы существуют и лежат прямо под ногами золотые россыпи русской речи, народное творчество: песни, сказания, легенды, былины, пословицы, поговорки, потешки, обрядовая поэзия. А ведь на народное творчество мы не можем смотреть как на давно прошедшее, оно всегда будет, по крайней мере, для пишущих, недосыгаемо впереди.

Понимания значения литературы, как предмета, поддерживающего свод нравственности над Россией, нет у наших властей. Видимо, им безразлична их посмертная судьба. А ведь все помрём, и надо торопиться остаться в истории. Тредиаковский, вручая императрице Екатерине свою оду, заметил: «Царствованию великого Августа потребен Гораций». Но если сейчас в Горациях Пелевин, то кто тогда Путин?

Исследователь происхождения большевизма из протестантизма, а протестантизма из безбожия русский философ Вик-

---

тор Тростников сделал вывод: «Подлинного мудреца может дать человечеству только православная цивилизация, поскольку мировоззрение, из которого выросла её культура, есть неповреждённое учение самого Бога, воплотившегося и сошедшего на землю, чтобы дать его людям».

И в самом деле: почему русская классическая литература — ведущая в мире? Потому что она выращена Православием. Как и величайшая музыка, как и живопись — дитя иконописания. А архитектура? Не церковью ли рождена? И если мы начатки Православия взяли от Византии, то уже рост их и созревание свершились на русской почве.

Большевики сделали из Пушкина революционера, но пора в школе говорить о нём как о **православном** гении. То же и вообще со всем курсом литературы. Гибель Катерины в «Грозе» — не протест против «тёмного царства», а глубочайший стыд за свершенный позор прелюбодеяния, за осквернение брачного венца. Маша Миронова и Петр Гринёв любят друг друга, но не могут вступить в брак без родительского благословения. «Покоримся воле Божией, Петруша», — говорит Маша. Но когда Петра оклеветали, то она, нигде не бывавшая, в одиночку едет в Петербург и спасает любимого.

Главный мотив настоящей русской литературы — служение Богу небесному и царю земному. И утверждение простейшей мысли, что у России свой, Богом указанный путь, что русский язык — язык Богослужебный. Пушкина спросили о даме, с которой он долго разговаривал: «Умна ли она?» Пушкин искренне ответил: «Не знаю, мы говорили по-французски».

Жизни не хватит, чтобы овладеть величием русской словесности, а школа наша вдвигает в программу всё вытесняющее изучение иностранных языков. Как будто школа подрядилась поставлять для мирового сообщества англоязычных егзенедаумков. Но, говорил апостол, что знание языков — есть самое низкое знание. А что самое высокое знание? Богопознание, мудрость. А кто мудр? Тот, кто делает добро.

Языки въехали в Россию через дворян, чтобы им скрывать свои разговоры от дворни, вот и весь секрет офранцузивания. Потрясённый своим открытием Митрофанушка восклицает: «Маменька, ведь в Париже даже извозчики говорят по-французски».

«Слово есть высший подарок Бога человеку», — писал Гоголь, и этим словом написал одно из своих главных завещаний: «Воспитание должно происходить... в беспрестанном применении и сличении всего с законом Христа: в чём оно не противоречит Христу, то принимать, а в чём не соответствует Его закону, то отвергать: ибо всё, что не от Бога, то не есть истинно».

Когда Россия благоденствовала? Когда в ней усиливалась молитва. Нет никакой истории, кроме одной: мир или приближается ко Христу, или удаляется от Него. Мы так долго удалялись, что диву даёмся, что Господь всё ещё нас любит.

Егэ убивает Россию. Привожу авторитетнейшее подтверждение: китайский академик Цзинь Сычжан исследовал системы образования в мире за последние 30 лет в 43 странах и отметил, что падение уровня образования в России просто устрашающее. Он сказал, выступая перед студентами МГТУ им. Баумана: «Это не просто катастрофа, это верный путь к уничтожению знаний. В Советском Союзе была лучшая в мире система образования. Теперь же Запад провёл против вас величайшую диверсию, навязав вам гибельную систему Егэ, уничтожающую знания, готовящую рабов и биороботов... В то время, как остальной мир идёт вперёд, ваши школьники обречены на деградацию и вечное отставание». (Газета «Слово» от 22 марта — 4 апреля 2019 г.)

Спасибо, господин Сычжан. Может быть, вас услышат наши чиновники, командующие российским образованием. По опыту знаю, что кадры этих чиновников создаются из карьеристов, из неудавшихся учителей.

Но именно нынешних учителей обвиняют чиновники во всех бедах школы. Но учителя-то при чём? Они насильно загнаны в систему, которая вынуждает заниматься чем угодно, только не образованием. А если образованием, то только формальным и легковесным.

Игорь РОМАНОВ,
доктор социологических наук

МИГРАНТЫ И РОССИЯ

«В Якутии мигрантам запретили работать водителями и продавцами» — заголовок новости на «Интерфаксе».

Простой житель России, который ставит миграционную проблему на одно из первых мест среди угроз государству, естественно поддержит такое решение якутского руководства. На это и рассчитано — на реакцию среднего жителя России, уставшего от миграционного давления на страну.

Мигранты сами по себе никогда не давили бы на российские территории, если бы не две силы. Одна — выталкивающая мигрантов из родных земель. Другая — затягивающая их в Россию.

Массовая миграция решает комплекс проблем по утверждению нового мирового порядка. Главное здесь то, что миграционные потоки ломают старый традиционный порядок. Ломают общество, которое бросают мигранты, вырываясь с корнями в другие земли. И ломают то общество, в которое мигранты пытаются прорасти, пустив корни на новой земле, в новом незнакомом духовном и культурном климате. В результате — всё расползается, рушится, приходит в хаотичное движение. Мигранты-водители на незнакомых для них улицах российских городов — символический пример такого движения.

В Якутии теперь мигрантов от вождения общественного транспорта отлучают. Многие уже поддерживают якутскую региональную инициативу. Но ведь миграционная проблема всё равно остается. Мигранты всё равно остаются и даже преумножаются.

Массовая миграция создает криминальную среду, толкает людей на преступления. Люди-мигранты становятся раздражителями в новом обществе. Уголовное преступление становится естественным следствием массовой иностранной миграции, при которой огромное количество людей иной культуры вливается в новое общество.

Политика поощрения массовой миграции из одного государства в другое — это преступление против жителей того и другого государства. Европа — яркий свидетель последствий преступной миграционной политики.

Почему же мы не прекратим это преступление против России? Ведь все псевдонаучные доводы о демографической необходимости притока мигрантов — обыкновенная серая ложь. «Мигранты нужны бизнесу!» — говорят нам. Но зачем России нужен такой бизнес? Кому нужен такой бизнес, который ориентирован на дешевую иностранную рабочую силу, разрушающую государство? Вероятно, тем, кто с этим бизнесом в доле.

Основная цель сегодняшней российской миграционной политики — наполнение мигрантами территорий Дальнего Востока. Об этом давно в Концепции миграционной политики сказано. Якутия — это Дальний Восток. И вот на Дальнем Востоке начинаются показательные административные меры в отношении прибывших из-за рубежа работников.

Мигрантов на Дальнем Востоке станет еще больше, но в Якутии работать на транспорте они не будут. И торговать им

там не разрешат. Другой работой, очевидно, займут мигрантов. Неужели в сферу высоких технологий устремятся шофера-киргизы и продавцы-узбеки? Вряд ли. В Якутии, да и на всём Дальнем Востоке полно других сфер. Ресурсодобывающая, например. Да мало ли других, необходимых в мировом хозяйстве профессий?

Россия увязла в миграционных проблемах. Её туда увязали.

Однако нет у России нужды в иностранных мигрантах. Этим бедным людям нужно помочь вернуться на родину. Нужно заставить руководство наших бывших союзных республик заниматься своим населением. Россия не имеет права бросать свои братские народы, которые жили на её земле еще в составе Империи. И Россия обязана позаботиться об этих народах. Но не путём перекачивания трудовых ресурсов с киргизских или узбекских полей. А путём крепкой державной политики, способной оберегать не только русский народ, но и тех, кто всегда жил рядом с нами в дружбе и согласии. Но чтобы согласие было, чтобы русский народ вновь стал защитником других народов, а не объектом их обогащения, необходимо русским выздороветь духовно.

И чтобы Россия обрела свою целостность и неделимость, чтобы не было отдельных разнонаправленных политических решений в разных регионах, нужно пересмотреть принципы административно-территориального деления. Существование отдельных национальных республик — путь к распаду государства. Наличие национальных республик — это выталкивание из большой семьи народов России каких-то отдельных народов. Зачем обособлять и отделять от России якутов или бурятов? Россия — семья народов, сплотившихся вокруг русского народа. Сами по себе никакая Якутия или Татарстан существовать не смогут. Их очень быстро поглотят, съедят другие могучие государства. Или вообще они будут растворены в новом мировом порядке.

Россия имеет тысячелетний опыт сбережения множества разных народов на своей земле. Не надо обособлять российские территории. Свободное будущее русских, татар, якутов, киргизов, узбеков и всех, кто желает оставаться человеком, а не морально расчеловеченным существом, возможно лишь в цельной и единой России. Но только со Христом Россия может сохранить свой чистый образ и саму себя. А значит, только в истинно православной России способны обрести мир и согласие народы.

ДАТЬ ШАНС НАШИМ ДУШАМ

Болгарская поэтесса Ёлка Няголова стала лауреатом Международной литературной премии «Югра» 2018 года за книгу стихов «Ангел в пещере» (Москва, издательство «Паблис»). Премия была вручена в Ханты-Мансийске.

Международная литературная премия «Югра» основана в 2007 году Литературным фондом «Дорога жизни» и правительством ХМАО-Югра. Её лауреатами являются ведущие российские и зарубежные писатели, переводчики и публицисты.

Церемония награждения состоялась 4 апреля этого года в Государственной библиотеке Югры в г. Ханты-Мансийске.

Когда я получила известие о том, что мне присуждена престижная Международная литературная премия «Югра», я подумала, что там я ещё не была. Мы были приглашены туда вместе с поэтом, издателем, переводчиком и, прежде всего, с моим другом Людмилой Снитенко. Сибирь, Югра — точка на карте России с магической притягательной силой! Я предполагала, что это довольно

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

интересное место. Но про Сибирь этого недостаточно знать. Её надо почувствовать. А Югру — особенно. Клокочущая энергия этого края заставляет изменить систему координат мироощущения, увидеть невидимое, услышать голос времени, осознать, что между сегодняшним и вчерашним днём есть не только минуты и часы, а масса накопленного молчания, в котором человеческий дух подобен двум великим рекам, сливающимся одна с другой под Ханты-Мансийском. Душа человека подобна духу реки, которая ищет близкую душу, чтобы слиться с ней. Родственную душу... Иртыш, который берёт начало в Китае, и одна из самых протяжённых рек на Земле Обь (3647 км) преподают людям невероятный урок: каждая сохраняет свое величие, но неистово ищет другую, чтобы слиться с ней. Реки не только помнят, но, я думаю, они способны ценить другого, искать его «дружбу», баловать его — без позы и высоких слов, просто, как это может только вода...

У нас были очень тёплые и интересные встречи. Я впервые попала туда. Для меня это была загадка, как и для большинства людей. О Сибири я знала немного. Недостающие знания компенсировала чтением легенд о доисторических гигантских животных и малых народностях, которые в большом разнообразии входят в состав России, о странном сочетании язычества, шаманства и позже православия. Рассказами об отшельниках, многочисленных золотых куполах и голосах колоколов, о свободе, которую вдыхаешь, выходя из самолета... Эту свободу я встречала повсюду: и в глазах доброжелательных хозяев — Дмитрия Мизгулина, Игоря Ширманова и его жены Ольги, Сергея Козлова, утончённой и деликатной Ольги Павловой — директора Государственной публичной библиотеки (и какой библиотеки!). Свет и добро излучали глаза Марии Кузьминичны Волдиной-Вагатовой, 82-летней родоначальницы хантской поэзии, которую ласково называют «Матушка Югра». Она пишет стихи на ханты и на русском языке. Запомнился свободный и нежный взгляд сибирячки Александры, которая похожа на чеховских героинь... И ещё, и ещё... Мне захотелось перевести на болгарский язык многих поэтов и беллетристов из Ханты-Мансийска и опубликовать их в журнале в виде «Сибирской тетради». Первые тексты мне уже поступили... Между нами тысячи километров, как в песне: «Между нами снега и снега...» А я продолжаю видеть дружелюбные, чистые лица сибиряков и эту гордую свободу в их глазах... Откуда это у них? Не от тех ли первых сосланных и поселившихся в этих местах вольнодумцев, декабристов и их семей?..

Березово — первая остановка для тех, кто во все времена и при всех режимах смело смотрел на власть имущих. Сибирь —

это пространство, связанное не только низкой температурой на градуснике, снежными просторами, множеством легенд и шаманских историй, это путь людей со свободолобивыми взглядами, которые были сосланы в эти места, чтобы охладить их революционные страсти... А также их жёны — великие русские женщины, чаще всего дворянки, лишённые столичных развлечений и элементарных удобств, которые отравились за своими мужьями, чтобы разделить с ними их участь! Снимаю шляпу! Что бы там ни говорили — Долгоруковы, Горские-Друцкие, Ентальцевы, Черкасовы... Это они принесли сюда свой высокообразованный дух, непокорность и... свои мечты общественного устройства. И кого они застали в этих местах? Малочисленных ханты и манси с уникальной местной культурой и редким языком, с детскими улыбками и чистыми сердцами, дружащих с дикой природой, любящих свои чумы, молчаливых в своих убежищах... Часть великого национального разнообразия России!

И приходит мысль о единстве этих многообразных сообществ. Есть какая-то тайная связь, какой-то сплав, который не ржавеет, не стареет, не поддается климатическим, историческим и «инновационным» набегам. Это «единение» прочно связывает малые и большие народы и языки. И главным связующим является любовь этих людей к Отечеству. Любовь, не декларированная словами, жестами и маршами, но любовь к «ближнему». Выстраданная, омытая слезами и кровью, прошедшая через осады, набеги и войны, через внутренние сомнения и ниспровержения, через предательство своих и чужих, через православный исихазм, через смирение и христианскую благодать, через нагрудный крест, с которым русский человек стоит перед Богом... Как говорил Тютчев: *«Умом Россию не понять, Аршином общим не измерить: Уней особенная стать — В Россию можно только верить»*.

Удивляюсь безрассудству некоторых новых пророков и «целителей» современных болезней цивилизации... Они с легкостью анализируют неведомое им, создают догмы, выходят за рамки концепций, переворачивают их с ног на голову, как акробаты... И радуются неистовым аплодисментам, ликуют от общих «открытий», набрасывают дешёвый холст на купола храма... И радуются, и повторяют свои мантры, и принимают следующую таблетку, которая усиливает амнезию толпы... О, бедное человечество, повзрослевшее и состарившееся, но не ставшее умнее, чтобы прийти к мысли, что полный карман не компенсирует пустой головы, а духовный капитал во всех его проявлениях — это единственное, что может предотвратить грядущий Вавилон...

Но вернемся в Ханты-Мансийск. В небольшом Западно-Сибирском городе (около ста тысяч жителей) много старых и новых церквей. Мы были в гостях у Ханты-Мансийского и Сургутского митрополита Павла. Он показал нам богатый иконами храм и святые мощи... Его глаза сияли, когда он говорил о недавно построенных храмах на щедрые дары людей, что церкви, какими бы просторными они ни были, полны народом. Его Высокопреосвященство благословил нас на поиск верного пути...

А главный храм — настоящее чудо! Он воздвигнут на одном из высоких холмов города. Широкая аллея каскадов спускается по лестнице вниз. На площадках для отдыха находятся бронзовые свитки, всего десять, столько же, сколько Божьих заповедей. А в самой нижней точке, у подножия холма — величественный памятник святых братьев Кирилла и Мефодия. Их лики повсюду, как светлая святая благодарность людей. Они изображены на моем внушительном дипломе, удостоверяющем международную награду..

Всё, что с ней связано, я воспринимаю с честью и трепетом. Я знала, что меня номинировали, но я не верила, что это произойдет. Для меня не безразлично, что передо мной стоят имена таких писателей, как Валентин Распутин, Глеб Горбовский, Даниил Гранин, Станислав Куняев, Горан Петрович... И те, кто получил награды в разных номинациях в этот раз: Виктор Линник, Леонид Иванов, Александр Игумнов, Ненад Илич.

Я думаю, что любая характеристика сибирской земли и этих людей была бы неполной и фрагментарной, если бы она не была связана с понятием духовности. Духовность проявляется во всём... И сегодня прекрасные музеи Ханты-Мансийска (музеи чрезвычайно высокого уровня!) переносят вас в разные времена... И Природно-научный музей, и Художественный музей (с великими полотнами Айвазовского, Репина, Васнецова, Шишкина, Левитана...), и Музей геологии, нефти и газа, и Этнографический музей под открытым небом... А какие концертные и театральные залы, какие жилые здания! За 30 лет город полностью изменил свой облик. Да, кто-нибудь скажет, читая эти строки: что делает нефть! И ошибётся! Потому что всё в этом магическом крае сделано не только с помощью привлечённых средств. Сделано людьми с большим вкусом и большой верой и ясным осознанием, что они строят на многие, многие годы вперед...

Пишу и слушаю подаренные мне диски с песнями на стихи Дмитрия Мизгулина, тонкого и очень одарённого поэта и удивительного организатора, который является председателем Ханты-Мансийского отделения Союза писателей России и пре-

---

зидентом Литературного фонда «Дорога жизни». Его романы продолжают замечательный жанр русской песенной традиции.

История культурного развития Болгарии неразрывно связана с Россией и со славянской литературой. У меня в этом богатый личный опыт. Мне было всего 18 лет, когда в России начали переводить и печатать мои стихи. Так случилось, что даже моя первая книга вышла здесь, а не в Болгарии. В этом особенность моей творческой биографии. Мой путь в литературе с самого начала идет одновременно на двух языках: на болгарском, который является моим родным языком, и на русском. Поэтому меня рано узнали в России и отнеслись ко мне с большим вниманием. Я чувствую себя в России своей. А когда ты уверен, что тебя любят и ценят, это не может не принести положительных эмоций.

Название книги «Ангел в пещере» происходит от названия одной из моих поэм. В книге собраны мои стихи, переведенные на русский язык известными современными российскими поэтами. Но какова история Ангела? Я привезла своих друзей в православный скальный монастырь Аладжа под Варной. Там мы поднялись наверх и увидели Ангела, нарисованного на стене часовни. Я всегда очень волнуюсь при встрече с ним и пытаюсь найти для себя ответ на множество вопросов. Поэма именно об этом, я спрашиваю себя, почему улыбается Ангел. Искусствоведы сравнивают улыбку Ангела с улыбкой Моны Лизы...

В значительной степени размышления писателя о жизни являются исключительным свидетельством его проникновения в глубины невидимого.

Нет, не случайно то, что произошло в этом году в Нотр-Даме, не случайно, что именно в этом особенном месте, наиболее символичном для христианства Западной Европы. Издавна поэзия звучит как набат, как напоминание о Вавилонской башне, которая разрушает тишину внутри нас.

Возможно, Бог даёт нам знак единения, к которому мы, славяне, должны стремиться, — к союзу, основанному на добре, любви и высших ценностях жизни. Жизнь нашей цивилизации становится слишком материальной. Цивилизация взрослеет, но, увы, не набирается мудрости... Всё в современном мире говорит о недооценке огромного разрыва, который возник вокруг нас. И если вовремя мы не прочитаем поданные нам знаки, если мы наконец не увидим и не услышим друг друга, думаю, будет страшно. В основном все поэты — это люди, обеспокоенные происходящим, люди, которые всем разумом и сердцем улавливают Божии каналы и настроение сегодняшнего дня и время от времени пробуждают чувства народа.

О чём пишутся стихи? О любви, дружбе, верности, вере и о человеческих ценностях, о которых порой мы забываем. Но есть понятия, которые неизменны, как святое понятие Родины, Отечества. И сказать об этом надо так, чтобы слёзы навернулись на глаза. Может быть, это почувствовали парижане и поэтому плакали?.. Становились на колени и плакали, и молились.

Известно, что где возникает затаенное противоборство, социальные потрясения и революции, там накапливается негативная энергия. Из школьной программы помню, что энергия не исчезает, а только переходит из одного вида в другой. И происходят пожары, наводнения, землетрясения. Если взглянуть на значительный исторический период и перелистать хронику событий, то станет очевидно, что эта взаимосвязь всегда существует.

Болгарский поэт классик П.К. Яворов сказал: «Чужой боли не бывает». И это было написано так прекрасно, что я каждый раз плакала, читая элегию «Армяне». Потому что чужой боли не бывает. И истинный поэт это знает. Единственное, что нам нужно сделать, это открыть глаза, проснуться и дать шанс нашим душам.

БЕЛАЯ ШАЛЬ

Есть много белых шалей с бахромой.
Ажура их почти не замечаю...
Их роскошью комод наполнен мой —
В него я жизнь смиренно убираю...
Пропущенные трогаю стежки,
В сплетенье тонком их бывает много.
Потом вздыхаю рифмами строки
И вспоминаю пылкость недотроги.
Напомнила мне улицы Москвы
Одной из белых шалей окоёмка,
И, своему желанью вопреки,
Чтоб не заплакать — напеваю громко.
...Когда узнала взгляд издалека,
Мои колени словно подкосились...
Глаза хотелось спрятать под шелка,
Когда с тобой мы навсегда простились.
Разбилось моё сердце, как об лёд,
В один внезапный смертоносный аксель,
Я понимала, бегство не спасёт,
И шаль легла на плечи, как спасатель.
И долго, долго русских песен даль
В себе хранили нити тонкой ткани.

Исчезло всё, как башни из бумаги,
Но не исчезла облачная шаль...
Как кровь от перебитого крыла —
Та капля сока на ажурной ткани...
Творя свой мир, себе я не лгала,
Хоть нашей встречи след простыл в тумане.
Туда, куда карабкалась душа,
Я словно шла за птицей поднебесной...
Ту для меня спасительную шаль
Я всё ищу в своей каморке тесной...

Перевела с болгарского Людмила Снитенко

ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО

Украинофилы любят пересказывать филологическую байку о том, что якобы в творчестве Н.В. Гоголя Россия показана эдаким мрачным, унылым местом, населённым исключительно вороватыми чиновниками и придурковатыми мужиками; в то время как Украина подана великим писателем исключительно как жизнерадостный, солнечный край, где все только и делают, что поют, пляшут и поедают галушки с варениками да вишни с кавунами. Такое суждение представляется весьма странным. И прежде всего потому, что как раз таки Украина Гоголя — это территория, кишашая разного рода нечистью. Более того, если верить Николаю Васильевичу, то «в Киеве все бабы, которые сидят на базаре, — все ведьмы». Гоголь словно стремится доказать читателю: число служителей Вельзевула в этих краях на порядок выше, чем где бы то ни было.

В самом деле — черти, русалки, ведьмы, колдуны, да не по одному, а стаями, появляются чуть не в каждой повести «Вечеров на хуторе близ Диканьки». «Миргород» выглядит чуть менее зловеще. Хотя нечисть, прописанная в «Вие», уравновешивает

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

вают остальные сказания сборника: «Вихорь поднялся по церкви, попадали на землю иконы, полетели сверху вниз разбитые стёкла окошек. Двери сорвались с петель, и несметная сила чудовищ влетела в Божью церковь. Страшный шум от крыл и от царапанья когтей наполнил всю церковь». Даже божество преисподней Вий появляется собственной персоной. Но главное — «испуганные духи бросились, кто как попало, в окна и двери, чтобы поскорее вылететь, но не тут-то было: так и остались они там, завязнувши в дверях и окнах <...> Так навеки и осталась церковь с завязнувшими в дверях и окнах чудовищами, обросла лесом, корнями, бурьяном, диким терновником; и никто не найдёт теперь к ней дороги». Гоголь так и говорит: «осталась навеки». И если уж мы доверяем суждениям Николая Васильевича, то стоит помнить об этом «навеки».

Но всё же центральной повестью украинского цикла следует считать «Заколдованное место». К такому выводу приходишь после ознакомления с историей Украины. Познав, чем и как жил этот край, невольно делаешь заключение, что «Заколдованное место» — то ли пророчество Гоголя, то ли гениальное по художественности обобщение, представляющее историю Малороссии.

Вспомним сюжет этой были, рассказанной дьячком ***ской церкви. Дед Максим, встретив знакомых чумаков и расчувствовавшись, пустился в пляс. Но стоило ему дойти до середины вытоптанного места возле баштана, как напал на деда столбняк, и ноги сами отказались плясать дальше. Так повторялось несколько раз. Дед чертыхался, ругал сатану — собачьего сына, как вдруг очутился в неизвестном краю. Всё вроде знакомое, но всё другое. Тут он заприметил свечку на могиле и, решив, что здесь непременно зарыт клад, навалил на могилу большую ветку — для памяти, после чего отправился искать дорогу домой. На другой день, ударив по месту, где не вытанцовывалось, заступом и хорошенько ругнувшись, дед снова очутился возле могилки со свечечкой. Стал копать — наткнулся на котёл.

— А, голубчик, вот где ты! — вскрикнул дед, подсовывая под него заступ.

— А, голубчик, вот где ты! — запищал птичий нос, клюнувши котёл.

Посторонился дед и выпустил заступ.

— А, голубчик, вот где ты! — заблеяла баранья голова с верхушки дерева.

— А, голубчик, вот где ты! — заревел медведь, высунувши из-за дерева своё рыло.

Дрожь проняла деда.

— Да тут страшно слово сказать! — проворчал он про себя.

— Тут страшно слово сказать! — пискнул птичий нос.

— Страшно слово сказать! — заблеяла баранья голова.

— Слово сказать! — ревнул медведь.

— Гм... — сказал дед и сам перепугался.

— Гм! — пропищал нос.

— Гм! — проблеял баран.

— Гум! — заревел медведь».

Всё же достал дед котёл и бросился с ним домой. Но дома наутро выяснилось, что котёл полон нечистот. Так на собственной шкуре познал дед Максим старую истину: обыграть дьявола невозможно, а потому не стоит и пробовать — в лучшем случае, останешься в дураках.

История украинского народа развивается по сценарию, описанному Гоголем. Дойдя до места, где перестаёт вытанцовываться, Украина спотыкается, чертыхается и, польстившись на мнимый клад, бросается во все тяжкие. Неудивительно, что в такие периоды выдвигаются вперёд не лучшие, мягко говоря, представители украинского народа. Всё вокруг указывает на то, что сокровища, о которых твердят эти выдвигенцы и к охоте за которыми призывают народ, ложные, что это лукавый кружит и смущает людей. Но котёл с воображаемым золотом всё равно будет откопан, даже если там окажется самый непотребный сор и дрязг. Уже потом, как у деда Максима, является понимание, наступает отрезвление, жизнь возвращается в обычное русло. Но проходит время, и всё начинается с начала.

Гетманы... Директория... ОУН-УПА... Украина — цэ Европа... Ничего не меняется, одни и те же слова повторяются из века в век. «— Гм! — пропищал нос. — Гм! — проблеял баран. — Гум! — заревел медведь».

Уже которое столетие обыгрывается всё та же схема: плясали, споткнулись, чертыхнулись, увидели могилку со свечечкой, побежали копать. Откопали горшок с какой-то дрянью и успокоились. Другими словами, в периоды нестабильности и разного рода противоречий весьма своеобразный украинский народ выдвигает из своих рядов честолюбцев и корыстолюбцев, отлично понимающих, что в союзе с Россией реализовать свои личные амбиции и вождизм они не сумеют, что оставаться вождями получится только на незалежной и самостийной Украине. Да и продать Украину России тоже не удастся, покупателей следует искать на Западе. Поскольку, даже если говорить исключительно о материальных выгодах, то Россия никогда не будет заинтересована в ограбле-

---

нии и нишете Украины. Запад — совсем другое дело, что прекрасно во все времена понимали свидомые проходимцы. А потому, когда новоиспечённый президент Зеленский заявляет, что «США является мощным и очень серьёзным партнёром для Украины, прежде всего в преодолении агрессии России», не стоит удивляться. Ведь ровно сто лет назад его коллеги, возглавлявшие тогда Директорию, сочинили такое послание: «Директория отдаёт себя под покровительство Франции и просит представителей Франции взять на себя руководство управлением Украины в областях военной, дипломатической, политической, финансовой, экономической и судебной в течение всего времени, пока будет продолжаться война с большевиками...» А на Украине в те годы ходили слухи о скором её превращении в один из департаментов Франции и о том, что для торжественного провозглашения этого государственного акта в Киев приедет сам президент Пуанкаре.

Веками для объяснения незалежности используется одна и та же сказка о порабощении будто бы Украиной Москвией, о запрете говорить на родном языке и развивать родную культуру, о притеснении Москвой всего украинского. В обычные годы о притеснениях как будто забывают. Вернее, большинство просто не испытывает потребности переходить на ридну мову и развивать украинську культуру. Но как только просыпается вождизм, то есть как только складываются условия для выдвижения проходимцев, тут же вспоминаются некие притеснения и унижения, вплоть до геноцида.

Происходящим сегодня на Украине не стоит изумляться, поскольку всё это уже было. Украина ещё не отрыла свой котёл с нечистотами, она всё ещё надеется найти клад и копает землю рядом с могилкой. А лукавый всё ещё придерживает свой котёл, оттягивая время окончательной расплаты и отрезвления. Ровно сто лет назад Украина переживала похожий период. Точно так же власть убеждала население, что ни классового противостояния, ни гражданской войны на Украине нет, а есть российская агрессия, которой способствуют местные «агенты Кремля», то есть большевики и русскоязычные. Точно так же особо свидомые кричали «Слава!», а политики были озабочены автокефальной церковью и клялись, что ридна мова получит исключительные (правда, никому не нужные) права и статус. К.Г. Паустовский так вспоминал времена Директории: «В первые дни петлюровской власти опереточные гайдамаки ходили по Крещатику со стремянками, влезали на них, снимали все русские вывески и вешали вместо них украинские <...> Петлюра привёз с собой так называемый галицийский язык — довольно тяжело-

---

весный и полный заимствований из соседних языков <...> При Петлюре всё казалось нарочитым — и гайдамаки, и язык, и вся его политика, и сивоусые громадыне-шовинисты, что выползли в огромном количестве из пыльных нор, и деньги — всё, вплоть до анекдотических отчётов Директории перед народом».

Точно так же раздавались тогда крики о том, что не вступившим в борьбу против угнетателей, то есть против России, нет места на украинской земле. Точно так же антироссийская и антисоветская риторика служила оправданием несостоятельности власти. И даже несмотря на то, что сто лет назад Украина прославилась еврейскими погромами, а ныне евреи возглавляют Украину и управляют ею, набор стереотипов для масс остался прежним.

История, как ей и положено, повторилась в виде фарса. Потому что иначе как фарсом рассуждения украинских евреев о притеснениях украинского языка и украинской культуры не назовёшь. Зачем Зеленскому, Коломойскому, Гройсману, Порошенко или Яценюку украинский язык, тоже никто не знает. А уж почитание украинскими евреями Петлюры как национального героя и вовсе выглядит кощунственным и диковатым. Особенно памятуя о том, что Семён Васильевич Петлюра был застрелен в Париже 25 мая 1926 года именно как убийца тысяч украинских евреев. Само собой, Петлюра не убивал их лично и даже, будучи «в экзиле», то есть в изгнании, слал на Украину какие-то цидулки, призывая хлопцев вести себя хорошо. Но ни один из этих хлопцев, лично причастных к убийствам мирного населения, не понёс наказания и не был осуждён. Более того, заинтересованность в погромах Петлюры очевидна — лучшего способа обеспечить довольство армии он придумать не мог. Ведь запрети Петлюра погромы, и пришлось бы заниматься вопросами снабжения войск. Но вместо этого Семён Васильевич предпочёл иметь армию на подножном корму и самовыгуле, к тому же состоявшую из людей тёмных, невежественных и не шибко развитых, что только и объясняет массовый садизм. Наслушавшись откровений о подвигах петлюровских хлопцев, французские присяжные полностью оправдали убийцу Петлюры Шалома Шварцбарда, сочтя его поступок не преступлением, но возмездием. Впрочем, цену своим хлопцам Семён Васильевич прекрасно знал. «В украинской нации, — писал он в письмах, — столько хамско-сволочного элемента, нестойкости и склонности к предательству, что иногда аж страшно становится, и не знаешь, как бороться с этой гангреной, которая внутри, в самом лоне её, словно шашель, и

точит, и разрушает её». Сам же Семён Васильевич Петлюра, чей 140-летний юбилей Украина отмечает в мае 2019 г., представляет тот человеческий тип, к которому принадлежит, например, и Степан Андреевич Бандера. Это люди, не просто не обладавшие какими-то замечательными талантами, но и вообще весьма ограниченные. Скромные, посредственные, мечтающие, однако, о власти и всемогуществе, о собственной исключительности и значительности. Что такое Степан Бандера? Незадачливый агроном, террорист и фюрер, убитый в подъезде своего дома в эмиграции. Семён Васильевич Петлюра ушёл недалеко. Недоучившийся семинарист, несостоявшийся журналист, он ворвался в историю на белом коне, но очень скоро выпал из седла, не успев прославиться ни одним серьёзным государственным деянием. Кстати, о белом коне. Когда в декабре 1918 г. петлюровские войска подошли к оставленному Скоропадским Киеву, в городе появились листовки, извещавшие горожан о прибытии пана атамана. Сообщалось, что главный атаман въедет в город на белом коне, подаренном якобы жмеринскими железнодорожниками. К.Г. Паустовский написал по поводу этого коня: «Почему жмеринские железнодорожники подарили Петлюре именно коня, а не дрезину или хотя бы маневровый паровоз, было непонятно. Петлюра не обманул ожиданий киевских горничных, торговков, гувернанток и лавочников. Он действительно въехал в завоёванный город на довольно смирном белом коне. Коня покрывала голубая попона, обшитая жёлтой каймой. На Петлюре же был защитный жупан на вате...» Во-первых, получается, что национальный герой Украины был «ватником». Во-вторых, вопрос Паустовского следовало бы адресовать самому Петлюре: зачем он приплёл сюда железнодорожников, да ещё жмеринских? Не логичнее было бы сослаться хотя бы на белоцерковских коневодов? Или вообще ни на кого не ссылаться? Да и белый конь тут ни при чём.

Но нет, не мог поступить иначе пан атаман, крещённый Семёном, но всю жизнь предпочитавший называться по-заграничному Симоном — уж очень незамысловатым казалось выбранное родителями имя. То, что в Петлюре слишком сильна любовь к дешёвым эффектам, а сам он склонен к позёрству и позе, подметил ещё гетман Скоропадский, считавший эти черты национальными особенностями украинцев. По мнению гетмана, объясняется это опять же давлением России, допускаявшей украинство как таковое в одной лишь сфере духовной жизни — на сцене, в театре. Отсюда и врождённая любовь малороссиян к бутафории, к театральщине, к

внешним впечатлениям. А если помножить эту национальную черту на нелепость «квасного» патриотизма, становится понятно, почему, как только к власти на Украине приходят националисты — настоящие или мнимые, — страна превращается, по слову Паустовского, в «плохой, безалаберный, но временами трагический водевиль», и всё, что ни происходит, всё мелко и нелепо. Чего стоят все эти вышиванки (особенно в парламенте страны!), небесные сотни (более пошлого, вычурного названия невозможно было и придумать!), все эти помойные люстрации и поливание друг друга зелёной. Даже пресловутая жестокость петлюровских и бандеровских вояк вкуче с современными майданщиками, сжигающими заживо соотечественников во имя эфемерных идей и не понимающими глубины своего падения, произрастает, возможно, из того же корня — из склонности к позёрству и любви к эффектам, к зрелищам и постановке.

Вопору задаться вопросом: почему же Украина выдвигает из толщ народных таких странных, таких никчёмных героев? Да потому что никакие это не герои. Никогда бы Семён Петлюра не смог стать лидером Украины в пору расцвета и подъёма, поскольку не обладал для этого необходимыми качествами и достоинствами. Удел таких людей — подниматься со дна во время смуты, привлекать к себе внимание скандалами и злодеяниями, а после вновь погружаться в пучину истории. Оттуда их имена наверх выносят волны новой смуты, а вылавливают и извлекают на берег продолжатели бесславных дел. Такие же ущербные и никчёмные.

Заколдованное место, вотчина сатаны, где в каком-то лесу стоит брошенная церковь с навеки «завязнувшими в дверях и окнах чудовищами» — такой представил Украину Н.В. Гоголь. И всё же до сих пор существовал один мощный и действенный способ для устранения беспорядков на Украине. Требовалось просто разогнать проходимцев. Другое дело, что в эпоху глобализма сделать это некому. Кроме, конечно же, самих украинцев, которым ещё только надлежит убедиться, что в найденном котле вместо сокровищ — дрязг, и что обыграть или обмануть дьявола невозможно.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2019 год
(Апрель — май)

5 апреля в ночном эфире у Владимира Соловьева вконец охамевшего польского горлопана Якуба Корейбу охранники вынесли из студии вместе со стулом. Соловьев и Сатановский были вне себя от ярости из-за слишком отвязных откровений прижившегося на российском ТВ польского безнаказанного русофоба. Но на этот раз поляк превзошел все свои предыдущие выпады против русских и против России — он, вальяжно сидя нога на ногу и мерзко, как обычно, лыбясь, высказался об уничтоженных поляками евреях во время Второй мировой войны. «Вы — такие шовинисты, — с кривой ухмылочкой бросил Соловьеву Корейба, — что вас правильно уничтожали!» Нужно было не спать в два часа ночи и видеть почерневшие, искривившиеся от внезапного онемения лица Соловьева и Сатановского, показанные оператором ТВ крупным планом. После короткого замешательства Владимир Рудольфович подскочил к Ко-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

рейбе и закричал не своим голосом: «Вон отсюда, мерзавец, или я тебя порву! Охрана, вынесите его отсюда вместе со стулом!» После чего два охранника вынесли Корейбу из студии под его крики: «Вы боитесь правды! Вы всё лжёт!»

Якуб Корейба, конечно, законченный мерзавец. Но все его предыдущие русофобские выпады благополучно сходили ему с рук. Какую бы антироссийскую ахинению он ни нёс, его без каких-либо последствий вновь приглашали на любые политические ток-шоу на центральных каналах российского телевидения. И так продолжалось в течение нескольких лет. В конце концов он распоясался окончательно, видя, что русофобия в нынешней России — позволительна, никак и никем не пресекается, а значит, как он понял, поощряется и даже приветствуется редакторами и ведущими политических программ. А раз так, то надо идти дальше, видимо, решил он. Почему бы не позволить себе и антисемитских выпадов? И позволил наконец. И убедился, что сунулся куда-то не туда... Даже стул выкинули из студии, на котором он сидел, чтобы, как объяснил В.Соловьев, никто от него не заразился...

Но тут надо объяснить самому Владимиру Рудольфовичу: заигрались вы, ведущие политических передач, с этими польско-литовско-чешско-украинскими мерзавцами и подонками, каждодневно приглашаемыми вами в телеэфир. Вы, похоже, надеялись, что они ограничатся только лишь русофобскими выпадами, которые вполне допустимы в российском телерадиоэфире. Что ж вы теперь так искренне и бурно возмущаетесь их антисемитскими выпадами? Этого следовало ожидать. Вы сами и вскормили их безнаказанный антисемитизм многолетней и бесконечной безнаказанностью их экстремистской русофобии на всех центральных российских телеканалах.

* * *

Пока Украина была вместе с Россией, в ней строили комбайны, самолеты, ракеты и авианосцы. Но как только ей предоставили самостоятельность, там всё встало и развалилось. Зато в разы выросли злоба, ненависть, зависть, чванство и высокомерие.

То, что этот «свободолюбивый народ» и эта «страна» не способны к самостоятельному государственному строительству, было ясно давным-давно, со времен Богдана Хмельницкого. Но сколько бы Россия ни восстанавливала государственность Малороссии и т.н. «Украины», ее национальные идеологи вновь и вновь разжигали в сердцах эмоциональных «украинцев» стремление к «нэзалэжности». И всякий раз, полу-

---

чив эту «нэзалэжность» и «самостийность», их «страна» в мгновение ока оказывалась у разбитого корыта и раскалывалась на враждующие и воюющие между собой части. После чего России опять и опять приходилось эти враждующие части примирять, соединять и экономически восстанавливать.

Однако на этот раз, похоже, соединить несоединимое уже не удастся. Нам, русским, эта украинская истерично-крикливая и туповато-хамоватая *котовасия* по горло осточертела. Ни Донецк, ни Луганск больше никогда не вернуться «Вукраину», не станут ее частью. Тем более что в ней, «Вукраине», уже всюю хозяйничают америкосы. Вожделенная «нэзалэжность» «Украины» вновь мгновенно испарилась — сразу после ее провозглашения она была продана заокеанским «друзьям». В прошлые века крикливые самостийные «гетьманы» пытались продать ее шведам и немцам. Но из той затеи ничего не вышло — Россия ударила им по рукам. На этот раз в Кремле не оказалось жесткого и волевого лидера, готового вмешаться и предотвратить продажу «Украины», собственно, российской земли, вездесущим американским глобалистам. Кремль ограничился возвращением Крыма.

Возвращать в Россию территорию под условным названием «Украина» рано или поздно всё равно придется. Но уже через кровь. Пусть с другими кремлевскими «вождями», но придется. Как, собственно, и было в прошлые века. Вспомним Полтаву, вспомним Гражданскую войну и Великую Отечественную... Потому что иначе американские ракеты будут стоять на границе России — под Харьковом.

Мне часто говорят: мол, когда русский народ будет богатым, когда мы будем жить лучше всех, когда у нас будет соблюдаться законность и справедливость, бывшие советские республики к нам сами потянутся. И еще говорят, что после возврата Украины в состав России там снова начнется активное сопротивление и борьба за отторжение.

Во-первых, России совсем ни к чему, чтобы все бывшие советские республики к ней вернулись. Мы уже сейчас задыхаемся от кавказско-азиатской миграции. А вторых, русские никогда не были богатым народом, такая уж у нас судьба. Но государство мы сохраняли несмотря ни на что. Сталин в 1939 году присоединил Западную Украину и Западную Белоруссию, не спрашивая у их народов, хотят они этого или не хотят. Существование страны было важнее. И это присоединение отодвинуло границу и оттянуло вторжение Запада на российскую

землю, дав шанс на оборону столицы, к которой немцы подошли лишь в ноябре-декабре, когда ударили морозы. Без этого присоединения они пришли бы в Москву уже в августе-сентябре. А любое *западенское* сопротивление и попытки отторжения быстро преодолеваются при волевой, умной и жесткой власти.

Это должен понять каждый, кто не безразличен к судьбе России. Речь идет о сохранении для будущих поколений нашего государства. Без возвращения «Украины» в состав России сохранить свою суверенность нам будет невозможно, т.к., повторяю, американские ракеты в этом случае окажутся под Харьковом, т.е. на нашей границе, и Штаты будут диктовать нам свои условия. И что там думают по этому поводу жители «Украины» (по поводу возвращения в состав России), не имеет существенного значения. Сохранение России — важнее. Возможно, мы (нынешние поколения) не доживем до нового воссоединения России с Украиной, но это произойдет обязательно.

* * *

21 апреля состоялся второй тур выборов украинского президента. Как и ожидалось, ублюдочный дегенерат *вальцман-поросенко* с треском провалился. Это действительно ожидалось всеми в России и большинством в «нэзалэжной», т.к. его омерзительно-лживая физиономия и там, и здесь уже не вызвала ничего, кроме брезгливого отвращения. Молодой шоумен В. Зеленский победил его с трехкратным перевесом голосов. И почти вся Украина в первые часы после этой победы пребывала в эйфории своего восторга. Наивная, бедная, кичливая Украина!..

Эта закомплексованная на своей *национальной ущербности* Украина еще не понимала, не могла осознать, что выбрала себе очередного кота в мешке. А точнее говоря, — темную лошадку, заранее подготовленную для нее Западом и хитро навязанную ей с помощью многосерийного веселого фильма «Слуга народа», полгода шедшего по украинскому ящику накануне выборов, фильма, в котором молодой эстрадный пересмешник сыграл роль президента Украины. Таким вот нехитрым медийным способом украинское население было легко зомбировано. И когда главный герой фильма с экрана телевизора вышел в реальную жизнь, ему не составило никакого труда стать реальным президентом.

Жители «нэзалэжной» надеялись, что после этих выборов украинский политический цирк закончится. Как же они

ошибались! Впрочем, как всегда, ошибались. Настоящий политический цирк после 21 апреля только начинался!

«Украинцам» очень трудно было уразуметь, что этот молодой волчонок **не может** быть президентом. Более того, им почти невозможно было объяснить, что этот полуграмотный клоун **не способен** стать главой государства. И если он через хитроумную технологию «выборов» им стал — это означает, что у них, «украинцев», нет никакого государства. А точнее говоря, это означает, что данное государство — фейковое, липовое, существующее лишь в их воображении.

Да, комедия «Слуга народа» продолжалась, шагнув из экранов зомбоящика в *украинскую* действительность. Эстрадное шоу и юмористическая клоунада с *украинской* сцены перепрыгнули в *украинскую* жизнь. И теперь всё, что будет связано с новой властью, любые ее действия, слова и заявления, станут продолжением клоунады, будут вызывать усмешку, недоверие или даже хохот — так же, как вызывал хохот г-н Зеленский, находившийся на сцене.

Клоун, комик, комедиант в реальном государстве по определению не может быть верховным главнокомандующим, не может, не должен определять внешнюю политику этого государства, потому что никто его, клоуна, шута и пересмешника, не будет воспринимать всерьез. А если он таковым стал, то и государство это точно так же не будет восприниматься всерьез. Впрочем, оно и раньше никем всерьез не воспринималось, но тогда была хотя бы какая-то внешняя видимость серьезности. Теперь же и видимость стала ни к чему.

В Киеве есть такой *украинский политолог* по фамилии Гордон. Так вот он на второй день после «*феерической победы*» мистера Зеленского заявил в интервью российскому каналу ТВ (в очередном шоуупределении «60 минут»): «*Во главе Украины вновь будет стоять еврей. И все вы должны об этом помнить*». Правильно и вовремя напомнил всем г-н Гордон: «*В Украине*» один политический шут еврейской национальности заменён на другого политического клоуна еврейской национальности. Билеты проданы. Зрители на своих местах. Цирк продолжается.

P.S. В словаре синонимов русского языка рядом со словом «клоун» стоит слово «чёрт». Вот кого на самом деле выбрали для себя *украинцы*. Эх, Николая Васильевича нам бы сейчас, Гоголя...

***

Россию вновь поджигают. Вновь жгут Сибирь.
Вот что я писал в «Протуберанцах» весной 2018 года:

«Как только потеплело — по всей Сибири и по всему Дальнему Востоку вспыхнули бесчисленные лесные пожары. Каждый день — новые. Местные власти не успевают их тушить. Подключили армию, но и она не справляется. Сгорают тысячи гектаров тайги. И происходит это за последние 10 лет ежегодно! Вспомним, что в СССР ничего подобного в Сибири не было. Я сам служил в Восточно-сибирском военном округе в 60-е годы. Ни о каких пожарах и речи не шло.

Так в чём же дело? А в том, что все нынешние таёжные пожары — рукотворны. Тайгу сознательно, целенаправленно и упорно поджигают. А СМИ, как обычно, все эти возгорания списывают на «непотушенный окурок» или случайно загоревшуюся траву. Конечно, — это самое безобидное объяснение. Но утверждаю в сотысячный раз: случайных пожаров не бывает. Ни от «окурка», ни от «короткого замыкания». Абсолютно все пожары имеют не только имя и фамилию, но и цель и умысел поджигателей».

Эта заметка была помещена в Сети год назад. Но кому она пошла впрок? Что изменилось? Власти каждый год наступают на одни и те же грабли. И не способны остановить это варварство. Не способны, потому что в противном случае придется останавливать миграционную политику Кремля. А этого там ох как не хотят. Мигрантов неоднократно ловили на поджоге травы и леса. В основном китайцев. Но показывать это по телевидению и сообщать в новостях запрещено. В головы населения вдалбливается эта дурацкая фразочка: «природные пожары» — как будто их сама природа устраивает... Власти, как всегда, боятся правды.

Сгорают целые деревни и поселки. Огонь и смог от дыма подходит к городам.

А китайцы, прикрываясь (по документам) очищением леса от сушняка, бесплатно вывозят эшелонами таёжный лес. Бесплатно — для государства, но с откатами для продажных местных властей.

И ведь ни разу нам по ящику за последние годы не показали ни одного поджигателя... Почему бы это? Да потому что какие могут поджигатели? Пожары-то — «природные»...

Россия вновь горит. Деревни, самолеты и люди горят... В Мурманске перед Днем Победы — трехдневный траур. 41 сгоревший заживо в самолете Москва—Мурманск в Шереметьево. Как обычно, основная версия — ошибка пилотов...

Площадь пожаров, как сообщают каждый день в новостях, только увеличивается. В стране пора вводить чрезвычайное положение, а мы всё никак не наспразднуемся... Паралы, паралы... Самых себя, что ли, так успокаиваем?..

* * *

Думаю, ни новые сибирские пожары, ни зверские террористические акты в Шри-Ланке, осуществленные исламистскими радикалами в апреле этого года, ничему не научат кремлевские власти, и они не откажутся от своих планов заселения России новым десятиллионным потоком азиатских мигрантов.

* * *

Вопрос на засыпку: почему наши прокуроры и судьи, пересажавшие массу русских людей по 282-й статье УК, не обращают внимания на публичного русофоба и антисемита одновременно — А.Сытина?

И я ответу, почему. Потому что он прежде всего — русофоб. Причем сам об этом объявляет с экрана центральных каналов ТВ.

* * *

Страна и особенно «патриотические» телевидения радуются новому указу В.В. Путина об упрощенной процедуре получения российского гражданства для жителей донбасских республик. Особенно мне удивительно то, как радуются все поголовно именно «патриотические», вроде и неглупые, теледискурсанты и «телеполитологи». Но чему они радуются? Тому, что после пяти лет физического уничтожения, моральных издевательств и экономического подавления Украиной населения Донбасса эти люди, окрещенные фашистской нелюдью «сепарами», «террористами» и «мразями», наконец смогут получить российский паспорт, оставаясь при этом на той же экономической подавляемой и физически уничтожаемой территории. Более того, скажем прямо, — через пять лет предательства российской властью чаяний жителей Донбасса. А что, нельзя было этот указ подписать еще пять лет назад, когда население Донецка, Мариуполя и Луганска бомбили с воздуха и крушили из «Градов» и «Ураганов»?.. То есть сразу после их референдума. Кто мешал и что мешало? Надеялись избежать санкций? И теперь, через пять лет, получив в подарок все санкции, которых боялись, наконец-то решились...

Ну и что, нельзя не задать вопрос, даст этим людям российский паспорт? Они, что, смогут переехать в Россию со своими семьями и купить здесь квартиру по бешеным ценам? При их-то безденежье? Да, пенсионеры, может быть, станут получать российскую пенсию. Но жить-то им где? Там, где их каждый Божий день обстреливают укрофашистские ублюдки?

И что это за выход такой придумали в Кремле? Выход из чего? Выход людей из Донбасса? А что будет с этой территорией? С этой их землей и родиной?

Запричитали наши умильные «патриотические» воздыхатели: «Ах, как хорошо! Ах, как умно придумано! Ах, какой это правильный ход!..» К большому сожалению, воздыхатели наши дальше своего носа видеть не способны. И понять самостоятельно не способны, что идея эта (с российскими паспортами) в скором времени провалится. Во-первых, она не станет выходом для разрешения тяжелого экономического положения Донбасса. Во-вторых, она мало что даст самим жителям донбасских республик, как в моральном, так и физическом (в смысле — житейском) плане. И в третьих, она не решает территориальной проблемы Донбасса, которая на сегодняшний день — главная для защитников этой земли. То есть идея паспортизации не способна остановить войны. Она — лишь прикрытие продолжающегося предательства Кремлем русской земли Донецкого бассейна, как и русского народа, живущего на этой земле. Эта кремлевская полумера и эта пыль в глаза, пущенная нашим улыбчивым президентом, не решит никаких основных проблем донбасских народных республик.

И «патриотические» воздыхания наших телеговорунгов в скором времени закончатся их обычным разочарованием.

* * *

Давно ли мы поражались 9 миллиардам рублей, обнаруженным в квартире полковника полиции Д. Захарченко! Но теперь этот рекорд побит. На сей раз рекордсменом коррупционеров в погонах стал куратор банков от ФСБ полковник Кирилл Чекалин. По данным «Росбалта», при обысках в трех его квартирах были обнаружены наличные в размере 12 млрд. рублей.

В нынешней демократической России властные продолжатели дела подпольного миллионера Александра Ивановича Корейко расплодился как грибы после дождя. С той лишь разницей, что теперь они стали подпольными миллиардера-

---

ми. Так, скромный экс-глава Клинского района Подмосковья Александр Постригань сумел на своем посту обзавестись имуществом на 4 млрд. руб. А бывшего главу Серпуховского района Московской области Александра Шестуна следователи обвинили в незаконном присвоении домов и земельных участков на сумму 10 млрд. руб. Однако силовики в погонах, как видим, предпочитают осязаемые наличные — в мешках и коробках...

* * *

17 мая Израиль вновь бомбил Дамаск. Это через две недели после традиционно теплой встречи Нетаньяху и Путина в Москве и их продолжительных, необычайно улыбчивых и *«крайне дружеских»* переговоров, широко освещенных всеми нашими центральными телеканалами. И после этих новых ракетных бомбардировок Дамаска официальный Кремль вновь не проронил ни звука. Какая-то странная, если не сказать, шизофреническая ситуация. Нетаньяху чуть не каждый месяц обнимается с Путиным в Кремле, и вскоре после этого Израиль неуклонно бомбит Сирию. Они что там, в Кремле, договариваются, что ли, об этих бомбардировках?.. Потому что иначе эти бесконечные *«дружеские»* переговоры воспринять никак нельзя.

* * *

По сообщению газеты «Коммерсант» от 22 мая сего года, «военное следственное управление (ВСУ) Следственного комитета России (СКР) по Москве предъявило обвинения в окончательной редакции бывшим сотрудникам управления «М» ФСБ России капитану Владимиру Безрукову, сотруднику оперативного управления центра информационной безопасности (ЦИБ) спецслужбы капитану Николаю Комарову и заместителю начальника отдела по вопросам миграции УМВД по Северо-Восточному округу Москвы подполковнику Юрию Васильеву. По версии следствия, капитан Безруков с помощью подполковника Васильева, работу которого он курировал, организовал незаконную миграцию жителей Киргизии в Россию (ч. 2 ст. 322.1 УК РФ). Клиентов силовикам находили предприниматели Алмаз Караев и Анар Сеидов. Они собирали с киргизов деньги и «откатывали» их полицейскому и чекисту (ч. 6 ст. 290 УК РФ). В оформлении мигрантов им, как считает следствие, помогал капитан Комаров из ЦИБа. Кроме того, силовики злоупотребляли должностными полномочиями (ч. 1 ст. 286 УК РФ). Группа, по данным следствия, могла легализовать пребывание в России

нескольких сотен мигрантов, получив за это с декабря 2017 года по 20 марта 2018 года около 7,5 млн. руб. Показания о выплатах денег сотрудникам управления собственной безопасности (УСБ) ФСБ дал обвиняемый в даче взятки в особо крупном размере (ч. 5 ст. 291 УК РФ) Анар Сеидов. Поскольку он заключил досудебное соглашение о сотрудничестве, признав свою вину, его уголовное дело было выделено в отдельное производство. Факты коррупции подтвердили и несколько свидетелей, не привлеченных в качестве обвиняемых».

Сколько среди этих сотен незаконных мигрантов оказалось завербованных боевиков Игила (организации, запрещенной в России), одному только Аллаху известно. Впрочем, какое это имеет значение, если с легкой кремлевской руки в нашу страну **ежедневно** прибывают тысячи мигрантов с юго-востока?

Заметим, что сдали этих оборотней в погонах ради спасения своей шкуры именно те, на кого они «трудились», — азиатские мигранты; сдали — и сами, скорее всего, останутся на свободе.

* * *

Ну что еще могли под конец сделать эти моральные уроды в вышиванках из так называемой «верховой рады»? Что мог еще сделать под конец своего президентства этот кровавый недоумок и изовравшийся уголовник по кличке *вальцман-поросенко*? Только запретить русский язык.

Почему все на свете моральные уроды так боятся русского языка? Почему они его так ненавидят? А моральные уроды, сидящие в т.н. «верховой раде» в вышиванках, — особенно яро. Потому что русский язык показывает, **раскрывает** их моральное уродство и «нравственное» убожество. Даже ничего доказывать им не нужно. Русский язык сам по себе им же самим **доказывает** их бескультурье, их беспросветное невежество, подлость, безграмотность и неразвитость. И что им остается делать? Как с этим жить? Что, кроме ненависти и озлобления, может вызывать в них язык, до которого они в качестве потомков холопского племени не доросли и который одним своим звучанием напоминает им об их этнической неполноценности и завистливой закомплексованности? Они ведь нутром чувствуют величие русского языка — выразителя величия русской нации. Своим озлобленным умом воспринимать это величие они не желают, но нутром — чувствуют, и это их бесит еще сильнее. И потому напоследок, когда поняли, что их дни у власти истекли, — что они могли и обязаны

были сделать в первую очередь? Только запретить русский язык! И с каким самодовольством, с какой патологической радостью два дебиловатых дегенерата — *парубий* и *вальцман-поросенко* подписали этот преступный, дикий и нацистско-фашистский закон о запрете русского языка на Украине! На той Украине, которую спасли и выстроили русичи, создав себе в связи с этим море проблем и несчастий.

Ведь если бы в 1653—1654 годах Земский собор и русский царь Алексей Михайлович не поддались на уговоры запорожских казаков во главе с Богданом Хмельницким и не приняли бы их в российское подданство, то уже давным-давно никакой Малороссии и, следовательно, Украины не было бы в природе. А земли эти уже давным-давно принадлежали бы России в качестве русских земель без всякого упоминания Малороссии и тем более Украины. Но те, кого Россия через великую кровь русских воинов множество раз спасала от полного истребления и распыления турками, крымчаками, поляками, немцами и т.д., затаили вековую злобу к своим спасителям. Все эти чубатые и длинноусые носители вышиванок и их малограмотные «кобзари» веками взращивали в себе комплекс ненависти к русским освободителям и просветителям. И взрастили, и наконец выплеснули ее с помощью своей «украинской элиты» в качестве закона о запрете русского языка.

Рано или поздно это должно было случиться. И случилось наконец. И хорошо, что случилось. Потому что хуже всего, когда злоба, зависть и ненависть сидят внутри и не имеют выхода. И мы воочию увидели эту злобу, зависть и ненависть, вырвавшуюся наружу, — в словах, законах и в перекошенных физиономиях «украинской элиты», сидящей в т.н. «верховой раде», увидели в истеричном крике и в таких же перекошенных от злобы физиономиях «украинских экспертов» на российском телевидении. Выражают ли они состояние умов и душ всех жителей Украины? Нет, конечно. Иначе ублюдок по кличке *вальцман-поросенко* не провалился бы с треском на президентских выборах. Но...

Но, как говорит российский эксперт программы «60 минут» Дмитрий Абзалов, «проблема заключается в следующем»: украинский народ не является русофобским народом, нет в нём ненависти к России и к русскому народу. И большая часть украинского народа говорит по-русски. Но... «проблема заключается в том», что те, кого украинский народ избирает во власть, мгновенно превращаются в этих самых русофобов и недоброжелателей, а то и нескрываемых врагов России. Казалось бы, почему?

Потому что власть — это деньги. Чаще всего — легкие и большие деньги. И те, кто прорвался на Украине во власть, понимают, что от них требуется, чтобы эти большие и легкие деньги иметь. А русофобия хорошо оплачивается врагами России. Помимо русофобии врагами России хорошо оплачивается местный, доморощенный нацизм.

Да, русофобия и местный нацизм на Украине соответствующим образом оплачиваются западными хозяевами «самостийности» и «незалежности». И, оказывается, как выгодно, как удобно, радостно и «почётно» быть ненавистником и врагом России, когда тебе за это прилично платят! Отсюда — и факельные шествия и столь «модные» в «верховной раде» вышиванки!..

Но проблема **для них** заключается еще и в том, что государство под названием «Украина» исторически себя исчерпало. Этот государственный проект украинской независимости оказался безнадежно нежизнеспособным. Украина не просто несостоявшееся государство, как уже открыто говорят и пишут вполне серьезные современные аналитики, но она и **не могла** состояться в качестве самостоятельного государственного образования. Это было ясно гетману Богдану Хмельницкому почти 400 лет назад. Это ясно теперь и нам после почти 30-летнего периода ее пародийной, зашедшей в тупик «самостийности». Невозможно самостоятельно построить дом, мелко и подловато завидуя старшему брату, ненавидя его и строя против него злобные козни — против старшего брата, который спас тебя в поле от волков, обогрел, накормил и дал тебе полную свободу. Зависть, ненависть и злоба — чувства не Божеские, с ними ни дома, ни государства не построишь.

* * *

Киев пополнился еще одним клоуном. Комический президент Зеленский одним из первых своих указов вернул украинское гражданство пожирателю галстуков *Мишико Собакошвили*. Ну не войну же останавливать комику Зеленскому... Первым делом ему позарез надо было еще одного бывшего *клоунадного президента* «Вукраину» вернуть... Чтобы жить стало веселее... Может, в скором времени вместе начнут по крышам бегать...

Бедная Украина... Выбрать украинца себе в президенты она не способна. Только еврея — и никак иначе. То *вальцман-поросенко*, теперь комик Зеленский... Еще и Юля Капительман чуть было президентом не стала... И вот удивляются украинцы: а чего это у ихних президентов предвырные обеща-

---

ния не соответствуют их реальным делам, поступкам и после-
выборным заявлениям?.. А чего удивляться? Ведь они не
украинцы... Восточная хитрость — она такая...

Смех сквозь слёзы.

***

31 мая Зеленский обратился к ЕС с пожеланием, чтобы санкции против России были вечными. Я и не сомневался в том, что этот молодой еврейский волчонок, оболванивший с помощью киношного сериала «Слуга народа» украинское население, станет *вальцманом-поросенко №2*. Но любая копия, любое повторение — это всегда пародия и фарс. Если №1 вызывал у всех нормальных людей естественное отвращение, то №2 ничего, кроме смеха, что бы он ни делал и что бы ни говорил, вызвать уже не может. Санкции Запада против России и без зеленских пожеланий — вечные с незапамятных времён. И будут таковыми до скончания мира. Одного только не предусмотрел зелёный *президент* недолговечной *Украины*: Европейский Союз вот-вот сам развалится, и потому говорить с ним о вечности — даже не смешно, а просто глупо.

Вышла в свет новая книга Валерия Хатюшина
«Вино и хлеб. Духовная лирика».

Книгу можно приобрести в редакции журнала
«Молодая гвардия» и в книжном киоске

Союза писателей России (Комсомольский пр-т, 13).

Цена почтовой доставки заказной бандеролью 300 руб.

Номер карты Сбербанка: 2202 2005 6546 0175.

Свой почтовый адрес можете сообщить по телефону:
8 916 718 25 52 или по эл. почте: mg0002015@yandex.ru